

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **10** (1)

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **10** (1)

ISSN 2255-9035

Rīga 2013

УДК 281.9 (4)(051)

П 685

Православие в Балтии, № 10 (1)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU aģentūra „LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2012, 192 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dg. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dg. theol. (США)

Миронович Антони, Dg. hab. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Рунце Инесе, Dg. hist. (Латвия)

Пазухина Надежда, Dg. art (Латвия)

Крумения-Конькова Солвейга, Dg. phil. (Латвия)

Корректор: Кузнецова Т.Г.

Компьютерная верстка: Кулис Марис

Publicēts saskaņā ar Latvijas Universitātes FSI

Zinātniskas Padomes 2012.gada 19.julija protokolu Nr. 7

Редакция не отвечает за точки зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке:

Церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы
в Михалово (Пудиново). Фотография 2006 г.

ISSN 2255-9035

© Latvijas Universitātes aģentūra

„LU Filozofijas un socioloģijas institūts”

© Aleksandrs Gavriļins

Содержание

Предисловие.	5
Павел Вячеславович Тихомиров, или жизнь для книги	9
Научные статьи	
Татьяна Шор Документы о ЛПЦ в фонде Синода ЭАПЦ Национального архива Эстонии.	15
Сергей Цоя Латвийская Православная Церковь и Свято-Сергиевский Православный Богословский институт в 20-30-х гг. XX века.	33
Татьяна Фейгмане Сергей Иванович Трофимов.	49
Александр Гаврилин «Неизвестные» латвийские священники: протопресвитер Николай Перехвальский	65
Светлана Ковальчук Протоиерей Николай Македонский и иерей Владимир Володин – настоятели рижского Спасо-Преображенского храма.	101
Мемуары	
Воспоминания архитектора В. М. Шервинского	123
Публикация документов	
Церковная Летопись по Михаловской Церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. (Латгалия конца XIX – начала XX вв. в описании священников Ильи и Владимира Борисовичей).	161
Abstract	189

Предисловие

С 1993 по 2011 г. было издано девять номеров сборника статей (журнала) «Православие в Латвии. Исторические очерки», которые уже стали библиографической редкостью. Учитывая то, что данное издание является единственным в своей области академическим изданием в балтийском регионе, публикующим новейшие научные исследования по истории Православной Церкви, с десятого номера журнал будет выходить под другим названием – «**Православие в Балтии**».

Журнал «Православие в Балтии» опирается на традиции, заложенные изданием «Православие в Латвии. Исторические очерки». Цель журнала – публикация новейших научных исследований по истории Православной Церкви в балтийском регионе; введение в научный оборот неизвестных исторических источников по истории Церкви из архивов балтийских стран и России; издание материалов личного происхождения (мемуаров, дневников, писем), связанных с историей Православной Церкви.

При изучении истории Церкви нужно учитывать, что любое историческое событие, любая истина предполагают, во-первых, наличие определенной культурно-исторической среды, во-вторых, зависят

от субъективности действий человеческого общества. Приоритетную роль для редакции журнала имеют материалы, рассматривающие историю Православной Церкви в регионе как составную часть истории общества. Разумеется, что Церковь – это прежде всего ее святыня, учение, таинства, но в то же время – это и жизнь Церкви в обществе людей, жизнь церковной иерархии в этом обществе. Для Церкви государство есть внешнее историческое оформление жизни того народа, который входит в Церковь. Церковь не могла и не может быть равнодушной к судьбе своей паствы, не может полностью уйти от мира, а, значит, и церковная иерархия обречена на взаимоотношения с государственной властью, которая руководствуется прежде всего политическими устремлениями. Рассматривая положение Церкви в обществе, невозможно обойтись без анализа взаимоотношений Церкви и органов государственной власти, отношений в самой церковной иерархии, отношений духовенства и его паствы, межконфессиональных отношений, наконец, влияния таких факторов, как традиции и менталитет народа, в среде которого существовала и существует Церковь, условий социально-политической и материальной

жизни этого народа, потребностей души каждого человека.

В применении к истории Церкви вопрос о субъективном подходе к тем или иным историческим явлениям неизбежно затрагивает и вопрос о конфессиональном элементе. Разумеется, каждый верующий человек видит истину прежде всего в той Церкви, к которой он принадлежит. В результате конфессиональная принадлежность часто является серьезным препятствием для объективности исследования. Между тем, научная объективность требует правдивого изображения существования Церкви в человеческом обществе. Редакция журнала «Православие в Балтии» подчеркивает научный, внеконфессиональный характер издания.

Издание опирается на сотрудничество латвийских, эстонских, литовских, польских, российских исследователей, однако открыто для историков, религиоведов, философов, богословов, искусствоведов, филологов и др., занимающихся изучением истории православия в балтийских странах.

Все присланные в редакцию журнала материалы проходят через анонимное научное рецензирование. Материалы следует присылать в электронном виде. Статьи должны иметь научно-справочный аппарат, постраничные ссылки. Максимальный объем статьи, включая аннотацию на английском языке (не более 0,5 стр.), – до 30 стр.

Подготовленные к публикации исторические источники должны включать краткое введение. Во введении к публикации материалов личного происхождения следует давать следующие сведения: 1) биографию автора документа, сопроводив ее ссылками на использованные источники; 2) когда и где написан данный документ, кому он был адресован (например, членам семьи автора, широкой публике и др.); 3) внешний анализ источника (например, написан русским языком на бумаге размера А5, от руки,

чернилами, разборчивым почерком, без сокращений и т.п.), особенности стиля автора, общий объем рукописи; 4) внутренний анализ источника; 5) степень достоверности информации, которую дает автор (мог ли он сам знать о событии, которое описывает, или же пишет со слов других, пишет как очевидец или как непосредственный участник событий и т.п.). Текст источника следует сопроводить комментариями в постраничных ссылках. В ссылках, упоминая источники информации, следует пояснить: так или не так было на самом деле, как описывает автор; кем являлся человек, которого упоминает автор; дать современные названия населенных мест, упоминаемых автором и др. Объем публикуемых источников зависит от общего объема журнала.

Редакция журнала не отвечает за точки зрения авторов статей, за содержание материалов, подготовленных авторами к публикации. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Любое переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

10 (1) номер журнала «Православие в Балтии» состоит из трех разделов: 1. Научные статьи; 2. Мемуары; 3. Публикация документов.

В начале журнала помещена статья *Владимира Ивина*, посвященная памяти Павла Вячеславовича Тихомирова, много лет работавшего в книжном магазине-издательстве «Филокалия».

В первом разделе опубликованы пять научных статей. В статье эстонского архивиста *Татьяны Шор* «Документы о Латвийской Православной Церкви в фонде Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви Национального архива Эстонии» анализируются исторические источники 1920-1930-х годов, посвященные

Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ), хранящиеся в Национальном архиве Эстонии. Среди них следует выделить переписку между митрополитом Рижским и Латвийским Августиним (Петерсоном) и митрополитом Таллиннским и Эстонским Александром (Паулусом).

Статья *Сергея Цоя* «Латвийская Православная Церковь и Свято-Сергиевский Православный Богословский институт в 20-30-х гг. XX века» посвящена взаимоотношениям ЛПЦ и Свято-Сергиевского Православного Богословского института (Париж, Франция), а также латвийским студентам этого института.

Статья латвийского историка *Татьяны Фейгмане* «Сергей Иванович Трофимов» посвящена жизни и деятельности представителя латгальской православной русской крестьянской семьи, депутата 4-го Сейма Латвийской Республики С. И. Трофимова (1894-1941), расстрелянного сотрудниками НКВД на берегу Балтэзерса 22 июня 1941 года.

В статье *Александра Гаврилина* «Неизвестные» латвийские священники: протопресвитер Николай Перехвальский» рассказывается о судьбе многолетнего настоятеля Св. Александро-Невского храма в Риге о. Николая Перехвальского. Он был автором учебников по православному

Закону Божию для русских школ Латвии, редактором журнала «Вера и Жизнь». Оказавшись в 1944 году в эвакуации, о. Николай вначале находился на территории Чехии, затем – в лагерях ДП на территории Германии, откуда эмигрировал в США.

Статья *Светланы Ковальчук* «Протоиерей Николай Македонский и иерей Владимир Володин – настоятели рижского Спасо-Преображенского храма» посвящена двум священникам, служившим в Риге в 1920-1950-х годах. Если о. Николай Македонский, благодаря своей активности, был членом Синода ЛПЦ, то активность о. Владимира Володина была «отмечена» советской властью арестом и тюремным заключением.

Во **втором разделе** журнала помещено продолжение воспоминаний одного из ведущих латвийских архитекторов межвоенного периода – Владимира Шервинского (1894-1975), подготовленных к публикации его внуком архитектором Эйженом Упманисом.

В **третьем разделе** журнала публикуется фрагмент приходской летописи Михаловской (Пудиновской) Покровской церкви за 1876 – 1913 гг. Летопись написали два священника – о. Илья Борисович и о. Владимир Борисович.

Павел Вячеславович Тихомиров, или жизнь для книги

24 января с.г. отошел ко Господу Павел Вячеславович Тихомиров. Все произошло так быстро, что было трудно поверить в смерть этого сильного и мудрого человека. Он родился в семье Вячеслава Дмитриевича Тихомирова и Авроры Теодоровны 21 июня 1943 года. Его отец был инженером-строителем, принявшем, в частности, участие в сооружении Кегумской гидроэлектростанции. Павел и его сестра Зоя рано потеряли мать и ее заменила Валентина Ивановна. Павел с ранних лет был связан с церковью и никогда не скрывал своей принадлежности, будучи прихожанином сначала Покровской, а потом во имя Всех Святых церквей. Закончив семилетку, где он слыл «корифеем наук», поступил в Строительный техникум, а потом окончил и Строительный факультет Рижского Политехнического института. Долгие годы работал в Институте механики полимеров и в Политехническом институте. Главным, однако, содержанием жизни Павла Вячеславовича были книги, причем в основном религиозного содержания. Еще до нашего знакомства в далекие времена я случайно встречал этого человека и он как-то запомнился.

В 1971-м или 1972-м году я слушал лекции по философии для кандидатского экзамена в Политехническом институте у

знаменитого А. И. Столярова. Однажды в перерыве в проеме двери промелькнул Павел Вячеславович, и сразу несколько человек бросилось за ним, как оказалось, за интересными книгами. Потом, уже в конце прошлого тысячелетия, когда стали издаваться когда-то невозможные книги, Павел Вячеславович стал приносить в «Филокалию» самиздатовские книги: ксерокопии религиозных книг, любовно собранных и переплетенных, и раздавал их желающим. Мне такие издания никогда не были доступны, и потому некоторые из них я сохраняю, как памятники цветения духа в застойные времена.

Из «сделанных» Павлом Вячеславовичем книг можно упомянуть «Толкования Феофилакта Болгарского», «Творения Григория Нисского», «Невидимая брань Никодима Святогорца», «Откровенные рассказы странника, Старца Силуана», «Всенощное бдение» Владимира Ильина и «Аксиомы религиозного опыта» Ивана Ильина, книгу о воспитании В. В. Зеньковского, «Православное догматическое богословие» прот. М. Помазанского, «Закон Божий», письма игумена Никона, книги о. Александра Меня, мысли Паскаля и многое другое. Следует, однако, отметить, что

первыми трудами П. В. Тихомирова были бумажные иконки, наклеенные на доску и покрытые лаком. Этим делом он занимался года два. Любовь к иконам и их распространение всегда было важнейшим делом жизни Павла Вячеславовича.

Я познакомился с П. В. Тихомировым, когда открылся магазинчик «Филокалия» на улице Тербатас. Это было удивительное время: вдруг стали доступными сокровища христианской литературы. Тогда я почувствовал себя недоучкой, поскольку многое не смог в силу обстоятельств прочитать и многое, вероятно, уже упустил. Только напряженный труд Павла Вячеславовича и его помощников начал врачевать книжное недоедание. Он знал хорошо литературу, имел добрые отношения с издателями, и поэтому все самое лучшее и достойное очень быстро попадало к благодарным читателям. В 1996 году «Филокалия» переехала по адресу Маскавас 116, и тогда по несколько раз в неделю я там бывал. Уже сам по себе интерьер: стройные ряды полок с огромным числом книг и с большим столом посреди комнаты с новинками, икона в простенке между окнами, – настраивал к чему-то возвышенному, но в тоже время очень близкому и теплому. Павел Вячеславович, зная интересы посетителя или выяснив потребность пришедшего, очень обстоятельно рекомендовал то, что есть, с краткими комментариями, а также книги, расширяющие или перекрывающие круг интересов вопрошающего. Ну, и, конечно, предлагался традиционный чай или кофе с булочками или с тем, что приносили с собой для этого случая постоянные посетители. Во время застолья обсуждались новинки, какие-то события из православной жизни, газетные и журнальные публикации, которые тут же можно было посмотреть. Если книгу не было возможности купить, то ее можно было перелистать, почитать и даже скопировать какие-то страницы. Потом

Павел Вячеславович стал находить нужные тексты в Интернете и распечатывать, например, каноны или жития святых.

Приходили в «Филокалию» не только жители Латвии, но люди из многих стран мира: был, например, игумен Герман (Подмошенский) соратник о. Серафима (Роуза), или Никита Струве, или старообрядцы с Аляски, или профессор Гелиан Прохоров из Санкт-Петербурга и др. Книги тоже заказывали из многих стран мира. И всегда Павел Вячеславович старался исполнить по максимуму любую заявку.

Помимо работы с прайсами – списками, содержащими многие тысячи названий доступных для продажи книг, – необходимыми для составления заказов, Павел Вячеславович много времени уделял издательской деятельности. У него постоянно была в работе какая-нибудь книга. При его участии вышли «Писания мужей апостольских» (1992), Молитвослов (1995), первый том «Библиотеки отцов и учителей церкви» (1995), где он также значится членом Редакционного совета. Очень много труда П. В. положил при подготовке книги Преподобного Макария Египетского «Духовные слова и послания» (Индрик, 2002. – 1056 с.). Текст вычитывался и перечитывался, отыскивались скрытые цитаты, вносились стилистические исправления, перепроверялись все ссылки и примечания. Именно поэтому на кончину Павла Вячеславовича один крупный российский ученый откликнулся словами: «Это был один из немногих людей, кому я очень многим обязан. Мои книги – его книги».

Последней большой работой, практически законченной, стала книга священноинока Дорофея. Строка за строкой перечитывался текст, выяснялись первоисточники содержания. Для этого Павел Вячеславович пересмотрел в Интернете много рукописей 14-го и последующих веков. Было перечитано множество научных и богословских

книг, энциклопедий, справочников. Жена Павла Вячеславовича, Вероника Александровна, опытный специалист-библиограф, помогала в разыскании редких изданий, необходимых для текущей работы.

На сороковой день со дня кончины П. В. Тихомирова в «Филокалии» собрались близкие и друзья Павла Вячеславовича, чтобы почтить его память. Книгоиздатель из Москвы Ю. А. Бордуков рассказал о начале своей издательской деятельности, о чудесном появлении первой его книги об Оптиной Пустыни. Весть об этом дошла до Павла Вячеславовича, и он пришел к Ю. А. Бордукову и поинтересовался, не будет ли для него работы. Для книгоиздателя это было большой удачей, так как П. В. Тихомиров обладал основательным опытом

и знаниями. В результате, «Филокалией» было издано около 150 книг, в работе над частью из которых принимал самое активное участие и П. В. Тихомиров. Будем надеяться, что издательская работа Павла Вячеславовича получит всестороннее освещение.

Павел Вячеславович был очень скромным и ничего практически о себе не рассказывал. Только по каким-то косвенным упоминаниям или по тому, что он делал, можно было что-то узнать о нем. Зато он оставил щедрое наследство: это и книготорговля «Филокалия», и множество сделанных им книг, а также бескорыстная помощь очень многим братьям и сестрам. Светлая память о нем сохранится во многих сердцах.

Владимир Ивин

Научные статьи

Татьяна Шор

Документы о ЛПЦ в фонде Синода ЭАПЦ Национального архива Эстонии

Когда в марте 1917 года Южная Эстония объединилась с Эстляндией, образовав единую территориальную единицу с эстонским населением, встал вопрос и о разделении Рижской епархии. В декабре 1917 года был хиротонисан епископ Ревельский Платон (Пауль Кульбуш, 1869-1919), который был назначен управляющим Рижской епархией. В январе 1919 года он мученически погиб от рук большевиков.¹ 19 февраля 1919 года эстонское правительство признало правомочность Временного Духовного Совета Эстонской Апостольской Православной Церкви (далее – ЭАПЦ).² 22 марта 1919 года решением первого Собора ЭАПЦ все движимое и недвижимое имущество бывшей Рижской епархии (храмы, земельные угодья, постройки, капиталы), находящиеся в границах Эстонской Республики, было объявлено собственностью ЭАПЦ, исполнительным органом и юридическим лицом которого стал Синод ЭАПЦ в Таллинне.³

В 1945 году Синод ЭАПЦ в Таллинне прекратил свое существование,⁴ однако его документы стали поступать в государственный архив еще до установления

в республике советской власти. 25 мая 1940 г. документы Синода ЭАПЦ в объеме 685 дел были получены Отделом исторических фондов Центрального архива Эстонии; в январе 1945 года сюда же были переданы еще некоторые документы Синода (бракоразводные дела 1918–1934 гг.). В 1961 г. в ЦГИА ЭССР поступил большой массив документов Синода ЭАПЦ за период с 1777 по 1945 г. (3840 дел и россыпь), прибывший из Таллинна; в 1963 году было принято 8 дел из фонда Рижской Духовной консистории за 1833-1865 гг, подготовленные Иваном Никифоровичем Заволоко. В настоящее время фонд «Синод ЭАПЦ (ЕАОК Sinod, ЕАА.1655, 1804–1952)» хранится в Национальном архиве Эстонии в Тарту и является одним из самых значительных собраний архива, насчитывающих более 6 000 единиц хранения.

В своем обзоре мы не будем касаться документов Рижской епархии, а остановимся лишь на связях ЭАПЦ и Латвийской Православной Церкви (далее – ЛПЦ) с 1918 по 1943 г. Из рубрики «Переписка и дела Синода ЭАПЦ» мы выделили несколько единиц хранения, в которых отразились

Иподиакон Константин Дорин во время учебы в Тартуском университете

основные коллизии в отношениях Церквей Эстонии и Латвии.

Прежде всего, обратим внимание на самый ранний документ этого периода – «Доклад секретаря временного Рижского Епархиального Совета протодиакона Дорина Константина⁵ о командировке в Москву» от 30 сентября 1918 г., адресованный Преосвященнейшему Платону, епископу Ревельскому, управляющему Рижской епархией.⁶ Доклад представляет собой 18 листов формата 22х37см печатного на машинке текста, в которых Дорин описывает свою командировку из оккупированного немцами Тарту в Россию с 22 июня (по старому стилю) по 11 (24 августа) 1918 года с целью выяснить состояние имущества Рижской Духовной консистории и Управления Рижского Архиерейского дома, эвакуированных из Риги в Новгород в 1915 г. Согласно ревизии, проведенной Дориным

по имущественным инвентарям, был сделан следующий вывод: «Последняя статья 135 указывает на полное самоволие о. эконома в расходовании вверенных ему сумм Архиерейского Дома. Здесь записано буквально следующее: «эконому иеромонаху Пантелеймону⁷ выдано двухмесячное жалование за время 3-х месячного отпуска на приискание себе нового приюта в обителях какой-либо епархии – 150 руб.». Ввиду обнаруженных мною <неисправностей> и нерадивого отношения о. эконома к охране эвакуированного в 1915 г. в г. Новгород имущества Архиерейского Дома и крайне неисправного ведения денежной отчетности, несмотря на двукратное замечание консистории, такой награды он не заслужил. Ввиду того, что о. эконом, между прочим, заявил мне, что, хотя и есть за ним недочеты по управлению Архиерейским Домом, с него, как с монаха, взять нечего и он на днях собирается уехать искать себе место в каком-либо из русских монастырей, я вынужден был обратиться в консисторию с подробным докладом о замеченных мною неисправностях как по денежной отчетности Архиерейского Дома, так и по охране эвакуированного имущества оно, причем просил, чтобы до тех пор, пока о. эконом не даст исчерпывающий ответ, увольнительного билета ему не было выдано».⁸

Из Новгорода путь о. Дорина лежал в Москву, куда он выехал 1 (14) июля 1918 г. с целью выяснить виды советской власти на возвращение капиталов духовенства. В беседах с членами Собора и Синодальной канцелярии выяснилось негативное отношение Поместного Собора к введению нового стиля и, в частности, отмечалась проблема с определением дней празднования Св. Пасхи. По вопросу о порядке замены консистории Епархиальным Советом единого мнения в Москве пока не было, хотя, по словам Дорина, он «видел своими глазами дело об утверждении Варшавского

Епархиального Совета, сменившего собой Варшавскую Духовную консисторию».⁹

Только спустя пять дней после приезда К. Дорина в Москву его принял митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский, 1854-1928), бывший архиепископ Рижский и Митавский (в 1897-1910 гг.), у которого Дорин служил секретарем.¹⁰ Беседа продолжалась три часа, Владыка расспрашивал об отношении немецких оккупационных властей к православным Прибалтики. При этом Дорин не преминул польстить епископу Платону (Кульбушу), написав: «Владыка очень радовался, что в Вашем лице православная Прибалтийская Церковь нашла не только опытного кормчего, но и действительного борца в такое исключительное историческое время».¹¹ Далее разговор шел о судьбе эвакуированного в Новгород имущества Рижской епархии. Как оказалось, чиновники Рижской консистории жалования не получали из-за отказа в субсидиях Синода. В связи с этим Владыка Агафангел пообещал снова поставить этот вопрос перед Синодом, но в то же время настоятельно рекомендовал ликвидировать консисторию и образовать постоянный Епархиальный Совет. Митрополит поинтересовался, почему резиденция епископа Ревельского, возглавившего Рижскую епархию на время немецкой оккупации, не находится в Риге, на что получил пространное разъяснение, из которого следовало, что немцы считают Лифляндию и ее столицу своею вотчиною, а к Эстляндии относятся, как к оккупированной территории, чья судьба еще не вполне ясна. В качестве аргумента Дорин обратил внимание митрополита на то, что если для временного пребывания епископа Платона в Риге «для исходатайствования пропуска понадобилось без малого 2 месяца, то о переселении туда на постоянное жительство даже говорить не приходится, – получить на это разрешение невозможно и думать;

если бы даже удалось добиться этого разрешения, то Епархиальное Управление было бы совершенно оторвано от самой епархии. Врученная мною Его Преосвященству карточка с внутренним видом Рижского кафедрального собора, обращенного в лютеранскую кирху, вызвала в нем очень грустные чувства: Архипастырь очень осудил иереев нашего собора за то, что ни у кого из них не оказалось столько пастырской ревности, чтобы уберечь свою святыню, около которой призваны были служить, от разорения врагов. Вообще на всю эвакуацию епархиальных учреждений и священников Владыка смотрит, как на историческую и непростительную ошибку».¹²

На следующий день К. Дорин снова явился на Патриаршее подворье, увидел спешащего на экстренное заседание Совета митрополита Агафангела, который на просьбу принять его ответил, что пусть он приходит дня через два. Дорин же окольными путями узнал, что заседание Священного Синода и Высшего Церковного Совета связано с официальным известием о расстреле царской семьи в Екатеринбурге. Совещание было закрытым, но Дорин пробрался в алтарь храма и слышал речи около 10 ораторов. По словам иподиакона, бывший член IV Государственной Думы протоиерей Ф. Д. Филоненко¹³ отрицательно отнесся к идее отслужить панихиду по погибшему императору, полагая, что она «советскою властью могла бы быть принята за вызов, влекущий за собою разгон членов Собора».¹⁴ Большая же часть собрания – архимандрит Владимир, лейтенант Артамонов,¹⁵ Аф. В. Васильев,¹⁶ кн. Трубецкой¹⁷ и другие – считали, что членами Собора должна быть отслужена панихида по погибшей семье. Сразу же после окончания заседания Патриарх Тихон (Беллавин, 1865-1925) отслужил панихиду по убиенному монарху в присутствии всех служащих консистории и подворья.

Далее Дорин сообщал о своей простуде, которая принудила его в течение двух дней оставаться в постели, а в воскресенье 8 июля он явился к началу Литургии в Казанском соборе, куда его не пустили, но он со стороны наблюдал крестный ход по Красной площади: «Народу была масса. Крестный ход этот для москвичей не отличался особенной грандиозностью, но на меня – провинциала, он произвел самое грандиозное впечатление».¹⁸

На следующий день Дорин вновь посетил подворье, к Патриарху допущен не был, но зато снова встретил митрополита Агафангела, и тот дал совет, как получить аудиенцию у Патриарха, так что на следующий день К. Дорин, наконец, встретился с Патриархом. Тут он снова, как прежде митрополиту Агафангелу, изложил все, что знал о положении православной Церкви в Прибалтике, а также коснулся поездки в Ригу епископа Платона и попытке немецких властей выслать его оттуда. Патриарх тоже удивлялся, что Рижская консистория работает не в центре епархии. В связи с этим Дорин пишет: «В том пункте, где я коснулся нашей общей боязни, как бы германцы не арестовали Вас (т.е. епископа Платона Ревельского – *Т. Ш.*) или не выслали Вас из пределов Прибалтики, как человека, не соответствующего духу германской политики, Святейший возразил: «Вы боитесь ареста, а наших архиереев большевики прямо расстреливают...».¹⁹ Парадоксальным образом случилось так, что слова Патриарха Тихона совсем скоро сбылись в отношении епископа Платона (Кульбуша) – 13 января 1919 г. он вместе с протоиереями Николаем Бежаницким и Михаилом Блейве был расстрелян большевики в Тарту.

Аудиенция Дорина у Патриарха Тихона продолжалась около получаса, при этом посланец Рижской епархии спросил, поддерживает ли Москва своих чад православных, буде вдруг Прибалтика отойдет от России.

На это Патриарх Тихон ответил, что, конечно, Российская Церковь никого не забывает, ведь и за границей есть греко-российские миссии, а что касается послания для епископа Платона, то оно уже было вручено ранее другому посланнику от Рижской епархии – эстонцу И. Юхтунду.²⁰ С этим Дорин покинул Патриарха, совершенно им очарованный, и двинулся к следующему пункту назначения своей командировки.

В этот же день вечером Дорин прибыл поездом в Рязань и направился в Архиерейский Дом к Высокопреосвященному архиепископу Рязанскому и Зарайскому Иоанну (Смирнову, 1844-1919; в 1910-1917 гг. – епископ Рижский и Митавский).²¹ Тот только что вернулся из поездки по епархии, но встретил Дорина радушно. Последний прочитал ему приветствие от рижан, на что Владыка отвечал примерно так: «Благодарю чинов Рижской Духовной консистории за их привет. Их служба, их усердное отношение к своим обязанностям, – всегда меня радовали. Но особенно благодарю за привет все духовенство Рижской епархии. Наученный горьким опытом своей долгой жизни всегда следовать воле Божьей и велениям начальства, я безропотно принял свое назначение на Рязанскую кафедру. Не скрою, в этом назначении для меня было привлекательно то именно, что Рязань для меня почти родной город, в котором протекала моя 31-летняя духовно-учебная служба и что большинство духовенства ее – для меня люди знакомые – все мои бывшие ученики.»²² Но все же я видел перед собою те трудности моего служения, которые выпали на мою долю в этой большой епархии. О своем служении на Рижской кафедре я вынес неизгладимое впечатление: высококультурное развитие Рижского духовенства, его высокий образовательный ценз сказывались на всех сторонах епархиальной жизни; все были проникнуты сознанием своего высокого пастырского служения; в отношении

к себе я видел всегда только одну любовь и внимание; в отношении к друг другу я наблюдал полную солидарность, чуждую интриг, а, наоборот, исполненную благожелательности и братской взаимной любви. Словом, духовенство Рижской епархии всегда стояло на высоте своего положения, чего, к сожалению, нельзя сказать о духовенстве других епархий.

Принося благодарность за присланное приветствие и сооруженный архипастырский жезл, выражаю также свою благодарность всему духовенству за его усердное служение на ниве Христовой, за его пастырскую ревность и молю Господа, чтобы Он укрепил его в дальнейших трудах во славу святой своей Церкви и, в свою очередь, прошу всех не забывать меня в своих молитвах и простить меня, если я по человеческой немощи моей кому-нибудь досадил. Передайте мой братский привет и искреннюю благодарность моему преемнику по Рижской кафедре, Преосвященнейшему Платону. Радуюсь, что в его лице Рижская епархия обрела себе и опытного кормчего, и твердого борца и защитника; радуюсь его успехам и той любви, которую он приобретает у всех пасомых...».²³

Далее Дорин подробно остановился на нестроениях в Рязанской епархии, по всей вероятности, узанных со слов окружения архиепископа Иоанна. Он даже раздобыл один экземпляр печатного доноса на иерарха Рязанского, который якобы потворствовал большевикам, высказав сожаление по поводу сложного положения, в котором на склоне лет оказался бывший управляющий Рижской епархии.

Покинув Рязань, Дорин направился в Орел, остановившись по дороге в Воронеже, куда был эвакуирован Тартуский (Юрьевский) университет. Был ли он в Орле и зачем туда ехал, из текста отчета не видно, так как все затмили дорожные трудности в переполненных вагонах с вечно

голодными красноармейцами, весьма склонными к мародерству и грабёжам. 18 июля Дорин вернулся в Москву и снова посетил Епархиальный дом. Там он узнал, что новый приходской Устав еще не отпечатан и в Новгород не выслан. Средств для улаживания дел в типографии у Дорина не оказалось, следовало еще также озаботиться и получением пропуска в Новгород. Между тем Дорин снова встретился с митрополитом Агафангелом и рассказал ему рязанские новости. Тот в свою очередь поведал об «ужасах Ярославского восстания. Большая часть города разрушена красноармейцами: разрушены Демидовский лицей, кафедральный собор, дом соборного духовенства, Спасский монастырь, в котором помещался Архирейский дом; от консистории ни одной бумажки не осталось. Показывая на свой чемодан, Владыка с кроткою улыбкой на устах сказал: «Вот здесь все мое имущество»».²⁴

В последний день своего пребывания в Москве Дорин забрал с собою архиерейскую мантию, крест и панагию, митру и посох, взятые архиепископом Иоанном при отъезде из Тарту/Юрьева в Москву для участия в Поместном Соборе. 22 июля он посетил Савво-Вишерский монастырь,²⁵ игуменья которого Сергия была одной из основательниц рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря – Екатериной Мансуровой.²⁶

В консистории Дорину вручили записку с резолюцией по поводу проведенной им ревизии, где все недочеты взыскали на иеромонаха Пантелеймона, которому был объявлен строгий выговор, сделанный устно без занесения в послужной список, и он был уволен со службы «согласно выраженному желанию».²⁷ Из записки становится известным, что имущество церкви Риги находилось в одном из храмов Десятинного монастыря, а ключи от него хранились у игуменьи. Дальнейший присмотр за имуществом Архиерейского Дома был поручен

исполняющему обязанности столоначальника консистории Абрамову. Из письма Дорина выясняется, что Рижская контора Государственного Банка, в котором содержались денежные средства Рижской епархии, была эвакуирована в Тулу. Понятно, что оттуда денег в Новгород на содержание консистории не переводили, поскольку о Пантелеймон никак не давал о себе знать.

24 июля (6 августа) Дорин выехал в обратный путь из Новгорода, запасшись разрешением на провоз документов, необходимых Епархиальному управлению. Из-за беспорядков и военных действий в районе Луги через Псков проехать не удалось, поэтому пришлось взять курс на Петроград. В Петрограде в течение трех дней Дорин стоял в очереди в германское консульство для получения пропуска. Получив пропуск, он двинулся на Балтийский вокзал, но тут случилась забастовка железнодорожных рабочих. Когда же, наконец, 29 июля (11 августа) ему удалось пробиться к билетной кассе, то оказалось, что нужен пропуск до Ямбурга, который надо получать где-то в городе. Естественно, тут же подвернулся «какой-то железнодорожный комиссар», который за 33 рубля все устроил и в ночь на 30 июля Дорин покинул «северную столицу». В Ямбурге немцы пропускали через границу жаждущих покинуть «Совдепию», но лишь по 50 человек в сутки. Дорин в очереди оказался 66-м. Добравшись до пограничного пункта в деревне Дубровка, он встретился там с комиссаром этой таможни бывшим диаконом Юрьевского Александро-Невского Собора К. Перфильевым,²⁸ который и помог своему бывшему коллеге пересечь границу. При въезде в Нарву весь транспорт окружался усиленным нарядом германских солдат и всех пассажиров распределяли по карантинам. Дорин оказался в Балтийском дворянском карантине, прошел там сначала «грязное отделение», затем «дезинфекционное заведение, где можно

было заразиться чем угодно, но только не избавиться от заразы», далее следовала баня с холодной водой и осмотр у врача, который прививал холеру, тиф и оспу. Дорин выбрал противотифозную прививку, скрыв, что едет из Петрограда, и сказал врачу, что оспенную прививку он получил в Юрьеве перед командировкой. Еда в карантине была малосъедобна, так что, у кого была возможность, питались на свои деньги. В день Преображения Господня прививку повторили, но в церковь на службу не пустили. Подытоживая свои впечатления, Дорин написал: «Чтобы не распространяться, скажу одно, что я вынес впечатление, что карантин этот под прикрытием санитарных целей преследовал исключительно политическую цель. Режим по отношению к нам был прямо тюремный. Заняться каким-нибудь делом не было никакой возможности: настроение было самое подавленное. Зато когда на 11 день своего пребывания в карантине я получил свободу, то почувствовал непреодолимое желание сходить в храм Божий, поставить свечку и возблагодарить Господа за освобождение. <...> По мере своих сил я старался выполнить все возложенные на меня Вашим Преосвяществом поручения, что усматривается из вышеизложенного. Хотелось бы для епархии сделать гораздо больше, но в Москве я застал такую разруху, в духовных сферах такое смятение, что пришлось ограничиться только тем, что ввести их в курс всей нашей жизни под властью германских оккупационных властей. И должен сказать, что меня все, начиная от Святейшего Патриарха, выслушали с полным вниманием и сочувствием к нашим тяжелым переживаниям; и если бы там жизнь сложилась легче, это сочувствие выразилось бы в более ощутительной для епархии форме».²⁹

К записке Дорин приложил подробный денежный отчет, который представляет собой интересный документ с ценами на

билеты, на еду, на извозчиков, за багаж и т.п. в Советской России лета 1918 г. На запрос Синода ЭАПЦ о судьбе эвакуированных в 1915 г. в Россию документов Рижской епархии Синод ЛПЦ 26 июня 1923 г. ответил, что имущество из Новгорода, несмотря на постоянные запросы, еще не реэвакуировано.³⁰

Поскольку в июле 1921 г. ЛПЦ во главе с архиепископом Иоанном (Поммером) подтвердила свою верность Московской Патриархии, эстонские коллеги, занятые по примеру своих финских соседей хлопотами об автономии перед Константинопольским Патриархом, не слишком стремились к взаимному общению. Переписка, начатая в 1922 г. о разделе имущества бывшей Рижской епархии, свидетельствует о том, что в 1926 г. «братские Церкви» не пришли к соглашению об имущественных долях.³¹ Многие русские пастыри, лишённые своих мест из-за незнания эстонского языка, переехали в Латвию.³² В эту ситуацию в начале 1930-х гг. подлил огонь и опальный епископ Иоанн Печерский (Булин, 1893-1941), бывший в Латвии проездом во время своего паломничества в Иерусалим и принятый в Риге весьма любезно.³³ Правда, в 1931 г. Синод ЛПЦ позволил протоиерею Н. Лейсману работать в своем архиве и сделать выборку документов, касаемых эстонских церквей.³⁴

Трагическая кончина главы ЛПЦ архиепископа Иоанна (Поммера) открыла новую страницу в отношении православных Церквей двух соседних государств. О том, что споры вокруг выборов нового епископа не оставили эстонских коллег равнодушными, свидетельствует дело о положении в ЛПЦ. В 1935 г. в Синоде ЭАПЦ появилась записка «О делах Синода Латвийской Православной Церкви 1935 г.», содержащая следующие документы:

- Оповещение об избрании и рукоположении Епископа;

- Выписка из Указа и Послание Церковному управлению (Синоду) Латвийской Церкви-епархии временно Управляющего Латвийской Епархией Митрополита Литовского и Виленского Елевферия от 1 июля 1935 г.;
- Распоряжение Сергия Митрополита Московского и Коломенского о назначении митрополита Елевферия временным Управляющим Латвийской церковью;
- Копия обращения митрополита Елевферия к Рижско-Латвийскому православному Синоду;
- Копия письма Святейшего Патриарха Сербского Варнавы на имя протоиерея Рижского кафедрального Христорождественского собора о. Иоанна Янсона (28.6/11.07.1935 Срем.-Карловцы);
- Копия отношения Литовского Епархиального Совета на имя митрофорного протоиерея о. Кирилла Зайца от 23 августа 1935 г. № 1010 по поводу снятия с него обвинений в присвоении сумм кафедрального собора;
- Машинопись статьи проф. И. Стратонова «К латвийским церковным нестроениям» (Берлин, 28.08.1935);
- Вырезка из газеты «Русское слово» со статьей: Церковник. Церковные события в Латвии (Письмо из Риги) (Вильно, Львов, 25.08.1935).³⁵
- Статья А. Светлова «Прощение латвийского Синода Константинопольскому Патриарху»;
- Машинописная копия из газеты «Литовский Вестник» от 21 ноября 1935 г. заметки А. Светлова «Великое отречение (Вселенский Патриарх и Православная Церковь за рубежом России)» (по поводу приезда в Латвию Фиатирского митрополита Германа);
- Копия всеподданнейшего прошения Синода Латвийской Православной Церкви Святейшему Фотию, Вселенскому Патриарху о разрешении избрания и

Дорогой товарищ,

О. І О А Н Н Ъ.

Благодарю за телеграмму, которую получил 19 марта вечером и содержание которой передал по телефону Архиепископу Николаю.

Въ виду тѣсныхъ и дружественныхъ отношеній между нашими Церквами и одинакового намѣ положенія ихъ мнѣ съ Архиепископомъ Николаемъ съ радостію прибудемъ на предстоящее торжество Латвійской Церкви.

Предварительно только я просилъ бы сообщить, нужно ли намъ съ собою взять облаченія и въ случаѣ надобности, какого цвѣта или у Васъ достаточно облаченій архіерейскихъ для всѣхъ участвующихъ въ торжествѣ.

Кромѣ того нужно было бы знать, въ какой день и съ какимъ поѣздомъ желательнѣе приѣхать.

Изъ Таллина въ Ригу выходятъ 3 поѣзда - 16,00, 18,30, и 23,30 ч., прибывающіе въ Ригу: первый - 0,09, второй - 7,27 и третій - 12,30.

Просилъ бы по возможности скорѣе сообщить желательныя свѣдѣнія. Въ случаѣ надобности можно по телефону № 442-17.

Призываю на Тебя благословеніе Божіе, и желаю всего лучшаго.

Q

Уведомительное письмо митрополита Александра (Паулуса) о его участии в хиротонии главы ЛПЦ. 1936 г.

хиротонии епископа из двух кандидатур: протоиерея Иоанна Янсона и протоиерея Августина Петерсона;³⁶

- Копии и выписки Положения о выборах православного епископа в лоне Русской Церкви;

- Копия письма-обращения к митрополиту Сергию (Страгородскому) от 25.07.1935 г. по поводу просьбы газеты «Православная Русь» развеять слухи «о якобы “несвобождении” Русской Церкви в СССР».³⁷

Из дела видно, что идея определенных латвийских политических и церковных кругов выйти из лона Московского Патриархата не оставалась без внимания и поддержки эстонского Синода. Об этом свидетельствует тот факт, что в дальнейшем как документы о хиротонии латвийского епископа, в которой принял участие митрополит Ревельский и вся Эстонии Александр (Паурус) и новый архиепископ Печерский Николай (Лейсман), так и более поздняя переписка с латвийским Синодом и ее деятелями, рассматривались как внутреннее дело эстонской церковной жизни, так как эти документы находились вместе с письмами и отчетами эстонских священников о приходских делах. Среди прочего здесь находится письмо следующего содержания:

20.III. 1936.

Дорогой Владыка!

Вчера я послал тебе телеграмму о том, что будем просить тебя и архиепископа Николая приехать к нам на торжество посвящения митрополита Августина. Официальное приглашение от нашей Церкви ты получишь. Дай мне знать, которым поездом ты приедешь, чтобы тебя встретить. Будешь ночевать у меня. За дорогу туда и обратно, я думаю, Синод уплатит. Переговорите с отцом протоиереем Николаем Пятсом,³⁸ может быть он согласится приехать вместе с вами.

Подпись: протоиерей И. Свемпс.³⁹

На обороте приписка:

Дорогой Владыка!

Шлю сердечный привет! Мы, твои товарищи, будем очень рады твоему прибытию на наше торжество посвящения Митрополита. С нетерпением будем ждать тебя.

Протоиерей К. Блодонс.⁴⁰

После избрания главой ЛПЦ митрополита Августина общение между двумя Церквями стало более интенсивным, однако проходило в рамках обыденной церковной жизни.⁴¹ Из интересных документов укажем на протоколы Собора Эстонской, Латвийской и Финской Церквей, решения Утрехтской конференции и переписку между иерархами по этому поводу.⁴²

Новые испытания выпали на долю Православных Церквей Эстонии и Латвии с установлением советской власти и возвращением в юрисдикцию Московского Патриархата. 1940–1941 годы внесли изменения в привычный уклад, который впредь стал определяться директивами советской власти, а также Уставами, указами и циркулярами управления Московского Патриархата и экзарха Латвии и Эстонии митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского, 1897–1944). В публикации А. В. Гаврилина «Документы по делу митрополита Рижского и всей Латвии Августина (Петерсонса). «Латвийские папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей» представлены важнейшие документы с момента перехода ЛПЦ в Константинопольский Патриархат вплоть до суда над митрополитом Августином Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей 4/17 и 5/18 сентября 1946 г.⁴³

Митрополит Рижский и вся Латвии Августин и митрополит Таллиннский и вся Эстонии Александр в марте 1941 г. встретились в Москве и после покаяния были приняты в каноническое общение с Московским Патриархатом. Но в душе Августин, как и его эстонский собрат, остались верны

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЬИШЕМУ А Л Е К С А Н Д Р У,
МИТРОПОЛИТУ ТАЛЛИНСКОМУ И ВСЕЯ ЭСТОНИИ .

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

После полутора годичного тяжелого периода вдовства и сиротства Нашей Латвийской Православной Церкви, наконец, милостию Божию, отеческой попечительности святейшаго патриарха ВЕНИАМИНА I, заботами и предстательством Правительства Латвийской Республики и волеизъявлением всех чад Латвийской Православной Церкви, — мы у порога Светлаго Чертога Христова, откуда 29.марта с.г. ожидаем явления носителя апостольской благодати — первого Митрополита Латвийской Православной Церкви.

29.марта с.г. в кафедральном соборе града Риги состоится хиротония новонареченнаго Митрополита Латвийской Православной Церкви и в 18 часов по полудни в тот же день торжественный чин интронизации новопосвященнаго Митрополита.

Ивещая ВАС, ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО, о предстоящем светлом и радостном торжестве Нашей ЦЕРКВИ, всепочтительнейше просим ВАС прибыть в Ригу для соучастия и сослужения в предстоящих торжествах хиротонии и интронизации Митрополита Латвийской Православной Церкви.

О времени прибытия ВАШЕГО в Ригу благоволите уведомить нас заблаговременно.

Испрашивая ВАШИХ Святительских молитв и благословения — пребываем

Синода Латвийской Православной Церкви

Рига, "20." Марта

1936.г. № 644-

Член:

Приглашение Синода ЛПЦ митрополиту Александру (Паулусу) и епископу Николаю (Лейсману) принять участие в хиротонии главы ЛПЦ. 20 марта 1936 г.

своим прежним идеалам, поэтому немецкая оккупация воспринималась ими поначалу как освобождение от большевистского атеистического ига и восстановление национальной православной Церкви. Об этом свидетельствует переписка митрополитов Александра и Августина с января 1942 по июнь 1943 г. В опубликованном А. В. Гаврилиным протоколе № 7 судебного заседания Архиерейского Синода РПЦЗ, в частности,

излагается суть конфликта между митрополитом Августином и экзархом Сергием (Воскресенским), но это, так сказать, точка зрения извне. Дело из Исторического архива Эстонии свидетельствует о непосредственной реакции двух митрополитов на эти события. В деле содержатся 17 писем митрополита⁴⁴ Августина, машинописные отпуски ответов митрополита Александра и три письма протоиерея Иоанна Свемпа

(12.07.1942; 13.02.1943, 17.06.1943).⁴⁵ В переписке иерархов прослеживается межвоенная история двух Церквей и их личная трагедия в годы Второй мировой войны. Письма носят доверительный тон, так как известно, что Августин Петерсон окончил Рижскую семинарию в 1895 г., т.е. через год после Александра Паулуса, его сокурсниками были эстонцы Павел Сепп и ближайший сотрудник митрополита Александра (Паулуса) – Константин Густавон.

Дело открывает письмо митрополита Августина от 26 мая 1942 г., в котором подводится итог делам ЛПЦ в течение первых двух оккупационных лет.⁴⁶ Это ответ на открытку, посланную Августину митрополитом Александром Таллиннским. В письме сообщается, что митрополит Августин теперь живет не в Риге, а в деревне. Далее Августин излагает все мытарства, пережитые им после их последней встречи в Москве. Рассказ начинается с момента отъезда Августина из Москвы, затем корреспондент описывает появление в Риге митрополита Литовского и Виленского, экзарха Латвии и Эстонии Сергея,⁴⁷ который отстранил его от всех дел: «Сергий приехал в Ригу 9.IV и сейчас же принялся за разрушение церковной жизни. Меня совершенно отстранил от дел, закрыл Синод, уволил благочинных и в какое-то им организованное Епархиальное управление назначил Зайца,⁴⁸ Янсона,⁴⁹ Бенигсена (из жидов),⁵⁰ Трубецкого (зятя Янсона),⁵¹ Торопогрицкого,⁵² который, стуча по синодскому столу кулаком (аки некий Аввакум) требовал еще в октябре 1940 г. присоединения к Москве, и секретаря Д. Ишевского – форменного чекиста, конечно, во главе с самим Сергием. Что можно ожидать от такого управления? Сергий сам сейчас же стал самодержествовать: за мною шпионит, без стеснения угрожает, чуть кто ко мне проявляет расположение, – терроризировать. Он в совершенстве усвоил на практике применять большевистские

Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус). 1930-е годы.

приемы управления. Я его скоро раскусил, и 25 апреля пришлось уехать в отпуск в деревню, хотели оставить меня там жить навсегда. Но когда большевиков прогнали из Риги, Ишевский, конечно, уехал в Москву, а Сергей решил, вероятно, по указанию НКВД, остаться в Риге. Полиция (местная) его арестовала (теперь жалеют, что его не расстреляли), а Янсон и Бенигсен поручились за него, и высшие власти его освободили и взяли под свое покровительство, и он теперь стал их доверенным лицом. Я вернулся в Ригу 18/VII и потребовал от него, чтобы он вернул мне мою кафедру. Он соглашался отдать мне те приходы, которые сами того пожелают. Я от такой комбинации отказался, так как это антиканонично и послужило бы только к разрушению веры и вражды, потому что многие приходы смешанные. Кроме того, я основательно знал,

В центре группы – епископ Печерский Николай (Лейсман). 1939 г.

что из себя представляют оба Сергия. Через несколько дней меня позвали в полицию (Sicherheitspolizei) и предложили ехать в Псков «Экзархом». ⁵³ Это, конечно, по совету Сергия. Я от такой чести отказался и указал им, пусть пошлют Сергия, так как он антиканонически сидит в Риге. Мне велели все это написать. Через несколько дней я написал краткий доклад и пошел туда вместе с профес. П. Старцом, который говорит по-немецки. Профес. Старц вместе с адвокатом Зариным (они оба члены Синода) составили большую докладную записку на 56 страницах и послали. Затем несколько раз приходила ко мне полиция, и меня в полицию вызывали, и я написал основательные, основанные на канонах, доклады, а Старц и Заринь ходили в разные учреждения и выясняли незаконность пребывания Сергия в Риге. И в октябре месяце мне поступили сведения, что решено Сергия отправить в Вильну, а управление Латвийской Православной Церковью передать мне и Синоду. Но так как тут замешана Вильна-Литва, другое генерал-губернаторство, то это решение должно получить санкцию Reichskom(m)is(s)ar'a. Здесь дело получило совсем другой оборот: меня отстранили от управления Церковью, которое

передали епископу Александру ⁵⁴ (боюсь его охарактеризовать) и Экзархату (Епархиальному управлению неизвестного экзархата и не более известной епархии), состоящему из Янсона, Трубецкого и т.д. во главе с Александром. Несомненно, фактически все делает сам Сергий, а это только ширма. Он и они основательно уже разрушили Латвийскую Прав. Церковь. Даже при [кафедральном – Т. Ш.] соборе закрыт латышский приход и многие приходы оставили без священников по деревням. Видишь, Сергий, конечно, с разрешения приехал в Ригу и вместе с

Александром антиканонично посвятили какого-то Даниила в епископа Ковенского. ⁵⁵ Говорят, звали на помощь и Павла Нарвского, ⁵⁶ но тот почему-то не приехал. Говорят, Сергий скоро опять приедет в Ригу, а м. б., останется и совсем здесь жить. Недавно в даугавпилсской русской газете было напечатано (Янсона информация), что в г. Вильно для всего нашего края (б.б. Литвы, Латвии и Эстонии) открывается Духовная семинария, и сведения о поступлении туда можно получить в Риге в патриаршем управлении (так в оригинале – Т. Ш.). У нас все говорят со слов самого Сергия Воскресенского, что немцы его поставят патриархом в Москве. Конечно, дай Бог скорее занять Москву, но немцы немного переоценивают свои права: как меня экзархом назначить во Псков они не могли, не имея канонических прав, точно так же они Сергия патриархом в Москву назначить не смогут. Московского патриарха будут выбирать «Князи Церкви», которые Сергия Воскресенского ни в коем случае не выберут. Будет то же самое с этим Сергием, что случилось 28 марта 1940 г. с Сергием Старогородским, ⁵⁷ которого некоторые епископы хотели провозгласить тогда патриархом Московским, и было довольно моего замечания: «Правомочны

+ 3 1926г
v 12.

Ваше Высочайшее повеление.
Позвольте мне откровенно сказать, что 19.7. сф-
денный указ и по своему содержанию амбасс.
Ваше высочайшее указание не в Рим, а указание в де факто.
Можно не знать, не уверен, позвольте мне выс-
казать... Мероприятия эти, если конечно они имеют
какую-либо цель и то, в нежелании это будет повлиять
наши отношения в Москве (наша, империалистиче-
ская?).

Наша политика, как вы было известно, была
автоматически протекционистской. Она была в том смысле
и означала, когда его излучают, но все же, тем самым
наши отношения были вынуждены. Это было сделано на
договоренности, поэтому, мы не можем в Рим
идти и откровенно и разумно, и мы не можем, а мы
идем в Рим. В том же направлении Рим
всегда был не протекционистской в Москве, а протекционистской.
Позвольте мне в том же направлении, мы не можем в Рим
идти, а мы не можем, мы не можем, но зато знаем.
На другом деле протекционистской, мы не можем в Рим
идти. Это же Рим протекционистской, мы не можем в Рим
идти, мы не можем, мы не можем, мы не можем, мы не можем.
В Риме протекционистской, мы не можем в Рим
идти, мы не можем, мы не можем, мы не можем, мы не можем.

Письмо митрополита Августина (Петерсона) митрополиту
Александру (Паулусу) от 26 мая 1942 г.

ли мы, окраинные епископы, выбирать патриарха для Советского Союза?» И вопрос этот больше не поднимался, и Сергей Старогородский остался митрополитом. Только, м.б. , за это замечание мне теперь приходится расплачиваться. Помнишь – Московскому Сергию все время пели за шампанским «патриаршее многолетие», тем дело и ограничилось.

Я надеялся, что с приездом в Ригу Reichsminister'a Розенберга дело может принять другой оборот, но он, когда был в Риге, в речи своей указал, что он, конечно, относится благоприятно к религии, и устройство церковных дел поручил Reichskom(m)is(s)ar'у Лозе, а как тот этот вопрос разрешил – это мы уже помним. Ведь это он меня уволил без объяснения

причин только потому, что ему наговорили Янсон, Лаудис и Гримм.⁵⁸ И я, несмотря на самое внимательное и беспристрастное обсуждение своей жизни и работы, не нахожу никаких оснований для такого поступка со мною. Единственное, что я могу придумать, это то, что я латыш. И он предпочел посланца НКВД Сергея Воскресенского мне. Правда, он ловкий, хитрый, лукавый, но ведь он в последнее время был фактически правителем в Москве».⁵⁹ Далее митрополит Августин подробно останавливается на действиях экзарха Сергея (Воскресенского) при советской и немецкой оккупации. В заключение он жаловался на свое здоровье, расстроенное бессонницей и голодовкой, информирует митрополита Александра о том, что к нему не так давно приезжали двое немецких полицейских и интересовались, на каком основании он созывает заседания Синода, говорили о якобы им распространяемых слухах о том, что экзарху Сергию грозит расстрел в Вильно, известил Александра о смерти епископа Александра (Витолса) и доцента Берзиня и т.д.

Несомненно, это письмо, как и вся переписка двух митрополитов военного периода, достойна полной публикации с комментариями. Она прольет свет на события

малоизвестные, освещенные изнутри, хотя, разумеется, не лишены субъективной оценки.

Таким образом, в фонде Синода ЭАПЦ Национального архива Эстонии отложились дела разных периодов существования ЛПЦ, начиная с автономной Церкви Московского Патриархата во главе с архиепископом Иоанном (Поммером) до образования Латвийской Православной Митрополии в лоне Константинопольского Патриархата во главе с митрополитом Августином (Петерсоном), с последующими изменениями в статусе Церкви во времена советской и немецкой оккупации, приведших в послевоенный период к возникновению Рижской епархии и Латвийской Православной Церкви Заграницей. По документам эстонского архива можно судить, что наиболее интенсивные контакты Синодов и митрополитов двух соседних православных Церквей падают на вторую половину 1930-х гг., что нашло отражение в личной переписке митрополитов, а также в протоколах съездов глав церквей Латвии, Финляндии и Эстонии. В фонде Синода ЭАПЦ сохранилась уникальная переписка митрополитов Августина и Александра в период немецкой оккупации.

Примечания

- 1 Кумыш, Владислав. Священномученики Эстонской Церкви, в Юрьеве пострадавшие. Санкт-Петербург, 2000. С. 59-70.
- 2 Riigi Teataja. 1919. Nr. 11. Lk. 86.
- 3 Riigi Teataja. 1919. Nr. 22. Lk. 174.
- 4 Осенью 1944 г. Таллинский митрополит Александр вместе с 23 священниками покинул Эстонию и в марте 1947 г. переправился из Германии в Швецию, где в Стокгольме с 15 января 1948 г. в составе 7 человек начал работу Синод ЭАПЦ в изгнании. Он координировал работу эстонских православных приходов не только на территории Швеции, но и в Германии, Америке, Канаде и Австралии. В 2000 г. Синод ЭАПЦ в Таллинне

- был восстановлен, а зарубежные православные эстонские приходы в Швеции оказались под эгидой ЭАПЦ. На базе документов зарубежного Синода в 2002 г. в Историческом архиве Эстонии был образован фонд «Эстонская Православная Церковь в изгнании» (Eesti Apostliku Õigeusu Kirik eksilil, ел.л. 5355, 1823-2000, 441 ед.хр.).
- 5 Константин Андреевич Дорин (1878-1942?) в 1902 г. окончил Рижскую Духовную семинарию, служил диаконом в Рижском кафедральном Христорождественском соборе, с 1913 г. – иподьякон. Был секретарем епископа Агафангела (Преображенского), с 1909 г. работал в Рижской консистории. В 1916 г. эвакуировался вместе с

- консисторией в Тарту, поступил здесь на Юридический факультет местного университета, служил секретарем епископа Ревельского Платона (Кульбшша) вплоть до его гибели в 1919 г. После освобождения из тартуской тюрьмы отправился обратно в Ригу, где продолжил служить в кафедральном соборе. Митрополит Иоанн (Поммер) уволил его из консистории за денежные махинации. 9.06.1941 был арестован советскими властями, перевезен в Свердловск, где в 1942 г. пропал бесследно. Подр.: ЕАА.402.1.8934 Дорин Константин, 1917-1918; Голиков А. Константин Андреевич Дорин // Покровское кладбище. Слава и забвение / Сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Rīga, 2004, 48-49.
- 6 ЕАА.1655.3.239 Ajutise Riia Piiskopkonna Nõukogu sekretäri ülemdiakoni Dorin Konstatini etg tekanne Moskvasse komandeerimise koht . Здесь и далее мы приводим архивный шифр (номер фонда, описи, дела) и название документа Исторического (Национального) архива Эстонии (Ajalooarhiiv, =ЕАА) в том виде, как он представлен в общearchивной электронной поисковой базе данных AIS (<http://ais.ra.ee/>).
 - 7 О. Пантелеймон, иеромонах Рижского Св. Алексеевского монастыря.
 - 8 ЕАА.1655.3.239. Л. 80б.
 - 9 Там же. Л. 9.
 - 10 Митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич, 1854-1926).
 - 11 ЕАА.1655.3.239. Л. 90б.
 - 12 Там же. Л. 10.
 - 13 Филоненко Федор Дмитриевич (1869-?), депутат от Подольской губернии, член Государственной Думы до 1917 г., принадлежал к фракции националистов. С 1917 г. – присутствующий член Св. Синода, делегат Поместного Собора. Был впервые арестован в 1923 г., прошел Соловецкий лагерь, после освобождения в 1928 г. два года служил в петербургских храмах. Дальнейшая судьба неизвестна. Подр.: Санкт-Петербургский мартиролог. СПб.: Изд-во «Мирь», «Общество святителя Василия Великого», 2002. С. 244.
 - 14 ЕАА.1655.3.239. Л. 100б.
 - 15 Артамонов Леонид Константинович (1859-1932), генерал-лейтенант, член Императорского Российского географического общества, с 1917 г.- в отставке.
 - 16 Васильев Афанасий Васильевич (1851–1929), государственный и общественный деятель, публицист неославянофильского направления, член-учредитель и член Совета Русского Собрания. Подр.: А. Степанов. Васильев Афанасий Васильевич http://hrono.ru/biograf/bio_we/vasilev_av.html
 - 17 Вероятно, речь идет о философе и правоведе кн. Евгении Николаевиче Трубецком (1863-1920), занимавшемся изучением западной религиозной мысли. Он преподавал в Московском университете (1905), был членом Государственного Совета (1907–08), участвовал в Религиозно-философском обществе им. Вл. Соловьева и др. Считается, что после 1917 г. он покинул Москву. В связи с запиской Дорина можно утверждать, что он уехал в Добровольческую армию после упомянутого заседания Синода, т.е. после 6 июля 1918 г. Подр. о нем см.: Прот. Зеньковский В. Трубецкой Евгений Николаевич http://hrono.ru/biograf/bio_t/trubeckoy_en.php
 - 18 ЕАА.1655.3.239. Л. 11.
 - 19 Там же. Л. 11 об.
 - 20 Уроженец Риги Иоанн Юхтунд был приемным сыном священника Павла Колона. Учился в Рижской Духовной семинарии, в 1918 г. епископом платоном был посвящен в диакона. Позже занялся публицистической деятельностью, работал в МИД Эстонии. Был сослан в 1941 г. в Кировскую область, реабилитирован в 1956 г. О нем см.: Филиал Государственного архива Эстонии= ERAF. 130SM.1.397 Juhtund Juhan Karl (1891).
 - 21 Архиепископ Иоанн (Иоанн Ксенофонтович Смирнов, 1844-1919), магистр богословия, епископ Чебоксарский, Полтавский и Переяславский (1904–1910), архиепископ Рижский и Митавский (1910-20 ноября 1917), архиепископ Рязанский и Зарайский (1917-1919).
 - 22 После окончания С.-Петербургской Духовной академии И. К. Смирнов с 1868 г. преподавал в Рязанской семинарии, с 1883 по 1901 г. – ректор семинарии.
 - 23 ЕАА.1655.3.239. Л. 11–11 об.
 - 24 Там же. Л. 13.
 - 25 Находится в Деревне Савино Новгородской области и района. Основан в начале XV в. как мужская обитель. В 1915 г. в монастыре разместили эвакуированных насельниц (около 200 человек) Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря и его филиала Спасо-Преображенской пустыни во главе с игуменьей Сергией.
 - 26 Переписка игуменьи Сергии и епископа Ревельским Платоном за 1918 г. хранится вместе с перепиской об образовании Синода ЛПЦ и о

- латвийских православных приходах в Печерском крае. См. ЕАА.1655.3.242. Kirjavahetus Läti Apostliku Õigeusu Kiriku Sinodi, Narva Piiskopkonna nõukogu, Petseri kloostri ja teistega vaimulike Läti apostliku-õigeusu koguduse teenistusse siirdumise, Petseri kirikuteenistujatele Läti apostliku-õigeusu kogudustes vaimulike talituse pidamise keelamise ja muudes küsimustes. 1918–1928. Л. 1–14.
- 27 ЕАА.1655.3.239. Л. 15.
- 28 Константин Александрович Перфильев, диакон Св. Александрo-Невского прихода в г. Тарту. См. о нем: ЕАА.1978.1.27. Л. 2 (Исповедная роспись за 1915 г.).
- 29 Там же. Л. 16.
- 30 ЕАА.1655.3.242. Л. 50–51.
- 31 В ответе Синода ЛПЦ эстонскому Синоду по поводу получения половины недвижимости бывш. Рижской епархии от 4.11.1926 г. говорится: «Синод в заседании своем 25 октября с.г. постановил: сообщить /и настоящим имеем сообщить/ Синоду Эстонской Православной Церкви, что Синод не находит ни канонических, ни юридических оснований к удволению ходатайства Синода Эстонии о разделе недвижимых имуществ бывш. Рижской епархии». Подр.: ЕАА.1655.3.286. Toimik Lätis asendavate endise apostliku-õigeusu Riia Piiskopkinna varanduste jaotamise nõude kohta. 1922–1938. Л. 20–21. Ср.: Бер Ник. Претензии Эстонской Православной Церкви неосновательны // Слово. 1927. 26 авг. № 604. С. 2.
- 32 ЕАА.1655.3.242. Л. 55–97. Здесь же переписка об устройстве особых приходов в Щемерцах и Лаврах Печерского края 1923–1926.
- 33 Татьяна Шор, Крестный путь епископа Иоанна Печерского (Булина, 1893–1941). Русский мир и Латвия: диалог культур. Seminarium Hortus Humanitatis, Almanach. XIV. Riga, 2008. С. 59–61
- 34 ЕАА.1655.3.1149. Переписка по поводу получения материалов ЭАПЦ из Рижского архива (Kirjavaheetus Riia arhiivist ЕАОК materjalide tagasi saamise asjus). 1931.
- 35 Последний, описывая свою встречу с представителем Польской Автокефальной Церкви архимандритом Илларионом (Васдекисом), профессором богословского факультета Варшавского университета, писал: «Правда, мой собеседник вынужден был также признать, что Латвийская Церковь есть не что иное, как одна из заграничных епархий Московского Патриархата, что без благословения Русской Церкви здесь не представляется возможным поставить канонического епископа. Однако на мое замечание, что здесь имеются, к сожалению, такие,
- правда немногочисленные, шовинистические церковные круги, которым хотелось бы повторить «эстонский опыт» и за известную мзду приобрести в Константинополе «томос» на самостоятельное существование Латвийской Церкви (подч. в канцелярии эстонского Синода в Таллинне – Т. Ш.), почтенный варшавский профессор только весело рассмеялся и без всякого смущения произнес: «Да, но теперь настали другие времена и сильно изменились обстоятельства. <...> по моему мнению только Константинопольский Патриарх вмешается здесь только тогда, когда ему это поручит Москва». – ЕАА.1655.3.378. Л. 150б.
- 36 Митрополит Рижский и вся Латвия Августин (Петерсон, 1873–1955), так же как и митрополит Таллиннский и вся Эстонии Александр (Паулус, 1872–1953), после Второй мировой войны возглавили Латвийскую и Эстонскую Православные Церкви в изгнании. Паулус окончил Рижскую семинарию на год раньше Петерсона, и они друга друга считали однокашниками.
- 37 ЕАА.1655.3.378. Л. 1–25. Toimik Läti apostliku-õigeusu Kiriku olukorra kohta. 1935.
- 38 Митрофорный протоиерей Николай Пятс (1871–1940), брат эстонского президента Константина Пятса, в 1894 г. окончил Рижскую Духовную семинарию, с 1936 г. служил при Таллинском Александрo-Невском соборе
- 39 Протоиерей Иоанн Свемпс был однокашником митрополита Александра (Паулуса) по Рижской Духовной семинарии.
- 40 ЕАА.1655.3.386. Без пагинации. Протоиерей Кирилл Блодонс (1872–1937) был однокурсником митрополита Александра (Паулуса) в Рижской Духовной семинарии.
- 41 ЕАА.1655.3.403. Kirjavahetus Läti Apostliku Õigeusu Sinodiga, koguduste, praostide ja teistega koguduste liikmemaksude ja vaimulikele toetuse maksmise, vaimulike kirjanduse tellimise, turistide kloostrite külastamise soodustamise ja muudes küsimustes.
- 42 ЕАА.1655.3.400. 1937–1939. Eesti, Läti ja Soome Piiskoppide Kogu koosolekute protokollid, Utrechti konverentsi otsused, World Alliance Eesti Rahvusnõukogu põhikirj ja kirjavahetus Soome piiskopi, Läti metropoliidi, Eesti Evangeelse Luteriusu Kiriku piiskopi ja teistega koosolekute organiseerimise, osavõtu ja muudes küsimustes. Россыпь, без пагинации. Кстати, здесь находится оригинал и копия объяснительного письма К. Дорина на имя митрополита Августина от 29 и 30 октября 1939 года, а также некоторые письма самого митрополита Августина, адресованные митрополиту Александру.

- 43 Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсонса). Латвийские папки» Архива Архирейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей / публикация А. В. Гаврилина. // Православие в Латвии. Исторические очерки. 5. Рига: Филокалия, 2006. С. 140–144.
- 44 См. о нем.: Сидяков Ю. Сергей (Воскресенский), митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии (1897-1944) // Покровское кладбище. С. 41-44.
- 45 ЕАА.1655.3.433. Л. 17-170б, 38-410б, 48-480б.
- 46 К сожалению, дело не сшито и при пагинации была нарушена хронология переписки.
- 47 Ср.: Православная Церковь. Экзарх Латвии и Эстонии 15 июня 1942 г. Указ. // Православие в Латвии. Исторические очерки. 5. С. 129-135.
- 48 Владимир Василик цитирует подписку бывшего руководителя Псковской Православной Миссии К. Зайца из архива ФСБ: «Я, Зайц Кирилл Иванович, обязуюсь оказывать всяческое содействие СД и немецкой армии в их борьбе с большевиками. Я обязуюсь строго выполнять все указания и задания СД, а также хранить в тайне мою связь с СД». Далее Василик задается вопросом, насколько эта подписка выполнялась, отмечает разные подходы к этой проблеме среди исследователей. Если М. В. Шкаровский считает, что о. Кирилл Зайц был непричастен к сотрудничеству с нацистами и к их преступлениям, то Л. И. Соколова придерживается иной точки зрения. – Подр. <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/34205.htm>
- 49 Митрофорный протоиерей Иоанн Янсон (ок.1878–1954), ректор Рижской Духовной семинарии (1926–36), до 1940 г. – доцент Теологического факультета Латвийского Университета
- 50 Бенингсен Георгий, протоиерей. Христос-победитель // Вестник Русского христианского движения. 1993. № 168. С. 138. О. Георгий Бениксон (Бенингсен) был потомок старинного дворянского рода. В свою очередь, митрополит Августин славился своими антисемитскими взглядами.
- 51 Выпускник Свято-Сергиевского Православного Богословского института в Париже протоиерей Николай Трубецкой (1907-1978), секретарь Латвийского Епархиального управления (1941–42). Подр. о нем: Голиков Андрей. Фомин С. Кровью уболенные: Мученики и исповедники Северо-Западной России и Прибалтики (1940-1955). –М.: Паломник, 1999. – С. 113-116.
- 52 Настоятель рижской Всехсвятской церкви о. Алексей Торопогрицкий погиб во время допроса в гестапо в декабре 1941 г.
- 53 Имеется в виду – возглавить Псковскую Православную Миссию.
- 54 Епископ Александр (Витолс, 1879–1942), епископ Иерсикский (1938), с 1940 г. – Мадонский. Окончил Рижскую Духовную семинарию тремя годами позднее митрополита Августина. В хиротонии Александра (Витолса) в Даугавпилсе приняли участие митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус) и епископ Печерский Николай (Лейсман).
- 55 Архиепископ Даниил (Юзьвюк, 1882–1966), принял постриг в 1942 г., тогда же хиротонисан в викарного епископа Ковенского.
- 56 Епископ Нарвский и Изборский Павел (Дмитровский, 1872-1946) был хиротонисан в 1937 г. при участии митрополита Рижского и всея Латвии Августина.
- 57 Митрополит Сергей (Старгородский, 1867–1944), Патриарх Московский и всея Руси (1943).
- 58 Иван Давидович Гримм (1891–1970), бывший приват-доцент Тартуского университета, секретарь экзарха-митрополита Сергия. См. ЕАА.2100.2.151. Ivan Grimm/
- 59 ЕАА.1655.3.433. Л. 1-3.

Сергей Цоя

Латвийская Православная Церковь и Свято-Сергиевский Православный Богословский институт в 20-30-х гг. XX века

Данная статья посвящена взаимоотношениям Латвийской Православной Церкви (далее – ЛПЦ) со Свято-Сергиевским Православным Богословским институтом (далее – ССПБИ), а также отношению руководства ЛПЦ к латвийским выпускникам ССПБИ¹.

События 1917 – начала 1920-х годов вызвали радикальные изменения в жизни Русской Православной Церкви (далее – РПЦ)². С падением самодержавия в России рухнули старые порядки, и Православная Церковь оказалась в совершенно новых условиях существования. В результате гонений на РПЦ в СССР и краха дореволюционной системы подготовки священнослужителей православным за пределами России пришлось практически с нуля создавать новые духовные учебные заведения. Так, например, Рижская Православная Духовная семинария возобновила свою работу лишь в 1926 году³. Помимо средней ступени образования были необходимы также высшие учебные заведения. Именно для подготовки священнослужителей с высшим богословским образованием митрополит Западноевропейский Евлогий (Георгиевский,

1868-1946)⁴ основал в 1925 году в Париже Свято-Сергиевский Православный Богословский институт. Он же оставался ректором этого вуза вплоть до своей кончины.

Париж стал одним из главных центров русской эмиграции. Поэтому вполне естественно, что именно здесь было создано главное духовное учебное заведение русской православной эмиграции. Богословский институт был основан на подворье преподобного Сергия в Париже. Приобретение здания было совершено в день памяти Сергия Радонежского, что и подсказало название вуза и подворья.

Систематическое обучение в институте началось осенью 1925 года. В первые годы инспектором или фактическим руководителем вуза был епископ Вениамин (Федченков, 1880-1961), возглавлявший до революции Тверскую Духовную семинарию⁵. С 1931 года инспекторские обязанности исполнял протоиерей Сергей Булгаков (1871-1944). К работе в ССПБИ были привлечены ведущие богословы и философы русского зарубежья: о. С. Булгаков, Н. А. Бердяев (1874-1948), В. В. Зеньковский (1881-1962), В. Н. Ильин (1891-1974), А. В. Карташев

А. В. Ионов. 1928 г.

Диакон Алексей Ионов. 1933 г.

(1875-1960), Н. О. Лосский (1870-1965), Г. П. Федоров (1886-1951), Г. В. Флоровский (1893-1979) и др.⁶

Экономическое положение вуза в первые годы существования было сложным. ССПБИ зависел от пожертвований русской эмиграции, у основной массы которой не было средств, от материальной помощи ИМКА (Христианской ассоциации молодых людей) и других международных организаций. За первые одиннадцать лет существования ССПБИ закончили 133 студента (6 человек были из Латвии), из которых 52 человека впоследствии стали священниками⁷.

Вуз существует и в настоящее время, однако преподавание в нем ведется на французском языке⁸.

Долгое время ЛПЦ поддерживала самые тесные связи с Западно-Европейской епархией, которая до 1930 года была в юрисдикции Московской Патриархии⁹. В это время РПЦ за пределами России находилась в состоянии непрекращающегося кризиса. Бесконечные конфликты между церковными иерархами усугубляли и без того сложную ситуацию. ЛПЦ стремилась дистанцироваться от наиболее радикальных группировок русского послереволюционного духовенства. Латвийского Владыку Иоанна (Поммера) всегда беспокоила нереспособность иерархов РПЦ в изгнании договориться между собой. Он считал, что эти

споры наносят вред Православной Церкви, подрывают ее силы¹⁰. Это послужило одной из причин отказа архиепископа Иоанна (Поммера) в 1926 году участвовать в очередном Архиерейском Соборе РПЦ в изгнании¹¹.

Историю взаимоотношений ЛПЦ со Свято-Сергиевским Православным Богословским институтом можно условно разделить на три этапа: 1) период тесных контактов между ЛПЦ и ССПБИ – с момента создания вуза до конца 1931 года; 2) период отрицательного отношения ЛПЦ к ССПБИ – 1932–1934 годы, когда связи ЛПЦ с вузом практически прервались; 3) период 1935–1940 годов¹², когда отношения ЛПЦ к ССПБИ формально были восстановлены.

ЛПЦ и ССПБИ в 1920 – начале 30-х годов. Изначально руководство ЛПЦ полагало, что основанный митрополитом Евлогием в Париже вуз будет очень близок по своему духу к дореволюционным российским духовным академиям¹³, поэтому всячески содействовало работе данного учебного заведения. Как известно, русские изгнанники практически всюду испытывали материальные трудности¹⁴, поэтому ректор ССПБИ митрополит Евлогий неоднократно обращался в Синод ЛПЦ с просьбами об оказании вузу материальной помощи. Несмотря на свое собственное, далеко не блестящее, финансовое положение, ЛПЦ старалась оказать институту эту помощь.

Кроме того, митрополит Евлогий попросил выделить для нужд ССПБИ книги из фондов библиотеки дореволюционной Рижской Духовной семинарии. Решением Синода ЛПЦ от 6 апреля 1925 года эта просьба была частично удовлетворена¹⁵. По просьбе митрополита Евлогия ЛПЦ в первой половине 1931 года организовала в латвийских православных храмах сбор пожертвований для Свято-Сергиевского Православного Богословского института. Митрополит Евлогий сердечно поблагодарил Синод ЛПЦ за эту акцию¹⁶.

ССПБИ, действительно, изначально создавался как центр богословской науки и подготовки священнослужителей. Свою задачу институт видел в продолжении традиций духовных академий дореволюционной России¹⁷. Однако при отсутствии контроля со стороны государства вуз вскоре стал славиться своим вольнодумством. Кроме того, Свято-Сергиевский институт зависел от образовательных стандартов Франции, которые не соответствовали старым российским.

Следует отметить, что отношение ЛПЦ и ее главы к образованию будущих священнослужителей отличалось консерватизмом. Так, например, учебный курс Рижской Духовной семинарии почти полностью опирался на программу дореволюционных российских семинарий¹⁸. Тем не менее, архиепископ Иоанн (Поммер) долгое время находился в самых дружеских отношениях с руководством Свято-Сергиевского института и воздерживался от критики его деятельности, чтобы не обострять конфликты, раздиравшие в то время РПЦ в эмиграции.

В конце 20-х – начале 30-х годов в ССПБИ учились шесть представителей ЛПЦ:¹⁹ Эммануил Есенский (1907-?)²⁰, Алексей Иванов (1907-1977), Константин Михайлов (1907-1946), Василий Рушанов (1905-1943), Николай Трубецкой (1907-1978) и Феодор

Ф. Ягодкин.1928 г.

Ягодкин (1909-?). Они были лучшими выпускниками Рижской Духовной семинарии²¹, поддерживали тесную связь с ЛПЦ и часто обращались к ее руководству за материальной помощью²². По мере возможности ЛПЦ удовлетворяла их просьбы, выделяя им, как правило, более крупные денежные суммы, чем учащимся Рижской Духовной семинарии. В то время как разовые стипендии нуждающимся семинаристам составляли около 20 латов²³, некоторые студенты Свято-Сергиевского института получали от Синода ЛПЦ 60-70 латов (например, В. Рушанов²⁴). В отдельных случаях учащиеся получали и более крупные пособия. Так, бывшему семинаристу Константину Михайлову для того, чтобы он смог поехать учиться в ССПБИ, осенью 1929 года было выделено 150 латов. Кроме того, Михайлов получил рекомендательное письмо, адресованное руководству ССПБИ. Константин Михайлов проучился в Рижской Духовной семинарии всего один год – с 1928 по 1929 г. Узнав о том, что в 1930 году не будет приема новых студентов в ССПБИ (впоследствии информация оказалась ложной), Михайлов попросил Синод ЛПЦ разрешить ему поехать учиться в Париж уже осенью 1929 года, т.е. до окончания полного семинарского курса. Руководство ЛПЦ не

только отпустило К. Михайлова учиться в ССПБИ, но и в дальнейшем его всячески поддерживало²⁵. Кроме него в 1929 году в Свято-Сергиевском институте начали учиться А. Ионов и В. Рушанов.

В 1930 году руководство Рижской Духовной семинарии рекомендовало продолжить образование в ССПБИ Э. Есенскому, Н. Трубецкому и Ф. Ягодкину, причем Ф. Ягодкину выделили на поездку в Париж 100 латов²⁶.

Латвийские студенты вуза переписывались с Владыкой Иоанном (Поммером)²⁷. Наиболее интенсивная переписка происходила между архиепископом Иоанном и Василием Рушановым.

И. Харун. 1930 г.

Летом 1931 года в Синоде ЛПЦ был поднят вопрос об учреждении для латвийских студентов ССПБИ специальной стипендии имени архиепископа Иоанна (Поммера). В это время, в связи с подготовкой к десятилетнему юбилею архипастырского служения в Латвии архиепископа Иоанна, собирались средства на издание его проповедей и бесед. Излишек средств предполагалось направить на вышеупомянутую стипендию²⁸, однако из-за обострения отношений между ЛПЦ и ССПБИ стипендия так и не была учреждена.

В 1930 году на учебу в ССПБИ готовился отправиться еще один представитель ЛПЦ – о. Геннадий Комаровский (1897-?)²⁹. Несмотря на то, что у него не было

богословского образования, в 1924 году он был рукоположен в священника. До 1941 года о. Геннадий служил в приходе храма Рождества Пресвятой Богородицы в Силиене (Даугавпилсский уезд). Синод ЛПЦ на своем заседании 21 июля 1930 года не удовлетворил просьбу о. Геннадия о предоставлении ему длительного отпуска для учебы в Париже. Более того, Синод ЛПЦ проинформировал правление вуза, что о. Геннадию Комаровскому не разрешено поступать в ССПБИ³⁰. Такое отношение руководства ЛПЦ объяснялось острой нехваткой священнослужителей. Если о. Геннадию удалось бы поехать учиться в ССПБИ, то Синоду пришлось бы подыскивать на его место другую кандидатуру. В такой ситуации руководство Церкви было вынуждено закрывать глаза на пробелы в образовании священников.

В 1930 году разразился конфликт между Московской Патриархией и митрополитом Евлогием. Как известно, период конца 20-х – начала 30-х годов был отмечен ужесточением гонений на РПЦ в СССР, на что не могли не реагировать зарубежные русские приходы. Это еще более осложняло положение Церкви в Советском Союзе. В 1930-м году по всей Великобритании прошли молебны с участием митрополита Евлогия о страждущей Русской Церкви. В ответ на это 10 июня 1930 года митрополит Сергей (Страгородский, 1867-1944) и Временный Патриарший Синод Московской Патриархии отстранили митрополита Евлогия от управления русскими православными приходами в Западной Европе³¹. Митрополит Евлогий, в свою очередь, обратился за помощью к Патриарху Константинопольскому. Вселенский Патриарх не только принял митрополита Евлогия под свою юрисдикцию, но и назначил его своим экзархом. В свою очередь, 30 апреля 1931 года постановлением заместителя Патриаршего

местоблюстителя и Временного Синода Московской Патриархии митрополита Евлогия и всех находящихся с ним в церковном общении архиереев и священнослужителей предали суду архиереев и запретили им священнослужение впредь до соборного суда или раскаяния³².

Несмотря на конфликт митрополита Евлогия с Матерью-Церковью, ЛПЦ не осудила его действия. В статье «Отделение Западно-Европейской епархии от подчинения Москве», опубликованной в журнале ЛПЦ «Вера и Жизнь», Владыка Иоанн (Поммер) назвал это «вынужденной и временной мерой». Он оправдывал действия Евлогия актом рпц от 1920 года, по которому Патриарх Тихон (Беллавин, 1865-1925) и Синод рпц предоставили возможность церковным объединениям, находившимся за пределами Советской России, объявлять себя самостоятельными. Указанный акт не разрешал, но и не запрещал зарубежным церковным организациям переходить в юрисдикцию Вселенского Патриарха, давал возможность им определиться – оставаться или нет под юрисдикцией Московской Патриархии. Как отмечал Владыка Иоанн, это было важно в силу тех специфических условий, в которых находилась тогда Православная Церковь на территории СССР³³.

ЛПЦ и ССПБИ в 1932-1934 годах. После изменений в 1931 году в руководстве ССПБИ (епископа Вениамина (Федченкова) на должности инспектора заменил о. Сергей Булгаков) атмосфера в вузе стала еще более либеральной. В результате в последние годы архипастырского служения Иоанна (Поммера) отношение ЛПЦ к Свято-Сергиевскому институту изменилось. В протоколе заседания Синода ЛПЦ от 12 сентября 1932 года отмечалось, что ССПБИ дает своим выпускникам недостаточный уровень знаний, поэтому их нельзя приравнивать к выпускникам российских дореволюционных

Эм. Есенский. 1928 г.

духовных академий. В разъяснении такой уничижительной характеристики ССПБИ Синод ЛПЦ привел следующие доводы:

1) многие преподаватели института либо не имеют духовного образования³⁴, либо имеют духовное образование недостаточного уровня (то есть, закончили лишь семинарии);

2) в программе вуза нет многих необходимых учебных предметов (сравнитель-

В. Рушанов. 1926 г.

ного Богословия, церковной археологии, Библейской истории);

3) ряд предметов в ССПБИ преподается в недостаточном объеме (Священное Писание, древние языки, современные языки, педагогика, психология, философия и др.);

4) поступить в вуз можно без обучения в Духовной семинарии, что не отвечает

Н. Трубецкой. 1928 г.

требованиям, предъявляемым к духовным академиям.

Кроме того, Синод отмечал, что программа института соответствовала лишь семинарскому, но не академическому уровню. По мнению Синода ЛПЦ, выпускники ССПБИ были не в состоянии сдать экзамены даже за первый курс Духовной Академии, вуз давал лишь суррогат богословских знаний и только подготавливал к поступлению в высшую школу. В свою очередь, ученые степени, которые присваивал своим выпускникам Свято-Сергиевский институт («кандидат теологии» и «магистр теологии»), не отвечали требованиям, предъявляемым к этим степеням³⁵.

Судя по приложению к диплому, полученному Константином Михайловым, в ССПБИ изучались следующие учебные предметы: 1) Священное Писание (Ветхий Завет); 2) Священное Писание (Новый Завет); 3) литургика; 4) догматическое богословие; 5) сравнительное богословие; 6) патрология; 7) всеобщая история Церкви; 8) история Русской Церкви; 9) история Западной Церкви; 10) церковное право; 11) нравственное богословие; 12) практическое богословие; 13) гомилетика; 14) апологетика; 15) агиология; 16) психология; 17) педагогика; 18) философия; 19) учение о

богослужении; 20) Библейская история; 21) славянский язык; 22) латинский язык; 23) греческий язык; 24) еврейский язык³⁶. Современные языки в программе отсутствовали, так как их изучали факультативно.

Таким образом, критика Синода ЛПЦ учебной программы ССПБИ была не вполне обоснованной. Так, Библейская история и сравнительное богословие в вузе все же преподавались, однако, действительно, не изучалась церковная археология. Разумеется, сложно сравнивать уровень преподавания отдельных предметов в ССПБИ с обучением им в дореволюционных российских духовных академиях. Этот вопрос требует специального исследования.

Основной причиной резкого изменения отношения ЛПЦ к ССПБИ было все большее отступление ССПБИ от традиций духовного образования Российской империи, стремление института к новаторству. Это также выражалось в активном участии вуза в экуменическом движении³⁷. Между тем в ЛПЦ господствовал традиционный подход к православной вере³⁸, что становилось все более и более несовместимым с взглядами ряда ведущих преподавателей Свято-Сергиевского института (о. Сергия Булгакова³⁹, Н. А. Бердяева⁴⁰ и других). Новые течения в русской религиозной философии руководство ЛПЦ чаще всего не принимало или же воспринимало как отступление от апостольской традиции⁴¹. Так, руководство ЛПЦ не могло принять идеи о. Сергия Булгакова о том, что церковные догматы не являются неизменными, что их формулирование продолжается до конца истории, а также его размышления о божественной мудрости (Софии), превращавшие ее фактически в четвертую ипостась⁴², и др. Несовместимы с учением Церкви были и идеи Н. А. Бердяева о том, что процесс Богорождения происходит из божественного ничто, так как, следуя этой логике, получалось, что у Св. Троицы появлялся

предшественник, из которого Она возникла⁴³. Подобная трактовка была близка к учению неоплатоников и не признавалась большинством христиан.

Со второй половины 20-х годов заметно активизировалось РСХД (Русское Студенческое Христианское Движение), которое в Латвии носило название РСПЕ (Русское Студенческое Православное Единение). Движение организовывало кружки по изучению православия, проводило на территории Латвии и Эстонии свои съезды. По приглашению РСПЕ в Латвию приезжали известные деятели русского зарубежья – Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, В. И. Ильин, Г. В. Флоровский и другие. ССПБИ был тесно связан с РСХД, преподаватели вуза активно участвовали в его работе.

Вначале руководство ЛПЦ поддерживало деятельность РСПЕ, даже принимало участие в его мероприятиях⁴⁴. Однако в конце 1931 года разгорелся конфликт между архиепископом Иоанном (Поммером) и одним из руководителей РСХД – А. И. Никитиным (1889-1949)⁴⁵. В конфликт был вовлечен митрополит Евлогий, который пытался защищать А. И. Никитина. В свою очередь, ЛПЦ и лично Владыка Иоанн обвиняли А. И. Никитина в авантюризме, в связях с большевиками, хлыстовцами и в других проступках. Синод ЛПЦ направил в секретариат РСХД несколько писем, в которых потребовал отозвать из Латвии Никитина и больше его никогда не присылать⁴⁶. Чуть позднее, 9 апреля 1932 года, в Центральный секретариат РСХД было послано письмо Синода ЛПЦ с просьбой впредь более не присылать представителей РСХД в Латвию⁴⁷, что означало окончательный разрыв ЛПЦ с РСХД. Следствием этого сформировалось и резко отрицательное отношение руководства ЛПЦ к Свято-Сергиевскому институту. В результате, Синод ЛПЦ больше не направлял на учебу в ССПБИ выпускников Рижской Духовной семинарии.

Видимо, именно в связи с обострением отношений ЛПЦ с ССПБИ, Рижский риуз (Русский институт университетских знаний) поднимал вопрос об открытии Богословского отделения, однако эта идея не была реализована⁴⁸.

Несмотря на вышесказанное, каноническое общение между ЛПЦ и церковной организацией, возглавляемой митрополитом Евлогием, продолжалось. Не были полностью прерваны и контакты ЛПЦ с ССПБИ. Выпускники ССПБИ возвращались в Латвию и привозили с собой новые богословские веяния. Так, о. Алексей Ионов и диакон Василий Рушанов постоянно публиковались на страницах журнала ЛПЦ «Вера и Жизнь». Например, в его августовском номере 1934 года о. Алексей Ионов опубликовал статью, в которой восторженно отзывался о вышедшей в Париже книге С. Н. Булгакова «L'Orthodoxie» (Православие)⁴⁹.

С обострением отношений с РСХД руководство ЛПЦ стало не скрывать своего недоверия к бывшим студентам ССПБИ и не позволяло им занимать положение, соответствующее выпускникам высших богословских учреждений. Так, закончивший Свято-Сергиевский институт Алексей Ионов в конце 1932 года был посвящен лишь в диакона. В апреле 1933 года митрополит Евлогий (а не архиепископ Рижский и всея Латвии Иоанн!) его рукоположил в священника, после чего Синод ЛПЦ назначил о. Алексея настоятелем в приход храма Успения Пресвятой Богородицы, находившийся в селе Аксёнова-Гора, недалеко от латвийско-советской границы (сейчас – деревня Горбунова Гора в Псковской области РФ). После этого Синод ЛПЦ несколько раз откладывал решение вопроса о предоставлении о. Алексею Ионову права преподавать в местной школе Закон Божий⁵⁰.

Подобное отношение было и к другим выпускникам Свято-Сергиевского

института. Например, Николая Трубецкого не приняли на работу в Рижскую Духовную семинарию преподавателем литургики и церковного пения⁵¹. В конце 1934 года ему удалось получить лишь место псаломщика в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Михайлово (сейчас Пудиново, Лудзенский край ЛР), настоятелем которой был его отец – протоиерей Никанор Трубецкой⁵². И это при том, что в 1930 году, еще до поступления в ССПБИ, Николай Трубецкой закончил полный курс Рижской Духовной семинарии⁵³.

Стоит отметить и то, что с 1932 года Синод ЛПЦ полностью прекратил материальную поддержку студентов ССПБИ⁵⁴.

Правда, у Синода ЛПЦ в отношении к воспитанникам ССПБИ были и исключения. Так, 8 октября 1934 года Синод ЛПЦ принял решение назначить выпускника ССПБИ Феодора Ягодкина к посвящению в сан иерея и направить его в Вилякский приход храма Покрова Пресвятыя Богородицы⁵⁵. В сан священника Ф. Ягодкин был рукоположен уже после гибели архиепископа Иоанна (Поммера).

В то же время решением от 26 февраля 1934 года Синод ЛПЦ дал право преподавать Закон Божий всем выпускникам Рижской Духовной семинарии. Кроме того, все, имевшие до поступления в семинарию среднее образование, получили право работать в школах в качестве учителей-предметников⁵⁶.

ЛПЦ и ССПБИ во второй половине 30-х годов. Митрополит Евлогий был одним из первых, кому Синод ЛПЦ сообщил о мученической кончине архиепископа Иоанна (Поммера) в ночь с 11 на 12 октября 1934 года⁵⁷. В свою очередь, Евлогий сразу же направил Синоду ЛПЦ свои соболезнования⁵⁸. В связи с этим трагическим событием в журнале «Вера и Жизнь» были опубликованы воспоминания митрополита Евлогия о Владыке Иоанне, в которых автор

тепло отзывался о почившем архиепископе и упомянул, что был с ним в переписке⁵⁹.

После смерти архиепископа Иоанна (Поммера) отношение руководства ЛПЦ к выпускникам ССПБИ изменилось. В переходный период (конец 1934 – начало 1936 г.) до избрания нового архипастыря ЛПЦ многие выпускники Свято-Сергиевского института (Константин Михайлов, Николай Трубецкой, Феодор Ягодкин) были рукоположены в священники и получили право преподавать Закон Божий в школах. Рукоположил их по просьбе Синода ЛПЦ епископ Печерский Николай (Лейсман)⁶⁰. Интересно отметить, что если раньше Закон Божий в основном преподавали мужчины (как правило, священнослужители), то после кончины Владыки Иоанна (Поммера) преподавать Закон Божий в школах было разрешено не только выпускникам ССПБИ, но даже и женщинам. Однако выпускник ССПБИ о. Василий Рушанов, который до поступления в вуз закончил Рижскую Духовную семинарию⁶¹, в сане диакона был до насильственной ликвидации независимости Латвии в 1940 году. В диаконы его посвятил еще в 1931 году митрополит Евлогий, на что Синод ЛПЦ дал специальное разрешение⁶². В священника о. Василия Рушанова рукоположил митрополит Сергей (Воскресенский) незадолго до начала войны между СССР и Германией⁶³.

Выпускники ССПБИ о. Алексей Ионов и о. Василий Рушанов в 1934-1939 годы часто публиковались на страницах журнала «Вера и Жизнь». Ионов вел рубрику «Библиография», в которой рецензировал религиозную литературу. Он часто упоминал труды не только церковных деятелей, но и сочинения светских авторов. Священник Алексей Ионов пытался связать православие с наукой, что сближало его с идеями русской религиозной философии. В своих статьях о. Алексей всегда тепло отзывался о

Преподаватели и студенты ССПБИ. 1-ый ряд: 1. Б. П. Вышеславцев; 2. В. В. Зеньковский; 3. прот. Сергей Булгаков; 4. митр. Евлогий; 5. свящ. Иоанн Шаховской; 6. А. В. Карташев; 7. Е. М. Киселевский. 2-ой ряд: 1. Л. А. Зандер; 2. В. И. Ильин; 3. Б. И. Сове; 4. К. Н. Наумов; 5. С. С. Безобразов; 7. Сергеев; 9. О. Болдырев; 10. Джон Миллер (Джоня); 12. свящ. Георгий Флоровский; 13. М. М. Осоргин; 14. Г. П. Федоров. 3-ий ряд: 1. Н. В. Соколов; 3. Н. Спасский; 4. С. Положенский; 5. Н. Трубецкой; 7. А. Ионов; 8. В. Роменский; 9. А. Ребиндер; 12. Ф. Г. Спасский. 4-ый ряд: 1. Г. Проневич; 2. Г. Бесполудинов; 4. Шестаков; 5. А. Жаворонков; 6. В. Куликов. Зима 1941 г. Фото из архива Л. А. Зандера.

Свято-Сергиевском институте и его преподавателях – о. Сергии Булгакове, А. В. Карташеве и других⁶⁴.

Излюбленной темой публикаций Василия Рушанова была история Православной Церкви⁶⁵, в подходе к которой чувствовалось влияние ССПБИ. Вслед за о. С. Булгаковым Рушанов именовал Иисуса Христа «новым Адамом» и специально акцентировал на этом внимание читателя⁶⁶. Можно найти достаточно много других примеров соответствия риторики о. А. Ионова и о. В. Рушанова идеям преподавателей ССПБИ. Однако следует отметить, что ни один, ни второй не разделяли наиболее радикальных идей С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева.

После кончины архиепископа Иоанна (Поммера) руководство ССПБИ попыталось восстановить контакты с ЛПЦ. Между руководством института и Синодом ЛПЦ началась переписка. Вуз пытался привлечь руководство ЛПЦ к участию в конференциях, совещаниях, проводимых ССПБИ,

к сбору пожертвований в свою пользу⁶⁷. В 1935-1936 годах ему удалось добиться в этом направлении некоторых успехов. Во второй половине 1930-х годов в ССПБИ вновь стали учиться православные из Латвии: Владимир Толстоухов (1914-?) и Иван Харун (1914-2000, после окончания ССПБИ остался во Франции, потом переехал в Канаду; с 1963 г. – епископ, с 1966 года – архиепископ Монреальский и Канадский, глава Православной Церкви в Канаде)⁶⁸. Оба они не учились в Рижской Духовной семинарии и поступили в ССПБИ без рекомендации Синода ЛПЦ.

Однако новое руководство ЛПЦ во главе с митрополитом Августином (Петерсоном), избранным на Соборе в марте 1936 года, решило не устанавливать тесные контакты с ССПБИ, равно как и с другими православными духовными учебными заведениями за рубежом. В начале 1936 года глава Финской Православной Церкви архиепископ Герман (Аав, 1878-1961) предложил

В. Толстоухов. 1930 г.

Церквам четырех балтийских стран (Латвии, Литве, Эстонии и Финляндии) основать свой Православный Богословский институт⁶⁹. Нужно было решить, в какой стране будет располагаться это учебное заведение, а также на каком языке будет вестись обучение. Изучить этот вопрос Синод ЛПЦ поручил ректору Рижской Духовной семинарии протоиерею Иоанну Янсону (1878-1954). В докладной записке Синоду о. Иоанн отметил, что, по его мнению, наиболее удобным местом для такого вуза является Рига, поскольку Латвия находится посередине по отношению к другим балтийским странам. Протоиерей Иоанн считал, что языком преподавания в этом вузе, по крайней мере, на ближайшее время, должен быть русский, так как можно предположить, что большинство студентов будут по национальности русскими⁷⁰. Позднее вопрос о создании БББгословского института для стран Балтии поднимал экзарх Константинопольского Патриарха в Западной и Восточной Европе митрополит Германос (Стренопулос, 1872-1951)⁷¹. Однако ЛПЦ отказалась от этой идеи. В 1937 году Румынская Православная Церковь предлагала принять на полное обеспечение в высшие духовные школы Румынии трех православных студентов из Латвии. В итоге с интервалом в

год лишь два представителя Латвии поехали на учебу в Румынию⁷².

После 1935 года новое церковное руководство замкнулось в основном на решении внутрицерковных проблем, связанных с вхождением в политико-идеологическую систему авторитарного режима К. Ульманиса⁷³. Летом 1936 года началось обсуждение концепции православного отделения при Теологическом факультете Латвийского университета (далее – ЛУ). Это отделение начало свою работу в 1937/38 учебном году⁷⁴. Обучение на нем было платным, и Церкви приходилось собирать средства в помощь нуждающимся православным студентам⁷⁵. В то же время основным центром подготовки кадров священнослужителей стал Православный Богословский институт⁷⁶, созданный на базе Рижской Духовной семинарии. Православный Богословский институт и православное отделение Теологического факультета ЛУ составили вертикаль как среднего, так и высшего православного образования в Латвии.

Следует отметить, что отдельные выпускники ССПБИ при новом руководстве ЛПЦ чувствовали себя совсем неплохо. Священник Алексей Ионов до 1940 года (до закрытия журнала) постоянно публиковался в журнале «Вера и Жизнь». В 1937 году его перевели в Ригу вторым священником храма Св. Александра Невского. В 1938 году к двадцатилетнему юбилею независимости Латвии руководство ЛПЦ наградило о. Алексея наперсным крестом с украшениями⁷⁷. 5 ноября 1939 года, ко дню освящения после ремонта Рижского кафедрального Христорождественского собора, о. Николай Трубецкого удостоили сана протоиерея, а о. Константина Михайлова наградили набедренником⁷⁸. Вскоре после окончания ССПБИ в священника был рукоположен Владимир Толстоухов. Он был назначен вторым священником храма Благовещения Пресвятыя Богородицы в

Риге⁷⁹. В начале лета 1940 года Синод ЛПЦ возложил на о. Алексия Ионова, о. Николая Трубецкого и о. Владимира Толстоухова обязанности священников в Кемери на время курортного сезона⁸⁰.

В 1937 году выпускники ССПБИ о. Алексий Ионов и о. Николай Трубецкой поступили на православное отделение Теологического факультета Латвийского Университета⁸¹.

Несмотря на сложные отношения ЛПЦ со Свято-Сергиевским Православным Богословским институтом, этот вуз оставил свой след в истории православия в Латвии. Ряд уроженцев Латвии, закончив ССПБИ, стали священнослужителями ЛПЦ,

были весьма активны на ниве пастырского служения.

Судьбы выпускников ССПБИ после 1940 года сложились, по большей части, трагически. Священник Василий Рушанов в марте 1943 года был застрелен неизвестными⁸², протоиерей Николай Трубецкой в октябре 1944 года был арестован органами НКВД и отправлен в сталинские застенки⁸³. Священники Феодор Ягодкин⁸⁴, Алексий Ионов⁸⁵ и Владимир Толстоухов⁸⁶ были вынуждены осенью 1944 года покинуть Латвию. Священник Константин Михайлов скончался в 1946 году в Ляудоне от воспаления легких в возрасте тридцати восьми лет⁸⁷.

Примечания

- 1 В работе мы основывались главным образом на материалах фонда ЛПЦ в ЛГИА. Привлекались также материалы журнала ЛПЦ «Вера и Жизнь», некоторые другие источники и научная литература. Составление подробных биографий выпускников ССПБИ, впоследствии ставших священнослужителями, не входит в задачи настоящей статьи.
- 2 См. подробнее: Прот. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). М.: Издание Сретенского монастыря, 2007; Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: «Алаборг», Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009.
- 3 Труфанов В. Из истории Рижской православной Духовной семинарии (1926-1936). В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Вып. 2. Гаврилин А. В. (ред.). Рига: «Благовест», 1997. С. 5-12.
- 4 Митрополита Евлогия в сан временно управляющего Западноевропейскими русскими приходами в 1922 году возвел Синод и Высший Церковный Совет рпц. Прот. Цыпин В. История... С. 748.
- 5 После Второй мировой войны митрополит Вениамин (Федченков) переехал в СССР. Некоторое время (в 1947-1951 годах) он возглавлял Рижскую епархию. См.: Протоиерей Пелевин Олег. Из истории Латвийской Православной Церкви. В кн.: Латвийская Православная Церковь 1988-2008 гг. Рига: Издание Синода Латвийской Православной Церкви, 2009. С. 14-15.
- 6 См.: Курилович А. Н. Свято-Сергиевский Богом словский институт в Париже как духовно-просветительский центр. Работа доступна: <http://zarubezhje.narod.ru/texts/stserge.htm> С. 17, 19; Прот. Цыпин В. История... С. 789; Высшая Духовная школа для русских. «Сегодня», 29 августа 1924 года, №. 195. С. 4; Воззвание митрополита Евлогия. «Сегодня», 19 сентября 1924 года, №. 213. С. 3.
- 7 Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий; ВПМД, 1994. С. 409-410, 414.
- 8 См.: Прот. Цыпин В. История... С. 787-789. Подробнее об истории этого учебного заведения см.: Свято-Сергиевское подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. Савкин И. А. (ред.). СПб.: Алетейя, 1999; Курилович А. Н. Свято-Сергиевский...
- 9 В 1920 – начале 30-х годов имя митрополита Евлогия постоянно фигурировало в протоколах заседания Синода ЛПЦ. См., например: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 67, л. 3; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 69, л. 8-9 и др.
- 10 Протоколы Синода ЛПЦ содержат свидетельства о конфликтах между митрополитом Евлогием и

- митрополитом Антонием (Храповицким, 1863-1936), которые, как известно, привели к расколу рпцц в Западной Европе (митрополит Антоний руководил зарубежным Синодом рпцц, находившимся в Югославии). См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 68, л. 33, 82; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 69, л. 104; Прот. Цыпин, В. История... С. 748-751.
- 11 Глава ЛПЦ не хотел быть сопричастным к оложнению положения Православной Церкви в советской России. Как известно, эмигрантские Соборы часто принимали сугубо политические декларации с антисоветской риторикой, что вызывало гнев советских властей и приводил к новым гонениям на рпцц в СССР. Кроме того, эти Соборы проходили в атмосфере постоянных конфликтов между иерархами в эмиграции. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 69, л. 16; Прот. Цыпин, В. История... С. 746-752.
- 12 После насильственной инкорпорации Латвии в состав СССР ситуация кардинально изменилась, поэтому настоящее исследование заканчивается 1940 годом.
- 13 30 декабря 1924 года на заседании Синода ЛПЦ отмечалось, что митрополит Евлогий попросил жертвовать средства на организацию Духовной Академии (именно так в это время вуз назывался в документации ЛПЦ). Деятельность главы Западноевропейской епархии на этом поприще встречала горячую поддержку ЛПЦ. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 68, л. 32-34.
- 14 См.: Костиков В. В. Не будем проклинать изгнанные... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения, 1990. С. 64-65, 181, 205-207.
- 15 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 68, л. 62.
- 16 См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 54, л. 1, 3-4; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 43; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 329, л. 10, 53.
- 17 Митрополит Евлогий. Путь моей жизни... С. 409-410.
- 18 Труфанов В. Из истории... С. 6.
- 19 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 43.
- 20 Эммануил Есенский в 1930 году закончил Рижскую Духовную семинарию и направился учиться в ССПБИ. Там принял постриг и, судя по всему, в Латвию не вернулся. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 8, л. 8; Русский мир и Латвия: Из архива священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна Поммера. Письма и другие документы. Издание подготовил Сидяков Ю. Л. В кн.: Альманах Гуманитарного семинара. Вып. XX. Т. 2. Мазур С. А. (ред.). Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2008. С. 25-26.
- 21 ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 1, л. 15, 49, 80, 86.
- 22 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 328, л. 205, 210, 298; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 329, л. 95, 117.
- 23 Двадцатилетовые стипендии нуждающиеся семинаристы получали регулярно, но не ежемесячно. Из-за недостатка средств происходила ротация лиц, получавших материальную помощь. В каникулы стипендии не выплачивались. Из-за экономического кризиса с осени 1932 года Церковь уменьшила размеры выплат. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 70, л. 23, 40, 46, 58, 68, 101, 118, 149, 168, 173, 183; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 71, л. 13, 62, 75, 83, 89, 100, 108, 119-120, 128, 138; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 40, 50, 59 и в других местах; Гаврили, А. В. Под покровом... С. 83.
- 24 См. например: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 27; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 179, л. 93; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 181, л. 28-29; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 341, л. 164. Учащиеся из Латвии получали стипендии и в ССПБИ. Несмотря на это, денег катастрофически не хватало, так как размер стипендий был невелик, а жизнь в Париже дорогой. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 43.
- 25 См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 9, л. 4; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 71, л. 67, 72; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 178, л. 60-62.
- 26 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 179, л. 101, 105.
- 27 См.: Из архива архиепископа Иоанна (Поммера). Письма к архиепископу Иоанну студентов-латвийцев Свято-Сергиевского Православного Богословского института в Париже. В кн.: Альманах Гуманитарного семинара. Русский мир и Латвия: Феномен восприятия русского. Сидяков Ю. Л. (сост). Вып. XVI. Мазур С. А. (ред.). Рига: Издание Гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2008. С. 62-76; Русский мир и Латвия: Из архива... С. 37-48.
- 28 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 181, л. 53.
- 29 Геннадий Комаровский до революции закончил реальное училище в городе Боровичи (Новгородская губерния), в 1917-1921 годах учился в Петроградском Электротехническом институте. В Латвию приехал в 1921 году. 13 мая 1941 года о. Геннадий Комаровский был удостоен сана протоиерея. В 1944 году он был арестован органами НКВД по делу о Псковской Миссии и отправлен в сталинские застенки, там и сгинул (точная дата смерти протоиерея Геннадия Комаровского неизвестна). См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 208, л. 1, 3, 4, 67; Священники Голиков Андрей, Фомин Сергей.

- Кровью убежденные: Мученики и исповедники Северо-Западной России и Прибалтики (1940-1955). М.: Паломник, 1999. С. 143.
- 30 См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 4, 18; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 76, л. 45, 77; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 229, л. 18; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 341, л. 36; Сахаров С. П. Православные Церкви в Латгалии (историко-статистическое описание). Рига: Aue toga izdevums. 1939. С. 163.
- 31 Прот. Цыпин В. История... С. 753.
- 32 Примирение Евлогия с Московской Патриархией было достигнуто только в 1945 году. См.: Курилович А. Н. Свято-Сергиевский... С. 25-26, 28-29.
- 33 Архиепископ Иоанн. Отделение Западно-Европейской епархии от подчинения Москве. «Вера и жизнь», 1931, № 3. С. 31-33.
- 34 Уже в предреволюционные годы большинство преподавателей российских Духовных Академий были мирянами. См.: Прот. Цыпин В. История... С. 317.
- 35 См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 192-193.
- 36 АГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 264, л. 16.
Во второй половине 30-х годов программа обучения в ССПБИ не претерпела значительных изменений. Так, в приложении к диплому В. Толстоухова, закончившего институт в 1939 году, значились следующие учебные дисциплины: 1) Священное Писание (Ветхий Завет); 2) Священное Писание (Новый Завет); 3) догматическое богословие; 4) патрология; 5) литургика; 6) гимнография; 7) учение о богослужении; 8) апологетика; 9) агиология; 10) нравственное богословие; 11) богословие для священников; 12) церковное право; 13) история древней и история Восточной Церкви; 14) история Русской Церкви; 15) история Западной Церкви; 16) история религии; 17) сектоведение; 18) гомиетика; 19) психология; 20) педагогика; 21) философия; 22) еврейский язык; 23) славянский язык; 24) греческий язык; 25) латинский язык. См.: АГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 175, л. 4.
- 37 См. Курилович А. Н. Свято-Сергиевский... С. 127-145.
- 38 Об этом говорит название одного из докладов Владыки Иоанна Поммера на Вселатвийском Собрании ЛПЦ 24-26 октября 1923 года – «Верность православных христиан Латвии Святой Православной Восточной-Кафолической Церкви». См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 31, л. 28.
- 39 Учение С. Н. Булгакова о Божественной мудрости (Софии) и ряд других его учений подверглись резкой критике со стороны Московской Патриархии. Софиологию отца Сергия Московская Патриархия признала учением, чуждым Святой Православной Церкви, и предостерегла верующих от увлечения им. См.: Лосский Н. О. История Русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С. 261, 266-267.
- 40 Н. А. Бердяев читал отдельные курсы в ССПБИ. По словам протоиерея В. Цыпина, о Н. А. Бердяеве «лишь с большой натяжкой можно говорить, как о православном философе – столь очевидно влияние на его философские и исторические построения гностицизма, манихейского дуализма, религиозного экзистенциализма». См.: Прот. Цыпин, В. История... С. 791.
- 41 Как считал редактор официального печатного органа ЛПЦ журнала «Вера и жизнь» протоиерей К. Зайц, суть «усовершенности» веры не может состоять в том, что Церковь потеряет духовное наследие Апостолов. Все, что святые Апостолы установили в Церкви, должно остаться неизменным. См.: Прот. Зайц К. Усовершенность христианского вероучения. «Вера и жизнь», 1927, № 9. С. 5.
- 42 Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцание и умозрение. М.: Фолио, 2001. С. 329-339, 347-365; Булгаков С. Н. Православие. М.: Фолио, 2001. С. 48.
- 43 См.: Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 43-44; Лосский Н. О. История Русской философии... С. 271-272, 286-287.
Н. А. Бердяев сам о себе писал, что его религиозную философию нельзя считать выразителем православной церковной мысли, так как в его работах откровенно отражались индивидуальные черты самого автора. Бердяев, Н. А. Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. С. 244-245.
- 44 О деятельности РСХД в Латвии см.: Плюханов В. Б. РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы и история Русского студенческого христианского движения. Париж: YMCA-Press, 1993. С. 65-74, 79, 89-101, 109-112, 122-125.
- 45 См.: Из архива... С. 73, 75.
- 46 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 341, л. 251, 264; Русский мир и Латвия: Из архива... С. 27, 31.
- 47 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 341, л. 286.
Позднее, в 1934 году, деятельность РСХД в Латвии была запрещена властями. См.: Плюханов В. Б. РСХД в Латвии... С. 133.
- 48 АГИА, ф. 5901, оп. 1, д. 71, л. 1.
См. также Цоя С. А. Русский институт университетских знаний и Латвийская Православная Церковь. В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Вып. 9. Гаврилин А. В. (ред.). Рига: Филокалия, 2011. С. 121-122.

- 49 См.: Ионов А. Новая книга о православии. «Вера и Жизнь», 1934, № 8. С. 197-199.
- 50 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 73, л. 8, 68, 80, 114; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 329, л. 174, 181, 242; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 342, л. 111, 169; ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 192, л. 1, 15. Необходимо отметить, что Алексей Ионов не учился в Духовной семинарии. В 1929 году он поступил в ССПБИ (до этого он закончил два курса Латвийского Университета). В 1937 году о. Алексей был переведен в Ригу и до 1941 года служил помощником настоятеля храма Св. Александра Невского. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 16, 17; ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 8, 9; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 229, л. 12; Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995. Биографический справочник. М.: Русский путь, УМСА-PRESS, 2007. С. 236-237.
- 51 Решение вопроса о принятии Н. Трубецкого преподавателем Рижской Духовной семинарии Синод ЛПЦ передал на рассмотрение Правления семинарии. Правление, в свою очередь, Н. Трубецкому деликатно отказало, мотивируя свой отказ отсутствием вакансий. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 57; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 184, л. 23-26; ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 2, л. 38.
- 52 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 57, 84; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 779, л. 13, 15, 26; Нивьер А. Православные священнослужители... С. 115. В 1935 году Н. Трубецкой обвенчался с дочерью ректора семинарии протоиерея Иоанна Янсона – Ириной Янсон. См.: «Дух уныния не даждь ми...». Воспоминания о рижскоградском протоиерее Николае Трубецком и его семье. Письма из заключения. Ветелева О. А. (авт. сост.). М.: Артос-медиа, 2008. С. 7.
- 53 См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 9, л. 6; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 75, л. 4; «Дух уныния не даждь ми...»... С. 7.
- 54 В архивных материалах сохранились факты отказа ЛПЦ в материальной помощи студентам ССПБИ из Латвии. Так, в апреле 1932 года Синод ЛПЦ, сославшись на нехватку средств и на государственный запрет на перевод денег за границу, отказался выслать В. Рушанову 200 латов. Несмотря на это, тогда же было принято решение выдать к празднику Воскресени Христова по 4 лата каждой из вдов и сирот духовного звания. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 152; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 341, л. 284.
- 55 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 65; ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 181, л. 6. Феодор Ягодкин с 1928 по 1930 год учился в Рижской Духовной семинарии. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 9, л. 6.
- 56 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 9.
- 57 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 342, л. 256.
- 58 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 329, л. 280.
- 59 Митрополит Евлогий. Воспоминания о почившем архиепископе Иоанне. «Вера и жизнь», 1935, № 1. С. 5-6; Публикация переписки митрополита Евлогия и архиепископа Иоанна (Поммера). См.: Русский мир и Латвия: Из архива... С. 13-27; 30-34.
- 60 О. Николая Трубецкого после рукоположения направили вторым священником в елгавский храм Св. Симеона и Анны, а позднее назначили в рижскую Покровскую церковь. Священник Феодор Ягодкин до войны служил в Вияльском храме Покрова Пресвятой Богородицы. О. Конкстантин Михайлов получил назначение в Ляудонскую церковь Св. Иоанна Крестителя, в которой прослужил до своей кончины в 1946 году. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 90-91; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 75, л. 2; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 229, л. 13, 15, 20; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 342, л. 285; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 343, л. 4, 136, 138; Из церковной хроники. «Вера и жизнь», 1935, № 3. С. 69-70; Из местной хроники. «Вера и жизнь», 1936, № 2. С. 48; Из местной хроники. «Вера и жизнь», 1936, № 10. С. 228. Сахаров С. П. Православные Церкви... С. 37; Награды. «Вера и жизнь», 1939, № 12. С. 265.
- 61 Василий Рушанов учился в Рижской Духовной семинарии с 1926 по 1928 год. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 9, л. 2; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 70, л. 154.
- 62 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 72, л. 43, 52; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 88, л. 31; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 329, л. 10, 19; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 341, л. 82; Распоряжения Синода. «Вера и жизнь», 1939, № 11. С. 241. Во второй половине 30-х годов диакон Василий Рушанов служил в рижском храме Преображения Господня (просп. Межа, 11). С 1935 года диакон Василий преподавал Закон Божий в Русском частном техникуме. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 148; ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 229, л. 13.
- 63 Нивьер А. Православные священнослужители... С. 403.
- 64 Ионов А. Библиография. Иисус Назарянин. «Вера и жизнь», 1935, № 10. С. 237-239; Ионов А. О некоторых чертах русской религиозности. «Вера и жизнь», 1937, № 5. С. 122-126; Ионов А. Библиография. Летопись. «Вера и жизнь», 1937, № 8. С. 255-256; Ионов А. Библиография. Прот. Сергей Булгаков. Радость церковная. Слова поучения. Париж. 1938, «Вера и жизнь», 1939, № 9. С. 168.
- 65 Например см.: Рушанов В. Знаменательный юбилей (1839-1939). «Вера и Жизнь», 1939, № 5. С.

- 109-114; Рушанов В. Бунт Соловецких монахов в XVII веке. «Вера и Жизнь», 1940, № 5. С. 103-109 и другие.
- 66 Рушанов В. Об истинной Христовой Церкви. «Вера и Жизнь», 1934, № 1. С. 12.
- 67 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 75, л. 107; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 330, л. 30, 115.
- 68 Сохранилось указание на письмо, в котором студент ССПБИ Иоанн Харун просил руководство ЛПЦ разрешить ему принять постриг. Также он попросил выслать ему деньги, чтобы он смог на лето приехать на родину в Латвию. Синод ЛПЦ 2 апреля 1936 года отказал Харуну в материальной помощи, сославшись на отсутствие средств, и рекомендовал ему не торопиться с пострижением в монахи. См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 75, л. 57; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 330, л. 105; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 343, л. 176; Нивьер А. Православные священнослужители... С. 443-444.
- 69 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 188, л. 3.
- 70 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 188, л. 5.
- 71 Для Православных Церквей Балтийских стран необходим общий Богословский институт. Газета «Сегодня», 6 июня 1936 года, № 155, С. 5.
- 72 Учиться на Теологическом факультете Бухарестского Университета в конце 1937 года поехал Петерис Бриедис (до этого он был студентом православного отделения Теологического факультета Латвийского университета). В конце 1938 года Синод ЛПЦ присвоил стипендию Теологического факультета Бухарестского университета Андрею Ревалдсу. См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 192, л. 1, 6, 9-10, 16-18; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 193, л. 1, 4.
- 73 Кулис А. К вопросу об автокефалии Латвийской Православной Церкви в 30-х годах XX века. В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Вып. 1. Гаврилин А. В. (ред.). Рига: Балто-Славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1993. С. 65-74. Тех, кто не владел латышским языком, Синод ЛПЦ больше не допускал к преподаванию Закона Божия в школах. Им предлагалось пройти бесплатные курсы государственного языка, сдать экзамен, и только тогда получить разрешение на преподавание Закона Божия. См.: Законоучительные курсы. «Вера и жизнь», 1937, № 7. С. 196.
- 74 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 75, л. 90-91, 102, 108; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 76, л. 90-91, 93-94. 15 сентября 1937 года в кафедральном Христово-рождественском соборе по случаю открытия православного отделения при Теологическом факультете ЛУ был отслужен торжественный молебен. На православное отделение Теологического факультета ЛУ было принято 14 человек. См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 76, л. 165; Торжество православия. «Вера и Жизнь», 1937, № 10. С. 311-313.
- 75 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 191, л. 15-22, 24-26, 33.
- 76 В 1936 году слушателями Православного Богословского института были приняты 34 человека (17 мужчин и 17 женщин). Курс обучения был всего два года. См.: Православный Богословский институт в Риге. «Вера и Жизнь», 1936, № 10. С. 225-227. Работу Православного Богословского института почти на семьдесят процентов финансировало государство. Например, в 1936/37 учебном году бюджет вуза составлял 14 500 латов, из которых 10 000 латов составили государственные субсидии. Руководство вуза обязано было согласовывать свой бюджет с Министерством образования. Согласно 3 пункту Устава этого учебного заведения, институт был подчинен Синоду ЛПЦ и Министерству образования. См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 186, л. 20, 26, 35-36, 39.
- 77 Награды. «Вера и Жизнь», 1938, № 12. С. 308.
- 78 Награды. «Вера и Жизнь», 1939, № 12. С. 265.
- 79 АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 229, л. 12; Распоряжения Синода. «Вера и Жизнь», 1939, № 10. С. 218.
- 80 Распоряжения Синода. «Вера и Жизнь», 1940, № 6. С. 122.
- 81 Распоряжения Синода. Административные перемены. «Вера и Жизнь», 1937, № 10. С. 289; Распоряжения Синода. Административные перемены. «Вера и Жизнь», 1938, № 1. С. 1.
- 82 Священник Василий Рушанов был включен в состав Псковской Православной Миссии. 16 марта 1943 года о. Василий был застрелен неизвестными вблизи города Порхов (Псковская область) в вагоне поезда, следовавшего из города Дно в город Порхов. Похоронен в городе Дно. См.: Нивьер А. Православные священнослужители... С. 403.
- 83 В 1944 году о. Николай Трубецкой был осужден на 10 лет лагерей и на пять лет ссылки за участие в работе Псковской Православной Миссии. В Латвию он вернулся во время хрущевской оттепели в конце 1950-х годов. Последним местом служения о. Николая была церковь Нерукотворного Образа Спаса в Риге (Виенибас гатве, 76). См.: Священники Голиков Андрей, Фомин Сергей. Кровью... С. 115-116.
- 84 Священник Федор Ягодкин был включен в состав Псковской Православной Миссии. Судя по всему, о. Федор умер в конце 1940-х годов в лагере для

- перемещенных лиц в Германии. См.: Гаврилин А. В. Под покровом... С. 251, 462; Синодик Псковской Миссии. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26-27. С. 16, 51.
- 85 Священник Алексей Ионов был включен в состав Псковской православной миссии. Некоторое время о. Алексей был полевым священником РОА (армии генерала А. Власова, сражавшейся на стороне Германии). В 1944 году о. Алексей Ионов эвакуировался в Австрию, а в 1948 году переехал в США. В 1974 году он был удостоен сана протопресвитера. Скончался в 1977 году в Калифорнии. См.: Нивьер А. Православные священнослужители... С. 236-237; Гаврилин А. В. Под покровом... С. 251, 449.
- 86 В августе 1941 года о. Владимир Толстоухов был включен в состав Псковской Православной Миссии. Осенью 1944 года эвакуировался в Германию, позднее переехал на постоянное место жительства в США, где и скончался. См.: АГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 8, 9; Гаврилин А. В. Под покровом... С. 251; Синодик Псковской... С. 15, 50.
- 87 Священник Константин Михайлов до самой смерти был настоятелем Ляудонской церкви Св. Иоанна Крестителя. Умер 29 мая 1946 года. См.: АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 229, л. 26, 34; АГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 708, л. 66; актовая запись № 22 регистра умерших исполнительного комитета Ляудонской волости.

Татьяна Фейгмане

Сергей Иванович Трофимов

Сергея Ивановича Трофимова можно причислить к числу незаслуженно забытых персонажей латвийской истории. Хотя время от времени его имя и появлялось в разного рода публикациях, приводимые о нем сведения были весьма скупы. Известно, что родом он из Аугшпилсской (Вышгородской) волости, что в 1920-е годы активно включился в политическую жизнь Латвии, основал и возглавил партию «Русское крестьянское объединение», по списку которой в 1931 году прошел в 4-й Сейм, после улманисовского переворота вплоть до установления советской власти являлся референтом по русским школам в Министерстве образования. И, наконец, что ранним утром 22 июня 1941 г. он и большая группа заключенных, в числе которых было и немало русских (Копылов Павел, Островский Алексей, Покликаев Дмитрий, Кириллов Иван, Степанов Павел, Иванов Порфирий, Вишняков Нил, Лялин Семен, Кигитович Осип, Капранов Виктор, Юркевич Владимир, Никитин Василий, Вишняков Никифор, Харитонов Борис, Афанасьев Михаил, Яковлев Василий, Солгунов Логин) были расстреляны энкаведистами вблизи озера Балтэзерс под Ригой¹. Сведения о жертвах этого и других

расстрелов стали известны вскоре после немецкой оккупации Латвии. Список обнаруженных жертв и их фотографии были помещены в издававшейся при содействии оккупационных властей газете «Tēvija». Эти публикации повергли в шок широкие слои латвийского общества, усилили антисоветские и антикоммунистические настроения, в известной степени повлияли на позицию многих латвийцев в развернувшейся битве двух тиранов.

За 50 лет советской власти имя Сергея Трофимова, как впрочем и других политических и общественных деятелей независимой Латвии, оказалось преданным забвению и почти забытым даже среди местных старожилов. Казалось, что историкам придется довольствоваться тем немногим, что о Сергее Трофимове писала довоенная латвийская пресса, а также немногими стенографическими отчетами его выступлений в Сейме. Однако с крушением коммунистической системы стали доступны материалы, ранее хранившиеся за семью печатями. Среди них и «Следственное дело» Сергея Ивановича Трофимова, содержащее не только воздвигнутый на него «криминал», но и малоизвестные факты из его биографии.

Сергей Трофимов родился 19 сентября 1894 года в православной семье в селе Емилово Островского уезда Псковской губернии. Отец будущего депутата Иван Кириллович Трофимов служил в Псковском губернском земстве агентом по страхованию. Владел большой усадьбой. В возрасте 76 лет, вместе с супругой Верой Дмитриевной (69 лет), пережил трагедию гибели сына Сергея.

С. И. Трофимов. Фотография 1930-х гг.

В семье Трофимовых было 6 сыновей и 2 дочери. По-разному сложилась их судьба. Один из сыновей – Иван – оказался в СССР, в Пензенской области, где работал врачом и, спасая больных брюшным тифом, заразился сам и умер в 1928 или в 1929 году. Владимир – ветеринарный врач, во время Гражданской войны служил у красных. Однако в 1920 г. предпочел вернуться в Латвию после того как отцовская усадьба, согласно Мирному договору между Советской Россией и Латвией, отошла к последней. Другие же братья – Александр, Борис, Константин, как впрочем и Сергей, сделали выбор в пользу белых, поступив на службу в армию генерала Н. Н. Юденича. Впоследствии Владимир работал ветеринаром. Александр и Борис посвятили себя сельскому труду. Константин умер рано, в 1923 или 1924 году (на

допросе С. И. Трофимов его не назвал, на что сразу получил замечание о наличии у него еще одного брата!). В семье были также две дочери: Нина, в замужестве Шигина, и Наталья, вышедшая замуж за соседа по усадьбе – Игнатьева.

Трофимовы являли собой крепкую православную русскую семью, отличавшуюся трудолюбием и тягой к знаниям. За такими семьями виделось будущее России и Латвии. Но, увы, вместо того, чтобы стать опорой государства, в большинстве своем им довелось попасть в жернова ГУЛАГА.

Годы ученичества Сергея Трофимова прошли в Емиловской сельской школе, затем в Псковской гимназии. В 1913 году С. И. Трофимов поступил на Медицинский факультет Юрьевского университета. Но стать врачом ему было не суждено. В 1915 г. он отправился на Кавказский фронт. Под Батуми попал в плен к туркам. Лишь в конце 1918 года ему удалось вернуться в родное Емилово. Но отдых оказался краткосрочным. Сергей Трофимов поступил рядовым в Северо-западную армию генерала Юденича. Вместе с ней он пережил ее взлет и падение. Памятью об учебе на Медицинском факультете, по мере сил помогал больным и раненым.

Вернувшись домой, он поступил фельдшером в сельскую амбулаторию. Осенью 1922 года С. И. Трофимов с намерением продолжить образование отправился в бывший Юрьевский, а ныне Тартуский университет. Однако там его ждало разочарование. Оказалось, что документы, подтверждавшие его учебу, пропали. Тогда Сергей Трофимов решил поступить на Юридический факультет. В 1926 г. он получил диплом юриста. В этом же году обвенчался с выпускницей Медицинского факультета Тартуского университета – Лидией Федоровной Глазовой. Но семейное счастье длилось недолго. В 1927 году, во время родов, Лидия Федоровна умерла, оставив вдовцу дочку Лидочку².

По всей вероятности, не видя для себя особых перспектив на ниве юриспруденции (работал секретарем правления кооперативного страхового общества), С. И. Трофимов обратился к политике. Тем более, что он видел в ней свободную нишу. В то время русские латвийцы фактически не имели сколь-либо серьезных политических партий. Русские политики зачастую выступали сепаратно. Структуризация русских политических сил протекала вяло. С. И. Трофимов понимал, что, будучи коренным жителем Яунлатгальского уезда, у него есть весомый козырь. В этом уезде была сосредоточена почти четверть русского населения Латвии. По данным переписи населения, проведенной в 1925 году, там проживало 45 907 русских³. В отличие от прочих латгальских уездов, русское население здесь было практически стопроцентно православным. Поэтому популярный в Латгалии старообрядец М. А. Каллистратов не мог рассчитывать на голоса яунлатгальцев (пыталовцев). «Православные избиратели» во главе с архиепископом Рижским и всея Латвии Иоанном (Поммером) были недостаточно известны в этом отдаленном уголке, отошедшим к Латвии в результате Мирного договора с Советской Россией от 11 августа 1920 года. Непоследовательный политический курс *Блока русских волостных и общественных деятелей* (земцев), возглавляемых Леонтием Шполянским, удовлетворял далеко не всех православных латгальских избирателей. Было ясно, что, по крайней мере, избиратели в Яунлатгальском уезде ждут появления новой политической силы.

5 августа 1928 года в Резекне состоялся 1-й съезд новой партии – *Русского крестьянского объединения* (РКО). Это была первая серьезная заявка на создание русской крестьянской партии в Латвии. Тем более, что 72% русских латвийцев было занято в сельском хозяйстве⁴. Одновременно в Резекне проходил и съезд «земцев».

Корреспондент газеты «Сегодня», освещавший работу этих съездов, отмечая схожесть их программных установок, в то же время подметил и различия. В отличие от «земцев», опиравшихся в основном на малоземельное крестьянство, социальную базу РКО составляли более крепкие слои крестьянства и сельская интеллигенция, правда, в основном из Яунлатгальского уезда⁵.

Не чурался политики и дядя С. И. Трофимова – Владимир Кириллович Трофимов (1872-1944), доктор медицины, профессор, которому довелось впервые в истории независимой Латвии стать министром (без портфеля). Эту должность он занимал с 2 июня 1931 г. по 4 декабря 1931 г.⁶ Вероятно, пример дяди также способствовал приходу С. И. Трофимова в активную политику.

В качестве приоритетных задач РКО выдвигало: 1) объединение русских общественных сил для защиты русских крестьянских интересов, 2) защиту демократических устоев Латвийского государства⁷. Председателем партии стал С. И. Трофимов. В руководство партии из числа деятелей общелатвийского масштаба вошли Борис Энгельгардт⁸ и Борис Евланов⁹. Г. Арбузов, Б. Беклешев, В. Завьялов, Ф. Петров, Н. Соловьев, В. Яковлев и другие были известны преимущественно в Яунлатгальском уезде¹⁰. Скороспелое рождение партии было связано с приближающимися выборами в 3-й Сейм, которые однако не принесли ей удачи. Партийный список был выставлен только в Латгалии, за него было подано 3 976 голосов¹¹. В то время как «земцы» получили в Латгалии 14 592 голоса и соответственно два депутатских места (Л. В. Шполянский и И. В. Корнильев)¹². Однако в 1928 г. С. И. Трофимову удалось стать председателем Аугшпилсского (Вышгородского) волостного правления. В 1931 г. он вновь был избран на эту должность.

С. И. Трофимов продолжал упорно искать свое место в политическом спектре Латвии. Русские политики стояли перед дилеммой: с одной стороны, по своим взглядам они тяготели к право-консервативному крылу, с другой стороны, не могли не учитывать настроений своего электората, в массе своей консервативного, но ввиду известного дискомфорта в области национальной и аграрной политики тяготевшего к левому крылу. Надо было найти «золотую середину», и С. И. Трофимов попытался это сделать. Определение программных установок было сложной задачей. Опыт российских дореволюционных партий не оставил глубокого следа, и к тому же был неприемлем в новых политических условиях. Поэтому русские политики невольно вынуждены были обращаться к политическому опыту, имевшемуся в других странах русского рассеяния. В 1927 году С. И. Трофимов познакомился с С. С. Масловым¹³ и установил связь с *Трудовой крестьянской партией* (ТКП)¹⁴, центр которой располагался в Праге, а отделы в ряде центров русского рассеяния. Именно эти краткосрочные контакты с председателем ТКП С. С. Масловым сыграли роковую роль в судьбе С. И. Трофимова и не только его. На конец 1920-х-начало 1930- годов приходится пик активности ТКП (в связи с развернувшейся в СССР коллективизацией). Естественно, что люди, жившие в советском приграничье, оказались в поле их зрения как потенциальные «проводники» своих идей на территорию СССР.

После провала на выборах в Сейм РКО некоторое время не проявляло активности. Только 16 февраля 1930 г. в Яунлатгале (Пыталово, с 1925 по 1937 г. – Яунлатгале, с 1938 по 1945 г. – Абрене, ныне – город Пыталово Псковской области РФ) состоялся 2-й съезд этой партии. На нем отчетливо слышались отголоски идейного влияния ТКП, особенно в докладе Б. Евланова. Доклад С. И.

Трофимова был посвящен политической линии партии: не уклоняясь ни вправо, ни влево с демократической дороги, идти своим путем. Русскому крестьянину в Латвии не нужна «рабоче-крестьянская власть» с Востока, но не менее чужды ему и некрестьянские диктатуры с Запада¹⁵.

25 января 1931 г. состоялся 3-й съезд партии, в котором участвовало 130 полноправных делегатов. Ряды партии пополнились за счет разочаровавшихся «земцев». В своем докладе С. И. Трофимов отметил, что партия растет и расширяется, имеет отделения не только в Яунлатгальском, но и в других уездах Латгалии. О серьезности политических намерений Трофимова говорило то, что значительную часть своей речи он посвятил поиску возможных союзников. Наиболее приемлемыми ему казались Каллистратов и Елисеев¹⁶. 9 августа 1931 г. в Резекне состоялся 4-й съезд РКО. Основные предвыборные положения партии сводились к следующему: сокращение государственных расходов путем уменьшения штата чиновников и окладов чиновникам высшей категории; облегчение налогового бремени для крестьян; увеличение цен на лен; выделение земельных прирезков мало-земельным¹⁷.

Выборы в 4-й Сейм для С. И. Трофимова оказались удачными. Партийный список получил в Латгалии 8 298 голосов и С. И. Трофимов занял желаемое им депутатское кресло.

Работа 4-го Сейма, последнего демократически избранного парламента в межвоенной Латвии, проходила в напряженной обстановке. Экономический кризис, рост националистических настроений, общая ситуация в Европе – все это отражалось на работе Сейма. Узкокорыстные интересы и коррупция усугубляли кризис латвийского парламентаризма и толкали страну в бездну диктатуры. В такой непростой обстановке пришлось С. И. Трофимову приступить к

работе парламентария. Перед молодым депутатом (ему было 37 лет) встала непростая задача поиска союзников, с которыми можно было бы сформировать фракцию. В 4-й Сейм, помимо С. И. Трофимова, по русским спискам прошли еще 5 депутатов. От *Блока православных и старообрядческих избирателей* были избраны архиепископ Иоанн (Поммер)¹⁸ и И. В. Корнильев. От *старообрядцев* – М. А. Каллистратов¹⁹ и Т. Е. Павловский²⁰. От *Объединения русских волостных и общественных организаций* – Л. В. Шполянский. Вне национальных списков в Сейм прошел коммунист Л. В. Ершов.

На протяжении всего периода существования парламентаризма русские депутаты любили говорить о создании единой русской фракции. Но дальше слов дело не шло. Правда, когда дело касалось защиты русских национальных интересов, депутаты, как правило, преодолевали внутренние противоречия и выступали единым фронтом. Уже в первые дни работы Сейма С. И. Трофимов заявил, что создание единой русской фракции маловероятно и предложил взамен этого образовать блок русских депутатов по национальным и культурным вопросам. В то же время он предложил подумать о создании *Латгальского хозяйственного блока*, в число задач которого входила бы и защита интересов русского крестьянства.

С первых же дней работы 4-го Сейма стало ясно, что среди русских депутатов произойдет определенная перегруппировка. Нарушителем спокойствия стал новичок Сергей Трофимов. Он активно искал союзников как среди русских, так и латгальских депутатов. С. И. Трофимова от других русских депутатов отличало хорошее знание латышского языка, что в немалой степени способствовало его взаимопониманию с латышскими депутатами. Однако и ему приходилось отвечать

на обвинения в нелояльности, которые все чаще раздавались со стороны латышских депутатов (в особенности, из партии «Демократический центр»). Отвечая на очередной выпад Я. Брейкша, С. И. Трофимов отмечал, что русское население не дает повода для обвинений в нелояльности. В то же время он критиковал экономическую политику правительства, которая, по его мнению, была нацелена на урезание частной инициативы и прокладывала путь к государственному капитализму: «Правительство совершенно игнорирует громадную политическую важность национального вопроса <> Мы наблюдаем сознательное стремление известной части коалиции, а вместе с ней и части латышского общества к подавлению культурного и экономического развития русского меньшинства <> Если же условием для признания нас государственным элементом должно явиться отречение от наших национальных чувств, от веры наших отцов, от наших бытовых особенностей и исторических традиций, то с подобным пониманием обязанностей в отношении государства мы согласиться не можем»²¹.

Если в 1920 годы русские политические и общественные деятели расценивали положение русского национального меньшинства в Латвии как удовлетворительное, полагая, что лишь в Эстонии ситуация более благоприятная, то в начале 1930-х годов картина меняется. Особенно беспокоило наступление на позиции русской школы, предпринятое министром образования А. Кениньшем. В 1932 году делегат от русских латвийцев впервые принял участие в работе меньшинственного конгресса в Вене. Им оказался С. И. Трофимов. Выступая в Вене, он заметил, что самобытная национально-культурная жизнь русского меньшинства в Латвии оказалась под угрозой²².

Свидетельством роста радикальных настроений в латвийском обществе стал созыв

чрезвычайной сессии Сейма 22-23 августа 1933 года. «От нас, – заявил С. И. Трофимов, – в значительной мере зависела судьба созыва чрезвычайной сессии. Однако с этой трибуны я хочу подчеркнуть, что наличие вместе с нашими подписями подписей депутатов рабоче-крестьянской фракции под созывом сессии ни в коей мере не означает даже возможности нашей совместной деятельности с ними в защиту демократии, ибо нет больших врагов демократии, чем вдохновители рабоче-крестьянской фракции из Москвы <> Мы говорим о борьбе со всеми врагами государства и справа и слева <> Мы считаем, что милитаристические организации не должны иметь места в нашем государстве, но мы полагаем также что РСС (социал-демократическая молодежная организация *Рабочий страж и спорт* – примеч. Т. Ф.) нельзя закрывать сейчас, когда существует угроза демократии. Отбросив утопии с.-д. программы, мы должны будем признать, что с.-д. являются государственной партией и защитниками государства и демократии. Повторяю, мы за твердую демократическую власть. Мы не хотим быть вассалами иностранных государств Запада и не хотим также быть колхозными рабами»²³. Однако сессия закончилась безрезультатно. Противостояние крайне националистического *Перконкрустса* и социал-демократических организаций нарастало. По сведениям газеты «Сегодня» на правительство А. Блэдниекса оказывалось давление с целью принятия им одностороннего решения в пользу *Перконкрустса*²⁴. С. И. Трофимов считал нужным выразить свое неприятие подобному сценарию: «В своей философской сущности коммунизм и национал-социализм почти совпадают. Только политические формы этой сущности различны, но обе они стихийно увеличивают ряды врагов демократии и государства»²⁵. В итоге 15 декабря 1933 г. Сейм принял решение о закрытии

политической партии *Перконкрустс* и общества *Тевияс Саргс*²⁶.

Не менее судьбоносными явились дебаты вокруг проекта изменений Конституции, инициированного *Крестьянским союзом*. Суть предлагаемых поправок сводилась к сокращению числа депутатов (до 50) и введению поста всенародно избранного президента, т.е. из парламентской республики Латвию предполагалось превратить в президентскую республику. Характерно, что С. И. Трофимов поддержал предлагаемые изменения²⁷.

Между тем в ходе работы 4-го Сейма произошли заметные изменения в расстановке русских депутатов. На заседании Сейма 31 января 1933 г. было официально заявлено о создании Русской крестьянской фракции, в состав которой вошли С. И. Трофимов, Т. Е. Павловский и И. В. Корнильев²⁸. «Цементом, скрепившим воедино *Русскую крестьянскую фракцию*, послужила программа *Русского крестьянского объединения*, по почину представителя которой в Сейме – деп. Трофимова и произошло образование фракции, – отмечал один из главных сподвижников Трофимова – Б. В. Евланов, указывая далее, что «крестьянство является фундаментом Латвии, и демократическая Латвия может существовать только как крестьянская страна»²⁹. Таким образом, идейным ориентиром новой фракции стали программные установки *Трудовой крестьянской партии*, которая на тот момент уже переживала кризис, обусловленный осознанием провальности своих идейных установок. Это обстоятельство побуждало С. И. Трофимова и его сторонников к переоценке ценностей и поиску новой политической ниши. Как отмечал упомянутый выше Б. В. Евланов, за полгода существования *Русской крестьянской фракции* удалось в известной мере преодолеть недоверие между русским и латышским крестьянством, убедив последнее, что

«у него больше оснований для сотрудничества с русским крестьянством, чем с партиями городского чиновничества, за громкими шовинистическими фразами которых скрывается лишь забота об устройстве своих личных делишек, как это особо ярко обнаружилось на примере бывшего министра *Демцентра* г.Кенинша»³⁰. Эта же мысль прослеживалась и у С. И. Трофимова: «Мы твердо знаем, что только путем общего сотрудничества с государственно мыслящими фракциями и, в первую очередь, крестьянами, в эти тяжелые годы хозяйственного и политического кризиса мы через укрепление основного класса страны – крестьянства, укрепим государство и защитим свою национальную русскую честь»³¹. К сотрудничеству с новой фракцией стал склоняться и архиепископ Иоанн (Поммер). За бортом новой фракции остались М. А. Каллистратов и Л. В. Шполянский.

Тот факт, что архиепископ Иоанн заметил молодого депутата, заслуживает особого внимания. Архиепископ Иоанн был опытным политиком, прочно занявшим свою нишу в политической палитре Латвии. Его избрание во 2-й Сейм в 1925 г. стало значимым событием. Архиепископ Иоанн, будучи православным латышом, активно защищал не только интересы Православной Церкви, но и русского населения Латвии. У русских депутатов появился признанный лидер. «К глубокому сожалению, – отмечал архиепископ Иоанн, выступая на заседании Сейма, – большинство, в недавнее время бывшее на положении меньшинства, не всегда и не всюду учитывает, как это следовало бы, право и волю меньшинств, и в итоге национальный вопрос в новосозданных национальных государствах, как и встарь, служит источником вражды. Государство должно иметь смелость стереть различия между гражданами». В то же время он подчеркивал, что

русское меньшинство по своей смиренной нетребовательности получило гораздо меньше, чем могло бы иметь»³². В 1930 году в ответ на нападки М. Скуениекса в адрес меньшинств он заметил, что «русобобия, как своего рода тяжкий недуг гнетет его на всех путях его, доводя его до положений нелесных и смешных, лишая его душу мира, покоя и радости. На улицах и в общественных местах мир души его отравляет русская речь, и количество говорящих по-русски кажется ему чрезмерно великим, и он готов завидовать столицам новых соседних государств, где русская речь не так слышна»³³. «По натуре своей он был не только монах, – вспоминал известный в межвоенной Риге журналист Генрих Гроссен, – но и крупный политический деятель, горячий, страстный оратор, он весь горел борьбой против большевиков и партий, поддерживавших их. Его речи всегда вызывали страсти и прения. Он говорил логично и постоянно имел веские письменные доказательства правоты своих утверждений»³⁴.

Поэтому поддержка С. И. Трофимова архиепископом Иоанном дорогого стоила и расценивалась в политических кругах, как высокая оценка профессионализму нового русского депутата. Группировкой С. И. Трофимова был сделан видимый шаг в сторону сближения с латышскими и латгальскими крестьянскими партиями, в частности, с *Крестьянским союзом* К. Улманиса. О стремлении новой фракции укрепить свои позиции свидетельствовал и факт издания ею своей газеты *Голос народа*, в которой она пыталась представить себя единственной защитницей русского крестьянства вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Это был вызов М. А. Каллистратову и Л. В. Шполянскому, оказавшимся в положении депутатов-одиночек.

Возникает вопрос – почему распался альянс Трофимова и Каллистратова? Вероятно, не только борьба за лидерство,

но и идейные противоречия были тому причиной. Если С. И. Трофимов разделял платформу *Трудовой крестьянской партии* и даже помогал ей в переброске ее литературы на территорию СССР, то М. А. Каллистратов, некоторое время также увлекавшийся идеями этой партии, впоследствии отошел от нее. К тому же Каллистратов, в отличие от Трофимова, не увлекался интеграционными идеями (т.е. не стремился к сближению с латышскими партиями). С. И. Трофимов же упорно проявлял стремление к блокированию с латгальскими и отчасти латышскими партиями. Впоследствии старания С. И. Трофимова были оценены узурпировавшим 15 мая 1934 года власть Карлисом Уманисом.

Согласно сведениям Политуправления МВД Латвии, поначалу известие о перевороте ошеломило теперь уже бывших русских депутатов, тем не менее они поспешили приветствовать новую власть. Правда, новая власть отнеслась к ним по-разному. М. А. Каллистратов оказался в числе арестованных, а С. И. Трофимов, наоборот, в числе приближенных к новому режиму лиц. И это не случайно. Группировка С. И. Трофимова в 4-м Сейме нередко солидаризировалась с *Крестьянским союзом*. Газета *Голос народа*, издававшаяся *Русской крестьянской фракцией*, продолжала выходить и после переворота и даже субсидировалась правительством³⁵. В первом же номере газеты после установления диктатуры К. Уманиса С. И. Трофимов в статье «Переворот и наши задачи» оправдывал случившееся: «Два лагеря – социалисты и фашисты <> в борьбе за власть и только за власть, без любви к государству, без стремления к благополучию всего народа, вели государство к гибели. На защиту государства и народа встали старые испытанные патриоты, и оба лагеря оказались побежденными без битвы. Заявления идейных вдохновителей и руководителей

переворота министра президента К. Уманиса, что *переворот не направлен против демократии*, и вице-министра внутренних дел А. Берзиньша, что *Латвия никогда больше не увидит партийных знамен*, свидетельствуют о том, что избран новый путь – путь истинного народовластия, служения государству и всему народу. Русское население сочувственно встретило переворот и потому, что в скорбной истории своего народа, переживающего национальную и государственную трагедию, было много вины на вождях социализма и псевдо-демократии, и потому, что русские, являясь коренным и оседлым населением Латвии, так же, как и латыши, боялись за судьбу государства, за свой хутор, за свой дом»³⁶.

С. И. Трофимов не был одинок в своем понимании случившегося. Здесь проявилось веками культивировавшееся в русском национальном сознании преклонение перед сильной властью, жесткой рукой, которой одной дано навести порядок. Демократические же настроения только нарождались и подчас рассматривались лишь как проявление неуместной слабости. Как оказалось, в плену таких настроений находился и С. И. Трофимов.

О том, что газета «Голос народа» субсидировалась правительством, подтвердил и сам С. И. Трофимов на допросе 14 августа 1940 г.: «С июля м-ца 1934 год «Голос народа» выходил под моей редакцией еженедельно на средства информационного отдела Министерства внутренних дел, а затем общественных дел. Газета под моей редакцией выходила до сентября 1935 год»³⁷.

Власти отблагодарили С. И. Трофимова за проявленную лояльность, назначив его референтом по русским школам в Министерстве образования. Эта должность была учреждена после ликвидации Русского отдела и, соответственно, школьной автономии. Полномочия референта были несопоставимы с полномочиями начальника

отдела. Его главной обязанностью была реализация государственной политики в области школьного дела. В ответ на свое назначение С. И. Трофимов заявил: «Моя прошлая работа служит доказательством того, что я твердо проводил линию общего культурного сотрудничества русского меньшинства с латышским народом и настойчиво порицал «национальную самостоятельность», в том же направлении я буду действовать и теперь. Мы должны воспитывать молодежь в сознании гражданского долга и преданности государству»³⁸. Так думал С. И. Трофимов и, вероятно, думал искренне. Однако реальная жизнь оказалась иной. На 1940 год в Латвии остались лишь две русские гимназии – в Риге и Резекне. Латышские гимназии оказались переполненными (за годы правления Улманиса не было открыто ни одной новой гимназии). В то же время у русской молодежи росла тяга к образованию, которая оставалась нереализованной, и создавала благоприятную почву для радикальных, в частности просоветских, настроений.

Очень быстро эйфорию сменил пессимизм. Публикации бывших депутатов в газете *Голос народа* становятся все более тусклыми, ряд имен исчезает с газетных полос. 19 октября 1935 г., не оправдав надежд подписчиков, газета прекратила существование.

Трудно сказать, что думал С. И. Трофимов в годы диктатуры. По всей видимости он придерживался конформистской позиции, понимая, что шансов для подобающего его статусу трудоустройства фактически нет. Он не мог не видеть как увольняют русских чиновников, как не допускают в суды и прокуратуру русских выпускников Латвийского Университета. С. И. Трофимов заметной активности в эти годы не проявлял, предпочитая молча взирать на происходящее. По косвенным сведениям он испытывал внутреннюю неудовлетворенность.

Наступил 1940 год. В Латвию вошли части Красной армии. Государственный механизм, созданный К. Улманисом, рухнул в одночасье. Началась советизация всех сфер жизни. Кто-то из бывших друзей и коллег С. И. Трофимова попылся приспособиться к новой власти (например, Б. В. Евланов). Но репрессивная машина уже была запущена и она была беспощадна как к тем, кто не скрывал своего отрицательного отношения к большевистской власти, так и к тем, кто надеялся на сотрудничество с нею.

28 (или 29 июля) 1940 г. С. И. Трофимов был уволен с занимаемой должности в Министерстве образования. 10 августа 1940 года он был арестован органами НКВД. По одному делу с ним проходили П. И. Гейданс³⁹ (был женат на сестре С. С. Маслова) – арестован 7 августа 1940 г. Ближайшие сподвижники С. И. Трофимова по РКО были также арестованы – Б. В. Евланов 21 августа 1940 г. (впоследствии дело Б. В. Евланова было выделено в отдельное производство), А. М. Максимов – 2 ноября 1940 года⁴⁰ и Б. М. Беклешев – арестован 18 сентября 1940 г.⁴¹

«Претензий» к С. И. Трофимову со стороны органов НКВД могло быть много. Это была и служба в Белой армии (уже этого одного было достаточно для ареста), и участие в латвийской политике (депутат Сейма), и работа чиновником в период диктатуры. Но эти моменты биографии С. И. Трофимова для энкаведистов не представляли особого интереса. Главным пунктом обвинения были его связи с *Трудовой крестьянской партией* и ее лидером С. С. Масловым. Поэтому уже 15 августа С. И. Трофимов должен был написать собственноручные показания о связях *Русского крестьянского объединения с Трудовой крестьянской партией* (приводятся с некоторыми сокращениями)⁴²:

«Летом 1927 года среди русских кооперативных деятелей возник вопрос о созыве в Яунлатгале (б.Пыталово) съезда

Уголовное дело С. И. Трофимова.
Август 1940 года

представителей русских кооперативных организаций. На съезде присутствовало около 30 представителей организаций. Вместе с Евлановым приехал на съезд С. С. Маслов в качестве гостя. <> Продолжался съезд один день. После закрытия Евланов и Маслов поехали ночевать ко мне в усадьбу Емилово. На следующий день на прогулке Маслов спросил меня, думаю ли я ограничиться только работой в кооперативных организациях и не собираюсь ли заняться политической деятельностью. Я ответил, что намерен заняться политической работой в смысле защиты на территории Латвии национально-культурных и экономических интересов русского населения, преимущественно крестьянства <>. Маслов сообщил мне, что в зарубежье <> имеется крестьянская организация «Крестьянская Россия» и рассказал мне основы этой организации, которые <> совпадали с моими предположениями:

1. Создание и укрепление индивидуального хуторского среднего хозяйства, в котором сам хозяин и его семья являются и рабочими.
2. Поднятие культурного уровня самого хозяйства и одновременно и не в меньшей мере и человека, для поднятия общего уровня русского населения в Латвии.

Маслов обещал присылать мне соответствующую литературу партии «Крестьянская Россия» и при этом просил, чтобы специально агитационную часть этой литературы по возможности пересылать через границу, в Советскую Россию. На это я ответил, что связи у меня с Советской Россией нет, но случайно может появиться возможность перебросить литературу через границу. В этот же день Маслов и Евланов уехали. Месяца через два я получил небольшой пакет литературы от Маслова и так периодически получал ее раз-два раза в год. Пересылал через границу раз два-три только до 1 апреля 1928 года, после же, когда был избран членом уездной управы, от этой деятельности отказался. Когда прибывала литература от Маслова, после 1-го апреля 1928 г., раздавал ее однопартийцам, местным крестьянам. Возможно, что и от них она могла попасть через границу. Сам литературу до 1-го апреля 1928 г. два-три раза пересылал через одного «зеленого» крестьянина Василия Андреева, который скоро исчез из нашего округа, возможно, что вернулся в советскую Россию.

В 1931 или 1932 г. в Латвию приехал из Праги г. Бутенко Василий Федосеевич⁴³. Побывал у меня и спросил не могу ли я способствовать переброске людей через границу в Советскую Россию и что его ко мне послал Маслов и что он тоже член «Крестьянской России», тогда уже ТКП. В разговоре с Бутенко я уже увидел другое направление в организации ТКП, способность на террор, согласие на пораженчество. Я категорически отклонил свое содействие переброске людей через границу <>. Моя идеология не признавала ни террор, ни интервенцию. Это я сказал Бутенко, и через несколько месяцев в 1932 г., когда Маслов приехал в Ригу, твердо повторил это Маслову. После этого иногда, но реже я получал газету «Знамя крестьянской России», и в мае 1934 года всякие сношения с Масловым и его партией прекратил.

Лично у меня с Масловым и ТКП никакой переписки не было. Предполагаю, что такая переписка была у Евланова. В 1932 году летом, после меньшинственного конгресса в Вене, я поехал в Прагу и зашел на Краковскую улицу, где в это время шло заседание ТКП, на которое я имел приглашение. Я пришел на съезд вечером. Это был предпоследний день съезда. Заканчивал свой доклад Грачев, приехавший в Прагу с Дальнего Востока, куда он попал, бежав из Восточной Сибири, после восстания. На следующий день были выборы в ЦК и Совет ТКП. Я, как гость, в этом не участвовал и пришел после выборов, когда заключительное слово говорил Маслов. Он призывал членов съезда к активной работе, к подготовке в эмиграции кадров для активной работы и готовности на террор и призывал это делать в приграничных с Советской Россией государствах. Мне запомнились на съезде: Маслов, Аргунов⁴⁴, Бем⁴⁵, Татаринов⁴⁶, Бутенко, Назимов⁴⁷.

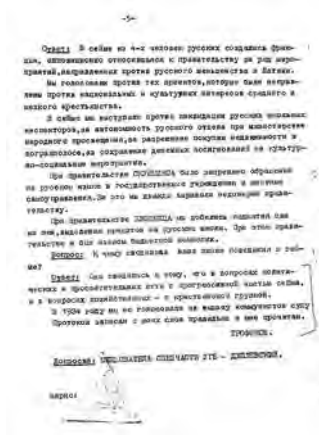
В 1938 году Евланов сообщил мне, что ТКП из Праги просит организовать из Латвии пересылку прокламаций путем маленьких воздушных шаров, наполненных водородом. Я это предложение отклонил также.

Актив «Русского крестьянского объединения» в Латвии:

председатель ЦК – Сергей Иванович Трофимов,

члены:

- Борис Викторович Евланов – Рига, Маргаритенская,
- Борис Николаевич Беклешев – м. Гавры, Абренского уезда
- Георгий Васильевич Арбузов – хутор Плущи Абренского уезда <>
- Николай Федорович Куколкин – хутор «Красный лук», Гавровской вол. Абренского уезда
- Сергей Дмитриевич Дмитриев – хутор Шкильбаны Абренского уезда
- Арсений Антонович Скрипка – хутор Донги Люцинского уезда Истринской вол.

Уголовное дело С. И. Трофимова.
Август 1940 года

Секретарь ЦК

Иван Иванович Пожанов – Абренская русская школа.

Активные работники РКО:

- Владимир Яковлевич Завьялов – х. Плехтереве Гавровской волости.
- Гавриил Яковлевич Завьялов – х. Каменка Гавровской вол.
- Петр Дмитриевич Федоров – с. Вышгородка.
- Федор Петрович Пеперев – хут. Харино Вышгородской вол.
- Михаил Васильевич Симонов – хут. Овиниши Меновской волости.
- Михаил Каллистратович Синицкий – хут. Овиниши Меновской вол
- Сергей Макарович Венский – хут. Бубнево Гора Меновской волости.
- Илья Князев – хут. Сорокино Качановской волости.
- Федор Пирожонок – хутор Кириллы Истринской волости Люцинского уезда.»

Подпись – ТРОФИМОВ
15 августа 1940 года»⁴⁸.

Показательно, что на допросах С. И. Трофимов указывал, что о связях с ТКП были осведомлены только он и Борис Евланов, в то время как другие члены ЦК РКО об этом информированы не были⁴⁹.

Следователи упорно добивались от С. И. Трофимова признания в том, что он содействовал переброске активистов ТКП на территорию СССР. Этому посвящен протокол допроса от 14 октября 1940 г., продолжавшегося более 6 часов⁵⁰.

«Вопрос: Следствие настаивает, чтобы вы дали правдивые показания о переброске людей в Советский Союз?»

Ответ: Я никогда не делал ни одной переброски.

Вопрос: А ваши переговоры с Масловым в 1927 году по вопросу переброски людей, чем закончились?

Ответ: Да, я дал Маслову согласие оказывать содействие в переброске людей в СССР.

Вопрос: Почему же вы не выполнили своего обещания перед Масловым?

Ответ: Ко мне Маслов для этой цели не присылал ни одного человека.

Вопрос: Как же понять, что Маслов, приехавший к вам в усадьбу специально по этому вопросу, отказался от такой прекрасной возможности?

Ответ: На этот вопрос я не могу ответить.

Вопрос: Журналисту Рыссу, который собирался перейти в СССР, вы оказали содействие в подборе проводника?

Ответ: Да, оказал. Хотя он границу переходить не стал.

Вопрос: Из ваших ответов вытекает, что вы встали на путь активной борьбы с Советским Союзом через засылку туда враждебно-настроенных людей, дали свое согласие Маслову на оказание ему помощи в этом деле. Настаиваю, чтобы вы дали правдивые показания о переброшенных вами людях в СССР?

Ответ: В СССР я не перебросил ни одного человека.

Вопрос: В 1930 году в Париже была издана Андреем Седых книга «Там, где была Россия»⁵¹, вы оказали активное содействие

автору в предоставлении возможности собрать материал на границе. Просим дать показания о характере знакомства и встрече?

Ответ: В августе 1929 года я, наряду со своей работой в Абрэнской уездной управе сотрудничал в газете «Сегодня». Из этой редакции мне позвонили, чтобы я встретил некоего Цвибика (неточность – Цвибака. – Примеч. Т. Ф.) Якова Моисеевича⁵², который приехал из Парижа как сотрудник французских и русских газет. Ему от министерства внутренних дел было дано разрешение на посещение границы. Капитану Янсону было поручено сопровождать его. Об этом же просила меня и редакция «Сегодня». Этот объезд по границе состоялся и по итогам была издана книга Цвибика под псевдонимом «Андрей Седых».

Вопрос: В этой книге фигурирует ряд лиц, с которыми встречался Цвибик во время поездки с вами по границе. Расскажите подробно об этих людях?

Ответ: В книге фигурирует Федор Иванович, это Нивский Ф. И. хуторянин хутора «Нивки» Аугшпилльской волости, очень богатый человек. Источник обогащения Нивского в книге указан довольно правильно – в голодные годы он много для себя приобрел.

Здоровенный мужик, который подошел к нам в чайной к столику – спекулянт на границе Цибуков Дмитрий или Михаил. Это все, что я могу рассказать по всему вопросу.

Протокол записан с моих слов правильно и мне прочитан.

Трофимов

Допросил: Следователь следчасти НКВД АССР лейтенант государственной безопасности И. Дурлевский.

13 мая 1941 года на закрытом заседании Военного Трибунала Прибалтийского особого

военного округа было рассмотрено дело в отношении С. И. Трофимова, Б. Н. Белешева, А. М. Максимова и П. И. Гейданса. С. И. Трофимов признал свою связь с С. С. Масловым и ТКП, а также то, что несколько раз способствовал переброске печатных изданий в СССР: «В 1937 году Маслов в Латвию приезжал, но я с ним не встречался. В партии эсеров я никогда не состоял.

С 1935 года ни против Советского Союза, ни против коммунистов я никакой работы

не вел, так как от политической деятельности к этому времени отошел»⁵³.

Приговор Военного трибунала был следующим: С. И. Трофимов и Б. Н. Беклешев были приговорены к расстрелу, а А. М. Максимов был приговорен к 10 годам лишения свободы в Исправительно-трудовом лагере с последующим поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества⁵

22 июня 1941 г. оказалось последним днем в полной разочарований жизни Сергея Ивановича Трофимова.

Примечания

- 1 ЛГИА, ф.7432, оп.3, д.104, л. 236 об.
- 2 ЛГА, ф.1986, оп.1, д.34798, т.2, лл.12-13, 87-89.
- 3 См.: Otrā tautas skaitīšana Latvijā 1925.gadā 10. februārī. M. Skujenieka teksts un redācija. – Rīga: Valsts Statistiskā pārvalde, 1925, 84.-85.lpp.
- 4 См.: M. Skujenieks. Latvijas statistikas atlās, 19.lapā.
- 5 Бор.Оречкин. Что дали русские съезды в Режиче? – Сегодня, 1928, 7 августа.
- 6 Трофимов Владимир Кириллович (1872-1944). Родом из Вышгородской (Юнпиласской волости). Окончил Псковскую классическую гимназию, затем – Медицинский факультет Юрьевского (Тартуского) университета. В 1909 г. защитил докторскую диссертацию. Преподавал на Медицинском факультете лув. В 1944 г. арестован органами НКВД за участие в работе «Русского комитета» Абренского уезда. Умер в заключении. – ЛГА, ф.1986, оп.2, д. П-2732.
- 7 ЛГИА, ф.3724, оп.1, д.10340, л.68.
- 8 Энгельгардт Борис Александрович (1877-1962). Полковник царской армии. Бывший депутат Российской Государственной думы, камер-паж, комендант Петрограда во время Февральской революции, участник белого движения. Находясь в эмиграции, стал заниматься литературной деятельностью, главным образом мемуаристикой. В середине 1920-х годов поселился в Латвии. В 1940 г. репрессирован советской властью. Во время ссылки работал зоотехником на Ташкентском ипподроме. В 1943 г. обратился с письмом к Сталину с просьбой отправить его на фронт. В 1946 г. вернулся в Ригу. – См.: Ю. Абызов. Белая Россия – Борис Александрович Энгельгардт; Т.Ридзинь. ба. Энгельгардт; Борис Энгельгардт. Воспоминания камер-пажа «Atminiet

- savu piņmo skolu». – Балтийский архив, т. 2. – Таллинн (год издания не указан), стр. 197 – 268; Б.Энгельгарт. Воспоминания камер-пажа (окончание). – Балтийский архив. Т.3. – Таллинн, 1997, стр. 143 – 256; Борис Энгельгардт. Мемуары; Ю. Абызов. О жизни Б. А. Энгельгардта в Латвии. – Балтийский архив. – Т.7. – Рига: Даугава, 2004, стр. 7-396.
- 9 Евланов Борис Викторович (1890-1943). Родился в Риге в семье учителей. С золотой медалью окончил Александровскую гимназию. Выпускник Юридического факультета Петербургского университета. Во время Первой мировой войны работал во Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым воинам. Во время Гражданской войны не смог принять ни одну из противоборствующих сторон. Тем не менее вместе с остатками армии Врангеля покинул Россию. В 1923 году вернулся в Латвию и занялся кооперацией. Увлекался идеями «Крестьянской России», а позднее «Трудовой крестьянской партии». Принимал активное участие в создании *Русского крестьянского объединения* в Латвии, в основу идеологии которого легли идеи «Крестьянской России». Но попасть в Сейм ему не удалось. В 1932-1934 годах был гласным (депутатом) Рижской думы. В отличие от С. И. Трофимова, не принял авторитарный режим, но поспешил приветствовать советскую власть. Тем не менее, был арестован по обвинению в связях с ТКП и приговорен к 8 годам лагерей. Умер в заключении. – См. Борис Евланов и его собственноручные показания. – Публикация Т. Фейгмане. – Балтийский архив, т.5. – Рига: Даугава, 1999, стр.6-72.
- 10 ЛГИА, ф.3724, оп.1, д. 10340, л. 77.

- 11 См.: Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanu rezultāti 1928.gadā. – Rīga: Valsts Statistiskā pārvalde, 1929., 18.-19.lpp.
- 12 Шполянский Леонтий Васильевич (1886-1963). Родился в Киеве в купеческой семье Учился в Киевском Политехническом институте, но не окончил его. В 1905 г. приобрел хутор недалеко от Прейли, что дало ему возможность в 1922 году поселиться в Латвии и получить латвийское подданство. В 1925 году создал Блок волостных и общественных организаций, по списку которого избирался депутатом 2-4 Сейма. Сведения о его деятельности после 1934 года скудные. Умер в Риге.
- Корнильев Иван Васильевич (1901-1978). Родом из Вышгородской волости (земляк С. И. Трофимова) из крестьянской семьи. Окончил реальное училище в г. Остров. В 1919 г. поступил на Юридический факультет Петроградского университета, но в том же году вынужден был прервать учебу. Работал в Вышгородской и Гавровской волостных управах. В 1928 г. был избран членом Яунлатгальской волостной управы. В том же году стал депутатом Сейма. Вторично избран в Сейм в 1931 г. После 15 мая 1934 г. недолгое время работал в мвд чиновником по особым поручениям. В 1941 г. И. В. Корнильев был привлечен к сотрудничеству с органами НКВД. В 1950 году арестован в связи с отказом выполнять поручения МГБ. Приговорен к 10 годам лагерей. Освобожден в 1956 г. Умер в Риге. – ЛГА, ф.1986, оп.2, д. П- 5256.
- 13 Маслов Сергей Семенович (1887- по одним сведениям был схвачен СМЕРШ и расстрелян в 1945 г., по другим – после отбывтия заключения вернулся в Чехословакию, где умер в 1965 г.). С 1906 г. состоял в партии эсеров, несколько раз был арестован. С 1921 г. в эмиграции в Праге. Основатель *Крестьянской России*, а позднее *Трудовой крестьянской партии*. В 1929-1930 гг. якобы тайно посещал СССР. Его имя упоминалось на процессе «Промпартии» (1930) и «Союзного бюро меньшевиков» (1931). В годы Второй мировой войны выступал на стороне СССР.
- 14 В 1920 г. в Москве из числа бывших правых эсеров и кадетов возникла группа – *Крестьянская Россия*. Но уже в 1921 г. центром ее деятельности стала Прага, где обосновались ее лидеры в лице С. С. Маслова, А. А. Аргунова, А. Л. Бема и др. В политическом спектре русской эмиграции *крестороссы* тяготели к центру. Признавая республиканскую форму правления, члены этой группы полагали, что ведущая роль в обществе должна принадлежать крестьянству. Поначалу идеи *крестороссов* встретили сочувствие не только среди части русской эмиграции, но и в лимитрофных государствах. В частности, на их идеологической основе в 1928 г. в Латвии возникло *Русское крестьянское объединение* во главе с С. И. Трофимовым. В 1927 году *Крестьянская Россия* была преобразована в *Трудовую крестьянскую партию*. Однако уже в начале 1930-х годов в партии начался кризис из-за выявившейся несостоятельности идейных установок и внутренних разногласий. В 1939 г., в канун гитлеровской оккупации Чехословакии, партия объявила о своем самороспуске.
- 15 На крестьянском съезде. – Сегодня, 1930, 19 февраля.
- 16 На съезде Русского крестьянского объединения. – Сегодня в Латгалии, 1931, 28 января.
- 17 На съезде Русского крестьянского объединения. – Сегодня в Латгалии, 1931, 10 августа.
- 18 Архиепископ Иоанн (Поммер, 1876-1934). Родился в крестьянской семье православных латышей в Праулиенской волости (Мадонский уезд). Окончил Рижскую Духовную семинарию, а в 1904 г. – Духовную академию в Киеве. Служил в разных городах России. В 1918 г. был назначен архиепископом в Пензу, где был арестован большевиками. В 1920 г. освобожден. В 1921 г. вернулся на родину и возглавил Латвийскую Православную Церковь. Являлся депутатом 2-4-го Сеймов. Злодейски убит неизвестными 12 октября 1934 г. 24 сентября 2001 года Собор ЛПЦ канонизировал архиепископа Иоанна, причислив его к лику святых священномучеников.
- 19 Каллистратов Мелетий Архипович (1896-1941). Родом из Двинска (Даугавпилса), старообрядец. Окончил Илукстскую учительскую семинарию. Участник Первой мировой войны. В Гражданской войне участвовал на стороне белых – в отряде князя А. П. Ливена и Северо-западной армии Н. Н. Юденича. С 1918 г. член Даугавпилсской городской думы. Единственный из русских был депутатом всех четырех Сеймов. После установления диктатуры К. Уманиса 9 месяцев провел в заключении. Снова был арестован после советской аннексии Латвии. Обвинялся, главным образом, за совершенные им якобы военные преступления в годы Гражданской войны, а также в том, что будучи депутатом Сейма «обманывал трудовой народ Латвии». Несмотря на давление, Каллистратов не признал себя виновным по инкриминируемым ему обвинениям. – ЛГА, ф.1986, оп.1, наблюдательное дело 44973, лл.6-7.

- Расстрелян 23 июня 1941 г. (без приговора) во дворе Даугавпилсской тюрьмы.
- 20 Павловский Тимофей Ефимович (1890-1964). Родился в Варкавской волости в зажиточной крестьянской, старообрядческой семье. С 1922 г. бессменный председатель Варкавского волостного правления. Депутат 4-го Сейма. В 1944 г. покинул Латвию. Впоследствии обосновался в Австралии, где и умер.
- 21 Русское население не дает повода к обвинению в нежелательности. – Сегодня, 1933, 28 мая.
- 22 Жалобы на новый антиминошинственный курс в Латвии. – Сегодня, 1932, 5 июля.
- 23 Сейм отклонил предложения о закрытии фашистских организаций. – Сегодня, 1933, 24 августа.
- 24 Большинство Сейма за передачу проекта изменений Конституции в комиссии. – Сегодня, 1933, 25 октября.
- 25 Оказывают ли правые круги давление на Кабинет А. Блодниака. – Сегодня, 1933, 10 сентября.
- 26 См.: LR IV Saeimas stenogrammas. V sesija 1.sēde 1933.gada 31. Janvārī, 42.sl.
- 27 Большинство Сейма за передачу проекта изменений Конституции в комиссии. – Сегодня, 1933, 25 октября.
- 28 См.: LR IV Saeimas stenogrammas. V sesija 1.sēdē 31. janvārī, 42.sl.
- 29 Евланов Б. Крестьянский фронт. – Голос народа. Вестник русской крестьянской фракции Сейма, 1933, июль, №1.
- 30 Евланов Б. Крестьянский фронт. – Голос народа. Вестник русской крестьянской фракции Сейма, 1933, июль, №1.
- 31 Трофимов С. На ком вина? – Голос народа, 1934, 8 апреля.
- 32 Речь архиепископа Иоанна об отношениях национального большинства и меньшинств. – Сегодня, 1929, 10 декабря.
- 33 Угрожает ли Латвии русская опасность? – Там же, 1930, 24 января.
- 34 Гроссен Г. Жизнь в Риге. – Даугава, 1994, № 1-4.
- 35 Равдин Б. Государственное финансирование русской печати межвоенной Латвии. – Русские Прибалтики. Механизм культурной интеграции (до 1940 г.), стр.211-214.
- 36 С. Трофимов. Наши задачи. – Голос народа, 1934, 10 июня.
- 37 ЛГА, ф.1986, оп.1, д.34798 (2), л.90.
- 38 С. И. Трофимов референт по русским школам. – Голос народа, 1934, 29 июля.
- 39 Гейданс Петр Янович (1891-1941). Специалист в области кооперации. Работал инспектором в Банке Латвии. Арестован по обвинению в том, что якобы состоял в партии эсеров, был связан с ТКП и руководителями РКО в Латвии. На заседании Военного трибунала 13 мая 1941 г. выдвинутые в его адрес обвинения не признал. Дело было направлено на дополнительное следствие. Умер в заключении 26.09.1941 г.
- 40 Максимов Алексей Максимович (1884 -?) – крестьянин-хуторянин, член ЦК РКО с 1928 по 1934 год. На момент ареста работал чернорабочим на Кегумской гидроэлектростанции.
- 41 Беклешев Борис Николаевич (1897-1941) Отпрыск известного дворянского рода. До революции окончил кадетский корпус. Был председателем Качановской волостной управы Яунлатгальского уезда и членом ЦК РКО с 1928 по 1934 год.
- 42 ЛГА, ф.1986, оп.1, д.34798 (2), лл. 87-90.
- 43 Бутенко Василий Федосеевич (1894-1976). Участник Первой мировой и Гражданской войн, 1-го Кубанского похода. В 1920 г. эвакуировался в Югославию. Окончил Загребский коммерческий институт. Переехал в Прагу, где стал членом ЦК партии «Крестьянская Россия». В 1948 г. поселился в США, где пытался возродить Русскую крестьянскую партию. Долгие годы сотрудничал с газетой «Новое русское слово».
- 44 Аргунов Андрей Александрович (1866-1939). Дворянин. Родом из Сибири. Исключен из Московского университета за участие в студенческих волнениях. Один из основателей партии эсеров. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царских властей. В начале 1920-х годов эмигрировал в Чехословакию, где стал одним из лидеров «Крестьянской России». Сотрудничал с эмигрантской газетой «Руль», издававшейся в Берлине. Умер в Праге.
- 45 Бем Альфред Людвигович (1886 – 1945?). Филолог и литературовед. Окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета. Работал в Рукописном отделе Российской Академии наук (Петербург). В 1920 г. эмигрировал в Чехословакию, где успешно продолжал научную и педагогическую деятельность. Преподавал в Карловом университете. Основное внимание уделял изучению творчества Ф. М. Достоевского. В 1945 г. был арестован советскими карательными органами и, по всей видимости, в том же году погиб в ГУЛАГе.
- 46 Татаринов Владимир Евгеньевич (1892-1961). До революции член партии кадетов. Участник Первой мировой войны и Белого движения. С конца 1920 г. в эмиграции, сначала в Константинополе, затем – в Берлине. Являлся постоянным

- сотрудником редакции газеты «Руль». Печатался в других изданиях, в частности, в журнале «Крестьянская Россия». В начале 1930-х годов переселился в Париж. После Второй мировой войны примкнул к движению советских патриотов.
- 47 Вероятно, имеется в виду Назимов Георгий Владимирович, проживавший в довоенной Эстонии в Печорах. Работал учителем естествознания в Печорской гимназии. В 1925 г. отправился в Прагу для завершения образования. В 1932 г. защитил диплом в Русском институте сельскохозяйственных знаний. В 1930 г. вступил в ТКП. По возвращении в Эстонию отошел от партии. Арестован в июле 1940 г. и приговорен к 10 годам лагерей. Предположительно умер в 1942 году.
- 48 Ср.: АГИА, ф. 3724, оп.1, д.10340, л.77. Сведения Резекненского отделения мвд Латвии (1931 год) в значительной степени совпадают с данными собственноручных показаний С. И. Трофимова. Настораживает, что собственноручные показания отпечатаны на машинке и без подписи С. И. Трофимова. Наименования ряда местностей искажены. Удивляет, как мог С. И. Трофимов в перечне активистов РКО пропустить такую заметную фигуру как Б. А. Энгельгардта.
- 49 АГА, ф.1986, оп.1, д.34798(2), л.132.
- 50 АГА, ф.1986, оп.1, д.34798(2), лл. 136-138.
- 51 Повесть Андрея Седых «Там, где была Россия» см. журнал «Даугава», №8, 1990 год.
- 52 Андрей Седых (псевдоним Якова Моисеевича Цвибака) (1902, Феодосия – 1994, Нью-Йорк). В 1920 году эмигрировал через Константинополь в Париж, где стал постоянным сотрудником газеты «Последние новости», а также корреспондентом других русских эмигрантских газет, в том числе – рижской «Сегодня». Предисловие к его книге «Париж ночью» (1928) написал А. Куприн. А. Седых выполнял обязанности секретаря Бунина в период присуждения и вручения писателю Нобелевской премии. Впоследствии бежал от гитлеровцев в Америку, где стал редактором газеты «Новое русское слово». Издал почти два десятка сборников своих рассказов и очерков.
- 53 АГА, ф.1986, оп.1, д.34798(2), л.409.
- 54 Там же, л.428.

Александр Гаврилин

«Неизвестные» латвийские священники: протопресвитер Николай Перехвальский

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тим. 4:7)

Род Перехвальских идет из Рязанской губернии (ныне – Липецкая область Российской Федерации). Первыми носителями этой фамилии стали сыновья диакона Христорожественской церкви села Перехваль Данковского уезда Рязанской епархии о. Василия Филиппова (1776-1814) и его матушки Марии Ивановой – Михаил, Иван (Иоанн), Николай и Тимофей, которые получили фамилию «Перехвальские» во время своей учебы в Рязанском Духовном училище. Известно, что Христорожественская церковь в селе Перехваль впервые в переписных книгах упоминается в 1628-1629 годах.

Дед диакона Василия Филиппова – Хрисанф Иванов (1716- около 1772) служил дьячком в церкви с. Бигильдино (Сурки) Данковского уезда. Он передал это место своему сыну Филиппу Хрисанфову, старший сын которого от первого брака – Василий

Филиппов вначале служил пономарем в церкви с. Баловнево, с 1800 года – диаконом церкви с. Перехваль. Четыре сына о. Василия и стали родоначальниками династии священно- и церковнослужителей, носящих фамилию «Перехвальские».

У третьего сына о. Василия Филиппова – Николая Перехвальского был сын Андрей. А. Н. Перехвальский (1847-1904) после окончания в 1871 году Рязанской Духовной семинарии служил в 1871-1873 годах учителем и законоучителем в Одоевском земском училище Данковского уезда. 12 августа 1873 года Андрей Николаевич Перехвальский был рукоположен во священника церкви с. Ермолowo Скопинского уезда, где он унаследовал место своего тестя – священника Ивана (Иоанна) Георгиевича Тихвинского. С 1876 года о. Андрей служил также преподавателем Закона Божия в школе с. Ермолowo, с 1878 года был настоятелем

Христорожественской церкви с. Круглое Данковского уезда, законоучителем в школе с. Круглое.

Священник Андрей Перехвальский неоднократно избирался депутатом Епархиальных училищных съездов духовенства, в 1886-1890 годах был помощником благочинного, с 1889 года – окружным наблюдателем церковно-приходских школ, с 1896 года – уездным наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты. Имел почти все церковные награды, в 1900 году Св. Синодом был награжден наперсным крестом.

Священник Андрей Перехвальский был женат на Екатерине Ивановне, урожденной Тихвинской (1855-193?). В их семье было трое детей: сын Николай (род. в 1874 г.) и две дочери – Александра (род. в 1879 г.) и Мария (род. в 1882 г.). Александра окончила Рязанское женское епархиальное училище и с 1901 года работала учительницей церковно-приходской школы с. Круглое. Мария также окончила Рязанское женское епархиальное училище. Известно, что накануне Первой мировой войны она проживала в г. Тюмени, где работала зубным врачом¹.

Вполне естественно, что единственный сын о. Андрея, названный Николаем в память о своем деде – священнике, мог избрать только одну стезю – пойти по стопам отца и своих предков. Именно поэтому Николай Перехвальский, так же, как его отец и большинство предков по мужской линии, поступил в Рязанскую Духовную семинарию. Видимо, отец надеялся, что сын, закончив семинарию, продолжит традицию рода и со временем наследует приход, настоятелем которого был о. Андрей Перехвальский. Однако Господь распорядился иначе. Уже в семинарии проявились такие качества Н. А. Перехвальского, как глубокий интерес к знаниям, усердие и терпение в их постижении. В 1894 году Николай Перехвальский закончил Рязанскую Духовную семинарию

в числе лучших выпускников, что давало ему право поступления в Духовную Академию. В результате, после окончания семинарии, вместо того, чтобы начать службу в духовном ведомстве, Н. А. Перехвальский поступил в один из лучших духовных вузов России – в Казанскую Духовную Академию, которую закончил в 1898 году со степенью кандидата богословия². Следует отметить, что в 1894 – 1900 гг. ректором Академии был знаменитый богослов, архимандрит (с 1897 года – епископ Чебоксарский) Антоний (Храповицкий, 1863-1936, митрополит, первый председатель Архиерейского Синода РПЦЗ).

Уже во время учебы в Академии Н. А. Перехвальский отличался своим образом жизни, который впоследствии удивлял, а иногда и раздражал окружающих. Во-первых, он всегда строго соблюдал посты и по окончании поста также старался не есть скоромное, придерживался принципа раздельного питания. Во-вторых, он жил по четко разработанному распорядку дня: в одно и то же время он просыпался, молился, занимался утренней гимнастикой, потом умывался и т.д. И ничего – ни непогода, ни какие-то служебные или житейские обстоятельства не могли нарушить его распорядок дня. В результате, все окружающие знали, что в определенное время дня нельзя было тревожить Перехвальского, так как в это время он обедал, затем его нельзя было тревожить, так как у него наступал послеобеденный отдых и т.п. Разумеется, это не всегда нравилось окружающим, однако позволяло Перехвальскому постоянно быть в хорошей физической форме и сохранять ясность ума. Уже в Академии он был на редкость собранным и дисциплинированным человеком, для которого совершенно неприемлемы были опоздания или пропуски занятий.

Во время учебы преподаватели высоко оценивали педагогические способности

Перехвальского, поэтому после окончания Академии он решил посвятить себя учительской работе. 18 августа 1898 года его прошение было удовлетворено епископом Смоленским и Дорогобужским Никанором (Каменским) и Н. А. Перехвальский был назначен надзирателем-репетитором Вяземского Духовного училища. Необходимо отметить, что такое назначение делало честь выпускнику Академии. Вяземское училище считалось одним из лучших духовных училищ Российской империи. В свое время его закончили: преподобный Макарий (Глухарев Михаил Яковлевич, 1792-1847), миссионер Алтайский; известный богослов и церковный историк И. В. Попов (1867-1938, в 2003 году причислен к лику святых РПЦ); ученый-почвовед В. В. Докучаев (1846-1903); архиепископ Харьковский и Ахтырский (в 1887-1897 гг. – архиепископ Рижский и Митавский) Арсений (Брянцев, 1839-1914); протоиерей Николай Заболотский (1876-1937, в 2004 году причислен к лику святых Новомучеников Российских) и др.

В Вязьме Перехвальский прожил всего год. 16 августа 1899 года он был назначен помощником инспектора Архангельской Духовной семинарии³. Эту должность он исполнял лишь до 20 октября 1899 года, когда был назначен штатным преподавателем Закона Божия Рижской городской гимназии с учебной нагрузкой 18 часов в неделю.

Интересно отметить, что за три дня до нового назначения Н. А. Перехвальский обвенчался с Ираидой Михайловной Сушковой (род. 23 августа 1879 г.). Невеста была из старинного дворянского рода, училась вместе с сестрой жениха – Александрой Перехвальской. Обе они в 1896 году окончили Рязанское женское епархиальное училище. Впоследствии в семье Николая и Ираиды Перехвальских появились два сына – Александр (род. 12 января 1901 года) и Андрей (род. 27 августа 1907 года), а также дочь Ираида (род. 26 марта 1917 года)⁴.

Осенью 1899 года произошло еще одно знаменательное событие в жизни Н. А. Перехвальского. 1 ноября епископ Рижский и Митавский Агафангел (Преображенский, 1854-1928, в 2000 г. прославлен как священноисповедник) рукоположил его в священники церкви Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радости» при Мариинском приюте. Понятно, что за 10 дней пребывания Перехвальского в Риге архиерей не мог принять такого решения. Скорее всего, этому событию предшествовала длительная переписка между кандидатом в священство и Рижской Духовной консисторией, положительный ответ которой и повлиял на решение Н. А. Перехвальского перевестись на службу в Ригу.

Кроме работы в Рижской городской гимназии, с 1 ноября 1899 года о. Николай начал преподавать Закон Божий в Рижской русской основной школе (8 часов в неделю) и в Рижской Николаевской гимназии (6 часов в неделю). Таким образом, только учебная нагрузка Перехвальского в 1899/1900 учебном году составляла 30 часов в неделю. Помимо богословия, о. Николай знал древнегреческий, латинский, церковнославянский, древнееврейский, французский, немецкий языки, со временем освоил и латышский язык, был начитанным и широко эрудированным человеком, поэтому при желании и необходимости всегда мог давать и частные уроки. Ученики уважали о. Николая, как «глубоко знающего и высокообразованного» преподавателя, уроки которого «давали духовное образование и помогали формированию личности», «расширяли кругозор и давали возможность понять духовные ценности различных народов», «предостерегали нас от отрицания того, в чем мы мало сведущи»⁵.

Перехвальский никогда не испытывал сложности с учебной нагрузкой, наоборот, всегда предложения на работу в школе превышали его физические возможности. 16

августа 1903 года о. Николай стал штатным вероучителем Рижской Николаевской гимназии (20 часов в неделю), сократив свою нагрузку в Рижской городской гимназии до 12 часов в неделю. С 1 ноября 1904 года о. Николай перешел на полную ставку штатного преподавателя Закона Божия Рижского реального училища⁶.

Следует отметить, что архиепископ Агафангел всегда с уважением относился к труду учителя, особенно выделяя значение уроков Закона Божия в формировании личности человека. Он призывал духовенство «усердно работать в школе, сея в детских сердцах семена православной веры и благочестия... обращать особенное внимание на Закон Божий... поставить в школе на добавочную высоту и церковное пение, так как оно одно из сильнейших средств воспитательного воздействия в православном направлении. Рекомендовалось пастырям стать в близкие отношения к семье и заботиться об устройстве домашней обстановки учащихся и вообще семьи в церковном духе. Также рекомендовалось пастырям вести в семейной обстановке религиозные беседы... пользоваться проповедью в самых широких размерах»⁷.

Еще одной сферой внимания рижского епархиального руководства была организация и проведение внебогослужебных бесед в Рижском кафедральном Христорождественском соборе, к которым был привлечен и о. Николай Перехвальский. Его беседы вызвали интерес среди слушателей, поэтому 10 сентября 1902 года о. Николаю Перехвальскому была объявлена «архипастырская благодарность»⁸. В 1903 году при кафедре Рижского архиерея «с целью распространения и утверждения в православном населении г. Риги истинных понятий о православной вере и христианском благочестии» было основано «Православное религиозно-просветительное общество»⁹. В это общество вступил и о.

Николай Перехвальский. Члены общества проводили религиозно-нравственные чтения и беседы в Рижском кафедральном соборе, на фарфоро-фаянсовой фабрике Кузнецова, в чайных попечительства о народной трезвости и др., а в январе 1907 года открыли в Риге постоянно действующие богословские курсы. В 1906 году Владыка Агафангел провел собрание законоучителей средних учебных заведений Риги, на котором было решено впредь подобные собрания проводить еженедельно в течение всего учебного года.

В 1905 году о. Николай Перехвальский работал в Ревизионном комитете по проверке приходо-расходных книг шести благочинных округов Рижской епархии, в 1905-1907 годах был членом правления Рижской Духовной семинарии, в 1907 году стал сверхштатным членом Рижской Духовной консистории¹⁰. Следует отметить, что вплоть до начала Первой мировой войны о. Николай ни разу не брал отпуск.

Активность о. Николая была по достоинству оценена епархиальным руководством. 30 декабря 1900 года Перехвальский получил свою первую церковную награду – набедренник, 28 ноября 1903 года он был награжден скуфьей, в 1907 году – камилавкой, в 1911 году – наперсным крестом, а в 1914 году о. Николай был награжден орденом Св. Анны 3-ей степени¹¹.

1 ноября 1904 года о. Николай Перехвальский был назначен вторым священником одного из красивейших храмов Риги – Александро-Невской церкви. Храм был сооружен в 1820-1825 годах в стиле классицизма по «образцовому проекту», переработанному губернским архитектором Х. Ф. Брейткрейцем. В центрическом, круглом в плане здании был применен дорический ордер. При проектировании здания за основу было взято число три – символ Пресвятой Троицы. Ротонда церкви была сооружена из вертикальных

Церковь Св. благов. кн. Александра Невского в Риге. 1904 г.

деревянных брусев и покрыта куполом, круглый барабан которого опирался на шесть парных колонн. Церковь имела три закрытых ризалита – портика дорического ордера, оконные проемы фасада также были расположены по три и т.д. Интересен выбор места расположения храма. Так как он строился как памятник в честь победы российского воинства в войне 1812 года, городской квартал был спроектирован в форме символа Св. Троицы – треугольника, в вершине которого и был поставлен Александр-Невский храм.

Статная фигура священника Николая Перехвальского хорошо вписалась в интерьер Александр-Невской церкви. По воспоминаниям прихожан, он никогда не торопился, службу совершал спокойно и величаво, «обладал прекрасным голосом»¹². Это нравилось молящимся, поэтому люди с удовольствием приходили на богослужения, которые совершал о. Николай.

В 1905-1907 годах территорию Латвии захлестнули бурные революционные события. В это тревожное время Православная Церковь, стараясь примирить враждующие стороны, оказывая помощь пострадавшим

от революционных волнений, стала единственной религиозной конфессией Прибалтики, которая в событиях 1905-1907 годов пыталась руководствоваться не политическими интересами, а христианскими законами. Когда в Прибалтике свирепствовали карательные экспедиции и военно-полевые трибуналы, епархиальное руководство твердо и последовательно встало на сторону гонимых. Впоследствии благодаря личному участию архиепископа Агафангела были спасены от ареста и наказания десятки жителей прибалтийских губерний. Архиерей обратился к настоятелям церквей Рижской епархии с просьбой сделать все для защиты «невинных или раскаивающихся в своих прегрешениях», независимо от того, к какому лагерю они принадлежали: «Открыть же действительно виновных и оградить невинных от насилия и мести со стороны злонамеренных людей представляет, при всеобщем возбуждении умов, растерянности мирного населения, нарушении правового порядка жизни и управления в сельских местностях, задачу чрезвычайно трудную. Поэтому, естественно, могли быть прискорбные случаи наложения наказаний,

нередко страшно тяжелых, на людей невинных или виновных, но не настолько, чтобы быть наказанными по всей строгости законов военного времени... я поручаю вам, отцы настоятели, если по вашему искреннему убеждению, свидетельствуемому иерейскою совестью и долгом священнической присяги, кто-либо из ваших прихожан, или даже и инославных, но лично вам известных, будет невинно привлечен к ответственности по обвинению в противоправительственной деятельности и участии в бывшем революционном восстании, а также в тех случаях, когда к сей ответственности будут привлекаться лица заведомо доброго направления и вообще благонадежные, но увлеченные в эту деятельность угрозами, насилием и боязнью мести со стороны агитаторов восстания, представлять пред местными военными и гражданскими властями и смиренно просить об освобождении от ответственности первых и об облегчении участи и помиловании вторых»¹³. Священники горячо откликнулись на призыв своего архипастыря и «без шума, тихо, с терпением и христианской любовью потрудились во спасение ближних пред мирскими властями»¹⁴.

24 января 1906 года архиепископ Агафангел выступил еще с одной инициативой: «В несчастные дни бывшего революционного движения в Прибалтийском крае многие семьи православных латышей и эстов, а также и русских, лишились своих кормильцев и обнищали, немало осталось и круглых сирот. По чувству любви и христианского благоволения и по долгу пастырства, желая прийти на помощь этим несчастным чадам Богом врученной нам паствы, я признаю нужным образовать для сей цели, под своим председательством, Комитет из духовных и светских лиц. Средствами для этой помощи могли бы служить отчисления, хотя бы и небольшие, из сумм церквей и церковно-приходских попечительств и

пожертвования Братств, Благотворительных обществ и частных лиц»¹⁵. Во всех церквях епархии был объявлен сбор пожертвований в пользу «Комитета для сбора пожертвований в пользу православных семейств, пострадавших от беспорядков в Прибалтийском крае», по распоряжению архиепископа Агафангела от 20 марта 1906 года на нужды «Комитета» были выделены средства из церковно-приходских капиталов, в результате чего многим пострадавшим от революции 1905-1907 гг. была оказана материальная помощь.

Священник Николай Перехвальский был в числе депутатов первого в истории Рижской епархии Собора, который заседал с 20 сентября по 6 октября 1905 года. Собор предложил расширить функции органов приходских самоуправлений, последовательно проводить в работе этих органов принцип соборности; разрешить мирянам выбирать членов клира из числа лиц, предложенных архиереем; ежегодно созывать «благочиннические соборы»; освободить епархиальные органы печати от цензуры; избирать на Соборе редактора «Рижских Епархиальных Ведомостей». Прозвучали также предложения наделить епархиальный Собор правом избирать епископов, причем при отборе кандидата должно быть «непременным условие, чтобы, во внимание к особенностям рижской паствы, он обладал знанием местного края и местного языка, а так как в местном крае есть православные приходы эстские и латышские, то предлагалось создать и две епископии, или одну митрополию с двумя викариями епископами». Рассмотрев эти предложения, Собор их не принял, «так как каноны Церкви не имеют никаких оснований, чтобы епархиальный Собор избирал себе епископа; так как при такой постановке дела епископ явился бы не главой Церкви, а только исполнителем воли избирателей; так как исторические примеры

подобного рода составляют исключение, а не общее правило»¹⁶.

Самое активное участие принял о. Николай Перехвальский в обсуждении школьных вопросов. Собор решил переработать учебные программы православных школ применительно к местным условиям (ввести в учебные программы курсы истории Прибалтийского края, геометрии, физики, разработать новые программы латышского и эстонского языков – ввести в программы изучение грамматики, синтаксиса и орфографии этих языков, знакомство с латышской и эстонской литературой); разрешить в приходских школах во внеурочное время преподавать немецкий язык; перевести обязательное обучение в приходских школах с четырехгодичного на пятигодичный цикл; преподавание в пятигодичных приходских школах в первые три года обучения должно идти на родном языке учащегося, последние два – на русском языке, во вспомогательных трехгодичных школах преподавание должно идти исключительно на родном языке учащихся; ежегодно созывать учительские съезды; разработать новые учебники по Закону Божию и др.¹⁷

Благодаря социал-демократической пропаганде, в 1905–1907 годах все религиозные общины Прибалтики потеряли часть верующих. Атеистические идеи распространялись и среди прихожан Александро-Невской церкви г. Риги, однако и после революционных событий ее паства считалась одной из самых сплоченных религиозных общин Риги.

13 августа 1910 года Агафангел (Преображенский) был назначен архиепископом Виленским и Литовским. Но и после перевода с Рижской кафедры он продолжал интересоваться прибалтийскими делами, переписываться с духовенством Рижской епархии. Вместо него епископом Рижским и Митавским (с 6 мая 1912 года – архиепископом) стал Иоанн (Смирнов, 1844–1919).

Следует отметить, что в начале XX века население Риги резко увеличилось – с 1897 года по 1913 год оно выросло на 88% и достигло 482 тысячи человек¹⁸. Рига была многонациональным и многоконфессиональным городом. Большинство рижан исповедовало протестантизм, однако постоянно росла численность и православных рижан.

19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России, прибалтийские губернии перешли на военное положение и «ряды цветущих граждан нашего Отечества поредели, но умножилось число граждан небесных, цветущих неувядаемо»¹⁹.

Война в размеренный ритм жизни Александро-Невского храма ворвалась мобилизацией на воинскую службу прихожан, проходами их в армию и молебнами за здоровье, шумными патриотическими манифестациями, которые проходили по центральной Александровской улице города, т. е. мимо Александро-Невского храма. Первая такая манифестация прошла 23 июля, вторая – 26 июля по поводу объявления войны Австро-Венгрии. Манифестации сопровождались возгласами «Долой немцев!», «Боже, Царя храни!».

27 июля во всех православных храмах Риги, в том числе и в Александро-Невском, после совершения Божественной Литургии был прочитан Высочайший манифест о начале военных действий против Германии. 30 августа был прочитан манифест о войне с Австро-Венгрией, 26 октября – манифест о военных действиях против Турции. За каждым богослужением возносились молитвы о даровании победы российскому воинству, проводились кружечные сборы пожертвований в пользу Красного Креста, раненых, семей фронтовиков, лазаретов и госпиталей и др. Причт храма стал ежемесячно перечислять на военные нужды часть своего жалованья. Сразу после начала войны приход взял на себя заботу о семьях фронтовиков, о беженцах и эвакуированных. В свою

очередь, священники, помимо совершения богослужений в храме, стали окормлять госпитали, лазареты, соборовать раненых, отпевать умерших.

Мобилизация работоспособных мужчин в армию, частые реквизиции хлеба, лошадей, скота больно ударили по сельскому хозяйству. Война сказалась на состоянии торговли, промышленности, финансовой системы, сопровождалась разрушением транспортной системы, железнодорожных линий, дорог и мостов. Уже в начале войны германский флот блокировал Рижский залив, и торговля территории Латвии с западными странами остановилась. Замерли порты, в промышленности начался тяжелейший кризис. Упал курс рубля, прекратились финансовые операции, росла безработица, резко падал уровень жизни населения. И патриотический подъем, охвативший население Прибалтики в первые месяцы войны, в 1915 году резко пошел на спад.

В апреле 1915 года германская армия вторглась в Западную Литву и через нее – в Курляндию. Курляндскую губернию предполагалось оставить врагу разоренной и без гражданского населения, поэтому по распоряжению военного командования полмиллиона человек эвакуировалось или просто бежало от наступающей германской армии. Немцев удалось остановить только в июле 1915 года на линии Скайсткалне – Бауска – Елгава – Слока.

Уже летом 1915 года началась эвакуация промышленных предприятий и ценностей из Лифляндской губернии в глубь России. Только в 1915 году во внутренние губернии России были эвакуированы 123 предприятия со всем оборудованием, 80% из которых составляли предприятия Риги, выехало четверть миллиона рижан – рабочие и члены их семей, эвакуированы государственные учреждения и школы. Были эвакуированы промышленное сырье, транспортные средства, церковные колокола, медные крыши,

библиотеки, архивы и др. В 1916 году в Центральной России насчитывалось 800 тысяч латвийских эвакуированных и беженцев, т. е. треть всего населения Латвии²⁰. В свою очередь, Лифляндская губерния стала прифронтовой зоной, которая переполнилась солдатами почти полумиллионной 12 армией и курляндскими беженцами.

В результате наступления германской армии уже к началу сентября 1915 года была прервана связь Рижской Духовной консистории с приходами на территории Курляндской губернии. По приказу российского военного командования в июле 1915 года началась эвакуация церковного имущества, наиболее ценной утвари и ризницы, колоколов, церковных архивов и библиотек, а также Рижской Духовной семинарии и высшего духовенства. Так, были демонтированы три иконостаса Рижского кафедрального Христорождественского собора и перевезены на хранение в недостроенную Иоанновскую церковь, 12 колоколов собора были эвакуированы в Нижний Новгород, в свою очередь, иконы собора перевезли в рижскую Александро-Невскую церковь²¹.

Последняя архиерейская служба в Риге была совершена 3 июля 1915 года, сразу же после которой архиепископ Рижский и Митавский Иоанн (Смирнов) в сопровождении большой группы духовенства отбыл в Юрьев (Тарту), в эвакуацию. Ему не суждено было более вернуться в Ригу. В августе 1917 года он приехал в Москву, чтобы принять участие в работе Поместного Собора. 20 ноября 1917 года архиепископ Иоанн (Смирнов) был назначен архиепископом Рязанским и Зарайским.

Вместе с архиепископом Иоанном в эвакуацию уехал настоятель рижской Александро-Невской церкви протоиерей Василий Березский, поэтому вплоть до начала 1918 года, формально считаясь вторым священником, о. Николай Перехвальский фактически выполнял обязанности настоятеля.

В 1916 году о. Николай Перехвальский стал протоиереем.

В Юрьев (Тарту) было эвакуировано и Рижское реальное училище, вероучителем которого считался о. Николай. Он несколько раз ездил в Юрьев и проводил уроки, но чем дальше, тем сложнее это было делать. Из-за эвакуации сильно уменьшилась численность прихожан Александро-Невского храма. Несмотря на это протоиерей Николай Перехвальский по-прежнему старался ежедневно совершать богослужения, однако, разумеется, доходы причта резко сократились. До ухода в августе 1917 года из Риги российской армии была возможность эпизодически получать продукты за обслуживание воинских частей, однако с приходом германской армии и этой возможности больше не было. Священника выручали частные уроки, однако найти их было крайне сложно. Его матушка профессионально занималась пошивом детской одежды, однако получить заказы в это трудное время было практически невозможно. В январе 1917 года, когда в районе Калнциемса громыхали так называемые «Рождественские бои», о. Николай упросил свою беременную супругу уехать вместе с сыновьями к своим родителям в Ярославскую губернию. 26 марта 1917 года в Ярославле Ираида Перехвальская родила дочь, которую назвали в честь матери – Ираидой.

В начале марта 1917 года среди населения неоккупированной территории Латвии быстро распространилась весть о Февральской революции и падении самодержавия. После этого центральная власть фактически больше не контролировала ситуацию в этом регионе. Возросла роль выборных организаций, в которых все большее и большее влияние приобретали социал-демократы и их самая радикальная группировка – большевики. Они призывали

Интерьер церкви Св. благ. кн. Александра Невского в Риге. Слева от иконостаса – о. Николай Перехвальский. 1925 г.

к диктатуре пролетариата, к всеобщему миру и равенству, т.е. к тому, что казалось справедливым большинству населения. На выборах в Рижскую Думу в августе 1917 года большевики получили 49 из 120 думских мест, на состоявшихся в сентябре выборах Лифляндского (Видземского) земского Совета у большевиков было 63% голосов, на выборах в Учредительное собрание России большевики на неоккупированной территории Латвии собрали уже 72% голосов²². Лозунги большевиков о прекращении войны и заключении мира без аннексий и контрибуций приводили к братаниям русских и латышских солдат с немецкими, которые на Рижском фронте начались уже в конце марта 1917 года. В войсках резко упала дисциплина, упал авторитет офицеров, командования в целом, государственных

органов власти. Под влиянием большевистской пропаганды упал авторитет и духовенства, в обществе стал меняться нравственный климат. В свою очередь, нарастающая хозяйственная разруха скатывала регион к голоду. Дальнейшее ухудшение экономической ситуации привело к тому, что 8 мая 1917 года в Риге была введена карточная система на хлеб.

На военно-политическую ситуацию на территории Латвии существенное влияние оказали военные действия, возобновленные на Рижском фронте 19 августа (1 сентября) 1917 года. Германская армия, воспользовавшись неудачным наступлением российской армии, падением дисциплины в ее рядах, братанием на фронтах, перешла в контрнаступление, чтобы, заняв Ригу, окружить и разгромить 12 армию, и открыть себе дорогу на Петроград. Понимая, что не в силах удержать Ригу, российское командование 21 августа вывело из города свои войска, и в Ригу вступила германская армия. Только 23 августа ценой огромных потерь германские войска были остановлены в районе Сигулды.

25 августа в Ригу прибыл германский император Вильгельм II, чтобы лично принять военный парад. В Риге был введен комендантский час, строго контролировался въезд и выезд из города, любое перемещение частных лиц. Немцы продолжили разорение территории Латвии, на селе непрерывно проходили реквизиции продовольствия, стремительно сокращалось поголовье домашнего скота.

Немецкие оккупационные власти не интересовались религиозными вопросами. В условиях военного времени отношение к Церкви было чисто прагматичным: храмы – это помещения, которым можно найти практическое применение, оставшиеся церковные колокола – это сырье для металлургической промышленности и т. п. Именно поэтому в 1918 году новая

власть недееспособный после эвакуации прихожан Петропавловский собор в Риге, в котором до войны совершались службы для эстонской православной общины, передала эстонской ев.-лютеранской общине. Уже в ноябре 1917 года оккупационная власть решила превратить пустующий после эвакуации Христорождественский кафедральный собор в лютеранскую церковь германского гарнизона города. Накануне праздника Богоявления, 5 января 1918 года собор был окружен немецкими солдатами, которые не пустили верующих вовнутрь. Прихожане собора были вынуждены отправиться в Александро-Невскую церковь, где о. Николай Перехвальский освятил им воду. После этого, несмотря на все протесты прихожан кафедрального собора, он был превращен в лютеранскую церковь: были разобраны остатки иконостасов, оставшиеся иконы перенесли в Александро-Невскую церковь, отпилили на куполах соборов «лишние» концы восьмиконечных крестов.

8 августа 1917 года состоявшееся в Петрограде Рижское епархиальное предсоборное собрание единогласно избрало викарным епископом Ревельским благочинного эстонских приходов Петрограда Платона (Павел Кульбуш, 1869-1919, священномученик). 31 декабря 1917 года Платон был хиротонисан в викарного епископа Ревельского. В обстановке, когда Рижская епархия была разорвана линией фронта, когда на неоккупированной немцами территории разворачивалась Гражданская война, Синодом РПЦ было принято решение передать в руки епископа Платона управление всей Рижской епархией. Сразу же после этого Платон выехал в Ревель (Таллинн), а оттуда через Юрьев (Тарту) – в оккупированную немцами Ригу. Несмотря на военные условия, епископ попытался установить связь с приходами, довести до них решения Поместного Собора 1917-1918 гг. В ноябре 1918 года в Тарту епископ Платон заболел

гриппом-испанкой, осложненным крупозным воспалением легких. В результате епископ был вынужден остаться в городе, который захватили «красные». В ночь с 14 на 15 января 1919 года в Тарту епископ Ревельский Платон был злодейски замучен большевиками, и Рижская епархия вновь осталась без духовного главы²³.

Протоиерей Николай Перехвальский не был свидетелем событий, развернувшихся на территории Рижской епархии в 1918-1920 годах. В начале февраля 1918 года, воспользовавшись перерывом в боях, о. Николай отправился в Россию или, как он впоследствии писал в своем личном деле, «приехал как беженец в Ярославль»²⁴. Интересно отметить, что несмотря на его отсутствие, приходское собрание 8 сентября 1918 года избрало его настоятелем рижской Александро-Невской церкви

При нарастающей хозяйственной разрухи территории Латвии, при всех своих недостатках, германский оккупационный режим, в отличие от страшной жестокости большевистского правления, обеспечивал порядок, давал ощущение стабильности. Неужели о. Николай не знал, что написал Патриарх Тихон (Беллавин, 1865-1925, канонизирован РПЦ в лике святителей 9 октября 1989 г.) в своем «Новогоднем слове» по поводу наступившего 1918 года: «Страна, некогда многолюдная, стала одинока как вдова, великий между народами, князь над областями делается данником. Горько плачет он, и слезы на ланитах его, и нет у него утешителя. Враги его встали во главе, неприятели благоденствуют, и враг простер руку на самое драгоценное у него. Воззри, Господи, и посмотри, как мы унижены, и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас. Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, дрова достает за большие деньги, и наследие наше переходит к чужим. Дети просят хлеба, и никто не подаст им. Евские сладкое иставляют на

улицах и воспитанные на багрянице жмутся к навозу (Плач.2, 1-2; 1, 1-2; 5, 10-12; 4, 4-5; 5, 2-4). И это в стране, бывшей житницей целой Европы и славившейся своими богатствами»²⁵.

Неужели о. Николай не читал знаменитое «Воззвание» Патриарха Тихона от 19 января 1918 года: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной. Властью, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «Измите злаго от вас самех» (1кор.5:13)»²⁶.

Даже если тексты этих и других посланий Патриарха не были получены приходами Рижской епархии, их обязательно должен был привезти в Ригу епископ Платон (Кульбуш). Он же не мог не рассказать рижскому духовенству о страшном хаосе, в который была ввергнута большевиками Россия.

В опасную дорогу о. Николая позвала тревога за свою семью, за мать Екатерину Ивановну и сестру Александру Андреевну. Первое время после приезда в Россию о. Николай жил со своей семьей у родителей жены, а во второй половине 1918 года по просьбе митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела (Преображенского) поступил на службу в Ярославскую епархию.

6-21 июля 1918 года в Ярославле вспыхнуло восстание, организованное «Союзом защиты Родины и Свободы», которым руководил Б. В. Савинков. «Союз» активно

поддержало офицерство, среди которых были и латыши: полковник К. Гопперс, капитан Ф. Скрабе, поручики Биркс, Кронбергс и др. Руководил восстанием А. П. Перхуров (1876-1922), который получил благословение на восстание митрополита Агафангела. Целью восставших была ликвидация большевистской диктатуры, восстановление политических и экономических свобод, созыв Учредительного собрания, отмена Брестского мира, передача крестьянам в собственность земли и др.

У Красной армии был огромный численный перевес, у восставших не хватало вооружения, однако красные приняли решение не штурмовать город, а взять восставших «измором». Окружив Ярославль, большевики несколько дней подряд обстреливали город артиллерийскими снарядами и сбрасывали с аэропланов бомбы. Полностью были уничтожены целые улицы, кварталы города. В целом было разрушено 2 147 домов, в результате чего без крова остались 28 тысяч жителей, разрушены десятки храмов, Демидовский юридический лицей и др. В охваченной восстанием части города большевики уничтожили до 80% всех строений. Во время боев восставшие потеряли 600 человек убитыми.

После взятия 21 июля Ярославля большевики развернули «красный террор». Уже в первый день после окончания восстания было расстреляно 428 человек: офицеров, студентов, священников, кадетов, гимназистов и др. Общее количество «официально» расстрелянных, т. е. по приговорам трибуналов, составило 870 человек, однако большинство было расстреляно без суда и следствия. Пострадала и Ярославская епархия. Помимо разрушенных храмов, которые после подавления восстания большевистская власть и не думала восстанавливать, епархия потеряла часть своего духовенства, расстрелянного вместе с остальными «белогвардейцами»²⁷. В этих условиях

митрополиту Агафангелу и понадобилась помощь о. Николая Перехвальского.

В Ярославле о. Николай вошел в причт кафедрального Успенского собора. Это была лишь формальность, так как Успенский собор так пострадал во время восстания, что совершать в нем богослужения было невозможно. В 1922 году городские власти отняли у Церкви собор, чтобы оборудовать в его здании биржу труда. С 1930 года здание собора использовалось в качестве склада зерна. 26 августа 1937 года Успенский собор был взорван.

Протоиерей Николай Перехвальский достаточно быстро вошел в курс епархиальных дел, поэтому уже 20 декабря 1918 года официально был назначен секретарем Ярославского Епархиального Совета. 20 февраля 1919 года о. Николай стал настоятелем Сретенской церкви г. Ярославля. Сретенская церковь была построена в 1685 году. Первоначально она была двухэтажной, с приделом во имя Св. Стефана Сурожского, но в 1833 году была перестроена в одноэтажную. В 1891-1895 гг. Сретенская церковь была капитально перестроена по проекту архитектора Н. И. Поздеева в так наз. «русском стиле», в результате чего превратилась в шатровый храм. Интересно отметить, что в 1920-х годах этот храм стал одним из центров движения «непоминающих». В 1929 году Сретенская церковь была закрыта, а в 1930 году церковное здание было переоборудовано под клуб «Медсантруда»²⁸.

29 марта 1920 года митрополит Агафангел за помощь в организации епархиальной жизни наградил о. Николая Перехвальского палицей. Однако уже весной 1920 года, узнав о мирных переговорах между Советской Россией и Латвией, о. Николай попросил Владыку Агафангела отпустить его домой, в Ригу. Митрополит не удерживал о. Николая. Положение Церкви и духовенства ухудшалось с каждым днем, и Владыка Агафангел понимал, что скоро он ничем не

Успенский кафедральный собор в Ярославле. Начало XX века.

сможет помочь рижскому протоиерею. 28 июня 1922 года митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел был заключен под домашний арест, который 22 августа был заменен заключением в одиночной камере Ярославской тюрьмы. Осенью 1922 года Владыка был переведен во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве, а оттуда отправлен в ссылку в село Колпашево Нарымского края. После ссылки с осени 1925 года по весну 1926 года Агафангел содержался в тюрьме Перми, откуда был отпущен, будучи смертельно больным²⁹.

11 августа 1920 года был подписан советско-латвийский мирный договор, однако договор о порядке оптации граждан и возвращении оптантов на родину был подписан только 22 июля 1921 года. Поэтому не совсем понятно, как же удалось о. Николаю, его матери, сестре, жене, сыну и дочери вернуться в Ригу уже во второй половине сентября 1920 года. Старший сын о. Николая – Александр («студент») остался в Советской России. Последний раз о. Николай упоминает в своем «Личном деле» сына Александра в 1921 году³⁰. В последующие годы он всегда писал, что у него только двое детей: сын Андрей и дочь Ираида, не поясняя, что же случилось с его старшим сыном. Видимо, Александр погиб на фронтах Гражданской войны или сгинул в застенках ГПУ.

28 сентября 1920 года о. Николай Перехвальский в Александро-Невской церкви г. Риги провел первое после своего возвращения из Советской России богослужение, а 2 октября оформил паспорт латвийского подданного³¹.

Уезжая два года назад из одной страны, о. Николай в 1920 году вернулся в другую. В 1920 году на латвийской территории полностью закончились все военные действия, прошли выборы в Учредительное собрание, которое было призвано разработать Конституцию независимой Латвийской Республики (ЛР).

С момента образования латвийского государства кардинально изменилось положение Православной Церкви. Если в Российской империи государство покровительствовало православному вероисповеданию, то в первые годы существования ЛР большая часть латышского общества воспринимала Православную Церковь как составную часть старого царского режима. Ситуация еще более осложнялась тем, что после убийства в январе 1919 года управляющего Рижской епархией епископа Ревельского Платона (Кульбуша) епархия осталась без главы, а в результате почти непрерывных военных действий многие приходы фактически действовали в автономном режиме или вовсе не функционировали.

Сретенская церковь в Ярославле.
Начало XX века.

В феврале и августе 1920 года состоялись собрания представителей православных приходов Латвии, которые постановили, что создаваемая Латвийская Православная Церковь (ЛПЦ) будет самостоятельной и независимой в административных, хозяйственных вопросах, в своих отношениях с государственной властью. В свою очередь, в иерархическом отношении она будет сохранять каноническую связь с Московским Патриархатом (МП)³². Августовское собрание избрало Синод ЛПЦ, который латвийское Министерство внутренних дел 20 ноября 1920 года признало руководящим органом управления ЛПЦ. На этих же собраниях было решено пригласить в качестве главы ЛПЦ архиепископа Пензенского и Саратовского Иоанна (Поммера, 1876-1934, в 2001 г. прославлен РПЦ и ЛПЦ как священномученик). Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон 19 июля 1921 года даровал ЛПЦ самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских.

24 июля 1921 года в Ригу прибыл архиепископ Иоанн (Поммер). Тем не менее, это не означало нормализации государственно-церковных отношений. Правительственные круги, поддерживаемые радикально настроенными политическими силами, рассматривали сохранение канонической связи ЛПЦ с МП как зависимость

Церкви «от Москвы»». Они постоянно советовали руководству ЛПЦ последовать примеру Эстонской Православной Церкви, которая, в нарушение церковных канонов, в 1923 году перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата (КП), а нежелание руководства ЛПЦ выполнить рекомендации МВД объясняли «монархизмом» Православной Церкви, стремлением Церкви к царской России. В результате, православных считали предателями интересов независимого Латвийского государства, и против ЛПЦ, за которой вплоть до 1926 года не признавались права юридического лица, в первой половине 1920-х годов были развернуты гонения.

Только после четырехлетних обращений руководства ЛПЦ к правительству с просьбами определить правовой статус Православной Церкви в Латвии, 8 октября 1926 года Кабинет министров утвердил «Правила о положении Православной Церкви», в соответствии с которыми Церкви, наконец, были даны права юридического лица. Кончился период закрытия и уничтожения православных храмов, когда, по выражению архиепископа Иоанна (Поммера), «имущество и святыни Церкви отнимались и отдавались, кому придется, когда храмы передавались различным учреждениям или же стирались с лица земли; когда все, кому было не лень, могли отнять наши имущества и святыни с уверенностью, что они за это не понесут никакого наказания»³³.

Разумеется, что о. Николай Перехвальский, как настоятель столичного прихода, был в курсе всех этих событий. Прекрасно зная церковные каноны, он, конечно, поддерживал позицию руководства ЛПЦ, считая ее единственно правильной, однако, не будучи членом Синода, не принимал активного участия в решении правового статуса ЛПЦ.

С возвращением в Латвию начался самый плодотворный период жизни о. Николая.

Он много служил в храме³⁴, занимался его ремонтом и благоустройством, много времени уделял пастве Александро-Невского храма, которая в 1920-1930-х годах достигала 3 700 человек,³⁵ преподавал в школах Риги, много писал, редактировал и издавал с помощью приходского Совета периодические издания, учебную, религиозно-нравственную и другую литературу. Его активность не оставалась незамеченной ни церковным руководством, ни органами государственной власти. Решением Синода ЛПЦ о. Николай Перехвальский в 1924 году был отмечен наперсным крестом с драгоценностями, в 1939 году ему была пожалована митра. 18 ноября 1938 года протоиерей Николай Перехвальский был награжден орденом Трех звезд 4-ой степени³⁶.

1 октября 1920 года о. Николай Перехвальский был принят преподавателем Закона Божия в Рижскую гимназию О. Лишиной (15 часов в неделю). В 1924–1927 гг. о. Николай работал в частной гимназии Л. Рубисовой-Сидяковой (6 часов) и в основной школе М. Бородич. С марта 1929 по 1932 г. о. Николай работал вероучителем в гимназии Л. Тайловой (18 часов), с августа-сентября 1932 года – в Рижской русской практической гимназии (4 часа) и в Рижской городской русской гимназии (12 часов, до 1936 года). В 1936-1940 гг. о. Николай преподавал в Рижской правительственной русской гимназии, в 1932-1940 гг. – в Рижской 4-ой русской основной школе. Создается впечатление, что в 1920-1930-х годах о. Николай был самым востребованным православным вероучителем Риги, за которым «охотились» все ведущие русские школы латвийской столицы.

Помимо работы в школах, в 1926-1936 гг. о. Николай работал в Рижской Духовной семинарии, в которой преподавал курсы «Введение в богословие» (2 часа в неделю) и «Догматика со сравнительным богословием» (5 часов). В августе 1936 года Синод

ЛПЦ принял решение упразднить семинарию и на ее базе открыть Православный Богословский институт с латышским языком обучения. В этом учебном заведении не нашлось места для о. Николая Перехвальского. В 1929-1932 гг. о. Николай работал также лектором Государственных русских педагогических курсов, на которых читал учебные курсы «Богословие» и «Методика Закона Божия» (1 час в неделю)³⁷.

К 1940 году о. Николай достиг максимального возраста, в котором по закону можно было работать учителем, поэтому должен был уйти на пенсию, однако все школы, в которых он работал, попросили Министерство образования разрешить ему продолжить педагогическую деятельность.

В период с 1925 по 1929 год вышел в свет комплекс учебников (5 книг) протоиерея Николая Перехвальского по Закону Божию. Он начал с написания учебника для дошкольного и первого классов, далее были изданы учебники для второго, третьего и четвертого классов, а закончился этот комплекс учебником для учащихся пятого и шестого классов основной школы³⁸. Перехвальский в этих учебниках называет себя не автором, а только редактором, тем самым подчеркивая, что он лишь использовал опыт всех ранее изданных учебников по Закону Божию. Вместе с тем, его учебники не просто компиляция, а оригинальная учебная литература, автор которой попытался простым, доступным языком донести до детей основные христианские ценности, объяснить им сложнейшие богословские вопросы. Сразу же после издания учебный комплекс Перехвальского быстро разошелся по русским школам Латвии. Кроме учебников по Закону Божию, о. Николай подготовил для гимназий учебник по церковной истории.

Благодаря своему настоятелю Александро-Невский храм Риги в 1920-1930-х годах стал настоящим издательским центром

Протоиерей Николай Перехвальский (в центре) среди преподавателей и выпускников Рижской правительственной русской гимназии. Конец 1930-х годов.

православной литературы. Помимо пяти учебников по Закону Божию, приходской Совет Александро-Невской церкви издал также «Православный молитвенник» (два издания), молитвенник для учащихся школ, «Божественную Литургию с объяснением», «Закон о браке в Латвии», акафисты, поминальные книжки и др. Причем все издания приходского Совета редактировал сам о. Николай.

Одним из любимых занятий о. Николая было издание «Православно-русского календаря». Первые два календаря приходской Совет Александро-Невской церкви издал на 1920 год и на 1921 год. По своей форме и содержанию они были традиционными православными календарями месяцев. С «Православно-русского календаря» на 1922 год издание стало выходить под редакцией о. Николая Перехвальского. Уже в календаре на 1922 год новый редактор ввел такие краткие статьи, как «Об управлении ЛПЦ», «Состав высшего церковного управления», опубликовал список всех православных приходов Латвии. В этом же календаре появилась также пространная статья Перехвальского «О соборности в церковной жизни». В сложное для ЛПЦ время, в условиях недоверия к Церкви со стороны государственной власти, в период открытых гонений на ЛПЦ, о. Николай напомнил верующим, что «церковность и

соборность – два главных понятия, которые должны господствовать в сознании, в чувствах и во всех действиях каждого православного христианина». Он призвал православных к сплочению, к единству: «Верующие люди, православные приходы, берегите свое общение! Стремитесь к нему, преодолевая всю свою косность, все свои недосуги, все пространство и другие препятствия»³⁹.

В «Православно-русском календаре на 1923 год» о. Николай, помимо краткой статьи об управлении ЛПЦ и списка православных приходов Латвии, опубликовал также краткие статьи богословского содержания – «О Православии», «Понятие о Церкви Христовой», «Единство Церкви», «Что необходимо для нашего спасения», «Кто православный христианин», а также статью «О наречении имен». В этом же календаре была напечатана пространная статья о. Николая «Христианство и социализм», в которой он проанализировал общее и различное в христианском и социалистическом учениях, попытался доказать ошибочность и даже ущербность взглядов социалистов: «Говорить о возможности устройства на земле райской жизни, значит обманывать человечество, даже более, – отнимать у него право на высшие запросы и стремление жить в бесконечности, делать для него земную жизнь более бедной,

искажать человеческую душу»⁴⁰. Учитывая актуальность этой статьи и спрос на нее со стороны рижан, приходской Совет Александро-Невской церкви принял решение издать ее отдельной брошюрой.

В календаре на 1925 год, помимо ставшей уже традиционной информации об управлении ЛПЦ и православных приходах, были опубликованы статьи о Николае Перехвальского, посвященные 1600-летию Первого Вселенского Собора и 100-летию рижской Александро-Невской церкви. Календарь на 1926 год, кроме информации о ЛПЦ, знакомил читателя со списком центральных государственных учреждений ЛР; давал информацию о Сейме ЛР; о его Президиуме; опубликовал списки «Православные и русские организации в городе Риге» с их адресами и «Русские школы в Риге»; список «Русские газеты и журналы в Риге»; краткие сведения о населении Латвии, а также информацию о Латвийском Университете (о факультетах Университета, о плате за обучение, об условиях приема и др.) и составе его студентов.

С каждым календарем о. Николай расширял тематику, дополнял информацию, опубликованную в предыдущих выпусках, новой, пытаясь превратить эти издания в настольную книжку православных рижан, содержащую все необходимые для них справочные сведения. Так, в календаре на 1927 год появились статьи «Постановление о положении Православной Церкви в Латвии», «Состав Управления Православной Церкви в Латвии», сообщение о православном журнале «Вера и Жизнь». В календаре на 1929 год к предыдущей информации добавилась подготовленная о. Николаем Перехвальским «Программа по Закону Божию православного исповедания для русских основных школ Латвии», статьи «Высшие иерархи Православной Церкви», «Изменения и дополнения в законе о браке», информация о храмовых

праздниках в церквях г. Риги и Юрмалы, о Рижской Духовной семинарии, списки священнослужителей ЛПЦ и депутатов Сейма, избранных от православного и старообрядческого населения. В календаре на 1930 год появилась также информация о Правительственных русских педагогических курсах, о Русских Университетских курсах и др., а также напечатана пространный статья о. Николая «Значение христианства в истории». В календаре на 1931 год были опубликованы: полный алфавитный список святых, сообщения о Русском Институте университетских знаний, о приходском Совете рижской Александро-Невской церкви, а также ставшая уже традиционной информация о ЛПЦ, о депутатах Сейма от православного и старообрядческого населения, списки русских школ в Риге, православных приходов, священнослужителей и др. В календарь на 1932 год вошла также информация о рижских музеях, банках, библиотеках, больницах и амбулаториях, о порядке отправления почтовой и телеграфной корреспонденции, о подоходном налоге.

В 1933 году о. Николай Перехвальский был назначен главным редактором православного журнала «Вера и Жизнь», поэтому был вынужден отказаться от редактирования календаря. «Православно-русский календарь на 1933 год» стал последним календарем, изданным приходским Советом рижской Александро-Невской церкви.

Ежемесячный журнал «Вера и Жизнь» издавался с 1923 года и вплоть до 1932 года имел характер официального печатного органа Синода ЛПЦ. Журнал не окупал себя, поэтому в 1932 году синодальный кооператив «Brālība» отказался финансировать его издание. Однако несмотря на материальные трудности, редактор журнала, настоятель кафедрального Христорождественского собора, протоиерей Кирилл Зайц продолжил его издание. 22 ноября 1933 года Синод

Преподаватели Рижской городской русской гимназии. В 1-м ряду слева-направо: прот. Н. Перехвальский, А. П. Моссаковский, Д. П. Тихомиров, А. И. Еккал. Во 2-м ряду слева-направо: И. И. Баталин, Е. Г. Зиле, А. Ф. Булатов, А. И. Раттерман-Бирнбаум. В 3-м ряду слева-направо: Я. А. Серафимов, А. М. Балтынь, Н. Н. Кузминский.

ЛПЦ освободил протоиерея Кирилла Зайца от должности редактора журнала «Вера и Жизнь», назначив вместо него протоиерея Николая Перехвальского.

Новый редактор сохранил прежний объем номера журнала (от 16 до 20 страниц), однако попытался изменить его содержание. Если при о. Кирилле Зайце журнал имел ярко выраженную миссионерскую направленность, о. Николай за счет новых рубрик попытался расширить тематику издания. Уже в первых номерах, изданных под редакцией Перехвальского, появились рубрики «Из жизни Православных Церквей за границей», «Из церковной хроники», «Богослужбные заметки», «Ответы редактора», «Знаменитый юбилей» и др. Сохранив прежних авторов журнала, о. Николай привлек к изданию молодых священнослужителей: о. Алексия Ионова, о. Леонида Ладинского, о. Иоанна Легкого, о. Василия Филиппова, диакона Василия Рушанова и др. В результате, несмотря на постоянные материальные трудности в издании, о. Николай не только сохранил прежних читателей журнала, но и расширил круг подписчиков. С оккупацией в июне 1940 года территории Латвии советскими войсками были запрещены все религиозные средства массовой информации, поэтому

в мае 1940 года вышел последний номер журнала «Вера и Жизнь».

12 декабря 1932 года на собрании представителей рижских православных приходов протоиерей Николай Перехвальский был избран благочинным русских приходов Риги. 12 августа 1935 года Синод ЛПЦ принял решение освободить от должности члена Синода протоиерея Григория Пономарева, как не знающего государственный язык, и ввести вместо него в свой состав о. Николая Перехвальского.

В середине 1930-х годов протоиерей Николай Перехвальский отпел и положил в латвийскую землю свою мать – Екатерину Ивановну.

Следует отметить, что несмотря на огромную нагрузку о. Николая, его жалование было более чем скромным. Так, в 1937 году никак не оплачивался его издательский труд, он не имел никаких доходов от издания своих учебников и статей, а жалование его складывалось из жалования настоятеля храма и зарплаты вероучителя. В частности, о. Николай получал ежемесячно 160 латов от приходского Совета Александро-Невского храма в качестве жалования настоятеля, а также Совет обеспечивал его бесплатным жильем и питанием. Помимо этого, о. Николай получал также ежемесячно 167 латов

за свою преподавательскую деятельность. При этом о. Николай был единственным кормильцем своей большой семьи.

Каждое утро о. Николай Перехвальский молился, делал утреннюю зарядку, пил чай и отправлялся в Александро-Невский храм. После храма он шел в школу на уроки или же возвращался домой, чтобы продолжить написание очередного учебника или статьи, потом – обед, послеобеденный отдых и т.д. По о. протоиерею окружающие проверяли часы, зная, что если на улице появилась статная фигура о. Николая, значит надо собираться на работу, а если он идет из храма, значит скоро наступит время обеда и т.п. Ничто не могло нарушить распорядок дня о. Николая, и окружающие были вынуждены мириться с его «чуждачеством». В свою очередь, такой строгий распорядок дня позволял самому о. Николаю практически никогда не болеть, сохранять хорошую физическую форму.

После установления в Латвии режима Карлиса Уманиса (15 мая 1934 года) и особенно после трагической гибели архиепископа Иоанна (в ночь с 11 на 12 октября 1934 года) резко усилился нажим органов государственной власти на Синод ЛПЦ. Цель – заставить оставшееся без главы церковное руководство прервать каноническую связь с «Москвой», т.е. с мп. Полтора года латвийское мвд не давало своего согласия на созыв Собора ЛПЦ. За это время под разными предлогами из состава Синода были выведены сторонники сохранения канонической связи ЛПЦ с мп. И новый состав Синода в августе 1935 года обратился к Патриарху Константинопольскому Фотию (Маниатису, 1874-1935) с просьбой посвятить нового главу ЛПЦ. 11 ноября 1935 года Синод ЛПЦ написал прошение Патриарху Фотию даровать ЛПЦ автономию по образцу Эстонской Православной Церкви. 4 февраля 1936 года новоизбранный Патриарх Константинопольский Вениамин (1871-1946) даровал

ЛПЦ (Митрополии) автономию. Наконец, в результате выборов, проведенных 10 марта 1936 года на Вселатвийском Церковном Соборе, новым главой ЛПЦ в юрисдикции КП был избран протоиерей Августин Петерсонс (1873-1955). 29 марта 1936 года он был хиротонисан в митрополита Рижского и всея Латвии.

Сразу после выборов митрополит Августин попытался реформировать Церковь в соответствии с идеологией авторитарного режима. Он потребовал перевода богослужения во всех латвийских храмах на латышский язык, а при храмах, у которых были только русские приходы, открыть и латышские. При этом новый глава ЛПЦ не считал нужным принять во внимание, что на тот момент из 174 389 православных Латвии только 57 600 человек были по национальности латышами и в большинстве церквей служба совершалась на церковнославянском языке⁴¹. В результате, предложение митрополита вызвало резкое недовольство православных верующих, особенно в латгальских приходах, в которых большинство прихожан не понимали латышского языка. Попытки же открыть при русских и латышские приходы были расценены прихожанами, как то, что «у русских хотят отнять храмы»⁴². «Языковая реформа» митрополита Августина полностью провалилась.

Еще одним решением митрополита Августина, вызвавшим повсеместный протест православных, была попытка перевести Церковь на новый календарный стиль, о чем было объявлено в декабре 1936 года. Против этого нововведения верующие в основном протестовали «ногами», то есть не посещали храмы в праздники по новому стилю. Поэтому уже в конце декабря 1936 года митрополит заявил, что он не может отменить постановление Синода о переходе на новый календарь, однако «не будет возражать против отмечания праздников по старому и по новому стилю»⁴³. В 1937

году единого порядка не было и настоятели сами решали, подстраиваясь под прихожан, какому календарю следовать, однако в 1938 году в большинстве латвийских православных храмов служба совершалась только по старому календарю.

В своих решениях Августин всегда прикрывался решениями Синода, членом которого был протоиерей Николай Перехвальский, хотя на самом деле решения принимал сам митрополит, а Синод только формально давал на них свое согласие. Тем не менее, можно смело утверждать, что Перехвальский действительно поддержал большинство нововведений Августина, так как всегда беспрекословно признавал авторитет высшей церковной власти.

В 1936 году в журнале «Вера и Жизнь» была опубликована статья о. Николая Перехвальского «О старом и новом стиле», в которой он попытался доказать, что вопрос календарного стиля не является апостольским преданием: «Вопрос о времени празднования Пасхи есть вопрос не догматический, [он] с основами Православия не соотносится, а вопрос церковной дисциплины, которая часто меняется и может меняться в зависимости от требований времени и условий жизни. Современная практическая жизнь требует пересмотра старостильного календаря». Вместе с тем, автор статьи был убежден, что вся Церковь должна жить только по одному календарю, считая, что нельзя допустить «празднование всех праздников по двум календарям в одном и том же храме», что может вызвать сумятицу среди верующих⁴⁴.

Интересно отметить, что издаваемый Перехвальским журнал полностью проигнорировал другое радикальное решение митрополита Августина – о переходе ЛПЦ на латышский язык богослужения. Разумеется, будучи членом Синода, от лица которого принималось это решение, Перехвальский не имел права его критиковать. Вместе

с тем, благочинный русских приходов Риги не мог не понимать всю пагубность такого скоропалительного решения и уважал мнение своей паствы. Для него самого не составляло никакого труда провести богослужение на латышском языке, однако он понимал, что такими мерами можно только оттолкнуть часть прихожан от храмов. Поэтому как сам благочинный, так и другие настоятели рижских приходов только в редких, исключительных случаях совершали Литургию на латышском языке, оправдывая себя тем, что прихожане не посещают «латышские» службы.

17 июня 1940 года советские войска пени решили государственную границу Латвии и в течение нескольких часов оккупировали латвийскую землю. Протоиерей Николай Перехвальский никак не проявлял своего отношения к новому режиму, однако понятно, что он вряд ли мог радоваться приходу к власти коммунистов. Два года он прожил в Ярославле в условиях большевистского режима, был свидетелем зверств, издевательств большевиков над людьми. Но, как настоящий христианин, о. Николай воспринимал происходящее как данность, как промысел Божий, как испытание, кару Божию за грехи, которую нужно безропотно переносить.

С первых дней нового режима начались аресты. Репрессии затронули и ЛПЦ. Однако это было только началом. Известно, что органы НКВД планировали в начале июля 1941 года депортировать все латвийское духовенство, однако из-за нападения на СССР нацистской Германии не успели осуществить эту акцию⁴⁵.

С Красной армией в Латвию пришла идеология марксизма-ленинизма со своей составной частью – воинствующим атеизмом. В августе 1940 года всем публичным библиотекам запретили выдавать книги «вредного содержания»,⁴⁶ в том числе учебники Закона Божия Н. Перехвальского. В ноябре

1940 года прошла массовая чистка библиотечных фондов, изъятие и уничтожение книг, которые не отвечали новой идеологии (акции уничтожения в библиотеках «запрещенной литературы» были проведены также в феврале и марте 1941 года). В результате этих акций учебники Перехвальского стали библиографической редкостью. Так, на совещании благочинных Латвийской епархии, состоявшемся 1 ноября 1942 года, отмечалось, что «правильный ход преподавания [Закона Божия] в русских школах осложняется недостатком учебников на русском языке. Ученикам приходится учиться со слов учителя или записывать урок под его диктовку»⁴⁷. В сентябре 1944 года был набран и откорректирован новый учебник протоиерея Николая Перехвальского по Закону Божию, однако его не удалось издать, так как к тому времени все типографии были уже эвакуированы из Риги.

Летом 1940 года было запрещено преподавание религии, т.е. Закона Божия, в школах, и о. Николай Перехвальский был уволен из всех учебных заведений, в которых он работал. По словам комиссара Народногo просвещения ЛССР Юлия Лациса, священники были изгнаны из советской школы⁴⁸.

Была запрещена любая церковная деятельность вне церковных стен, исключая лишь посещение больных и умирающих прихожан. Вокруг священников нагнетался нездоровый психологический климат: проводились шумные собрания, на которых клеймились «религия – опиум для народа» и «попы-мракобесы», на улице священники подвергались издевательствам. Конечно, в отличие от сельских приходских священников, городские священники могли спрятаться в толпе и меньше привлекать к себе внимание, однако никак не могли спрятаться прихожане городских храмов, особенно центральных. Каждый прихожанин рижской Александрo-Невской церкви,

расположенной на центральной улице города, должен был быть готовым к тому, что на пороге храма его встретят издевательствами оголтелые активисты – «безбожники» или же «представители трудовых коллективов», которые непременно доложат куда надо о его «отсталости», и ему будет гарантировано публичное судилище «трудового коллектива», а, возможно, и потеря места работы или даже арест. Поэтому количество верующих, регулярно посещающих храмы, резко сократилось, что повлекло за собой сокращение доходов причта. Кроме того, в начале 1941 года была проведена серия публичных судебных процессов над священниками, которые обвинялись в «вымогательстве у трудящихся» денег за венчание, погребение и совершение других церковных треб⁴⁹. После этих процессов уже никто из священников под страхом уголовного наказания не рисковал брать от прихожан не только плату за требы, но даже принимать добровольные пожертвования, что, разумеется, также сказалось на материальном положении священно – и церковнослужителей.

По «Закону о земле» Церковь потеряла большую часть своей земельной собственности, а за оставшиеся в пользовании приходов участки земли (не более 30 гектаров на приход) приходилось платить постоянно растущий налог. В условиях, когда религиозным общинам было строжайше запрещено собирать среди верующих любые средства, в том числе и в форме добровольных пожертвований, и большинство членов причта еле-еле сводили «концы с концами», ответственность за уплату налогов целиком и полностью возлагалась на настоятелей храмов. Поэтому большинство семей настоятелей, стараясь заплатить налоги, жили впроголодь.

Указом МП от 24 марта 1941 года был учрежден экзархат, то есть особая митрополичья область, в состав которой входили

Эстонская и Латвийская епархии. Распустились Синоды в Латвии и Эстонии и Епископское управление в Литве. Вместо них под руководством митрополита Виленского и Литовского, экзарха Латвии и Эстонии Сергия (Воскресенского, 1897-1944) было создано управление экзархата (Экзаршее управление), а в каждой епархии – епархиальные Советы. 29 марта 1941 года митрополит Рижский и всея Латвии Августин (Петерсонс) в Богоявленском кафедральном соборе г. Москвы исполнил процедуру публичного покаяния в грехе раскола и клятвенно пообещал хранить в дальнейшем верность РПЦ. 11 апреля 1941 года митрополит Августин подписал протокол последнего заседания Синода ЛПЦ, передал все дела Экзаршему управлению, а затем попросил митрополита Сергия (Воскресенского) отпустить его в длительный отпуск «по состоянию здоровья»⁵⁰. Таким образом, протоиерей Николай Перехвальский перестал быть членом Синода ЛПЦ. Однако новое церковное руководство не могло обойтись без его помощи, поэтому 15 мая 1941 года он был назначен членом Экзаршего управления. Так как в очередной раз значительно увеличилась его нагрузка, о. Николай попросил освободить его от обязанностей благочинного рижских приходов.

22 июня 1941 года взрывами германских авиационных бомб в Лиепе и Вентспилсе на территорию Латвии пришла Вторая мировая война. Уже 1 июля германские войска взяли Ригу, а к 8 июля была оккупирована вся территория Латвии. Многие в Латвии встречали германские войска как освободителей от коммунистического террора. По словам экзарха-митрополита Сергия, «большевики объявили Церкви войну, германцы принесли ей мир»⁵¹. Однако вскоре стало понятно, что нацистский режим, освободив местное население от коммунистов и дав ему религиозную свободу, принес ему новые формы террора, рост инфляции и др.

1 сентября 1942 года Экзаршее управление было упразднено. Вместо него в каждой епархии создавался епархиальный Совет. В состав Латвийского епархиального Совета в качестве товарища председателя также вошел о. Николай Перехвальский.

Частота заседания Экзаршего управления, а потом епархиального Совета не была установлена. Они созывались председателем по мере накопления каких-то неотложных вопросов. Совет считался совещательным органом при правящем архиерее, однако епископ Рижский Иоанн (Гарклавс, 1898-1883, хиротонисан 28 февраля 1943 года) всегда старался выслушивать мнения всех членов Совета и приглашенных лиц, поэтому решения Совета принимались коллегиально. Круг вопросов, которые рассматривал епархиальный Совет, был очень широк: о переводе с одних приходов на другие священников и церковнослужителей; о сборе средств на содержание Богословских курсов в Вильнюсе; о преподавании Закона Божия; о ремонте храмов; о посылке миссионеров в Псковскую Православную Миссию и др.

С 1 января 1942 года о. Николай Перехвальский вновь стал преподавать Закон Божий в Рижской городской гимназии, 15 июня 1944 года он опять стал выполнять обязанности Рижско-градского благочинного.

После поражения немцев в июле 1943 года под Курском Восточный фронт вначале медленно, а потом с нарастающей скоростью покатился на запад и на территорию Латвии хлынул многотысячный людской поток беженцев и эвакуированных. Во многих оккупированных российских районах германское командование осуществляло тотальную эвакуацию всех мирных жителей и с отступлением армии взрывало населенные места. К принудительно эвакуированному населению примыкали те, которые сами убегали от Красной армии, от

сталинского режима. На территорию Латвии прибывали беженцы и эвакуированные из Калининской, Смоленской областей, а с февраля 1944 года хлынула лавина беженцев из Новгородской и Псковской областей, в которых германское командование осуществляло тактику «выжженной земли».

Германские власти не считали нужным заниматься проблемами беженцев и эвакуированных, поэтому все заботы об устройстве и обеспечении этих людей взяла на себя Православная Церковь. По предложению епархиального Совета был создан «Комитет помощи» и Внутренняя Православная Миссия. Формально протоиерей Николай Перехвальский не входил в управление Миссии, однако принимал самое непосредственное участие в ее работе, так как Комиссия, занимавшаяся делами Внутренней Миссии, была подотчетна епархиальному Совету.

Летом 1944 года советские войска начали наступление в направлении Каунаса и Даугавпилса. 18 июля Красная армия вышла к границе Латвии. До начала августа советские войска заняли всю территорию Латгалии (Восточной Латвии), а 30 июля вышли у Клапкалнциемса к Рижскому заливу.

Война пришла в Латвийскую епархию и, по мере приближения военных действий, местное население эвакуировалось на территорию Рейха. По плану германского командования латвийскую землю нужно было в течение четырех недель полностью обезлюдеть, однако быстрое наступление советских войск позволило реализовать этот план лишь частично⁵².

По распоряжению Министерства занятых восточных территорий в случае вывода с территории Прибалтики германских войск необходимо было «позаботиться о том, чтобы не оставлять православное духовенство и особенно высших сановников с целью исключения возможности их пропагандистского использования Советами»⁵³.

22 сентября из Риги в Лиепаю были вывезены главы ев.-лютеранской, католической и православных конфессий в Латвии, в том числе и епископ Рижский Иоанн (Гарклавс). Через пять дней в Лиепаю морем были доставлены о. Николай Виеглайс, о. Иоанн Бауманис, о. Николай Перехвальский с членами их семейств, а также икона Тихвинской Божьей Матери⁵⁴. Уже в Лиепае к ним присоединились о. Петр Кудринский, о. Петр Михайлов, 7 иподиаконов и др. В целом, вместе с церковнослужителями и членами семей духовенства в группу православного духовенства во главе с епископом Иоанном (Гарклавсом) входило около 30 человек. Все они понимали, что дни нацистской Германии уже сочтены. Что было делать? Остаться под бомбежкой в Лиепае, пытаться спрятаться от тотальной эвакуации местных жителей, чтобы встретить советские войска и вновь оказаться в условиях тоталитарного советского режима, отношение которого к религии и Церкви было хорошо известно по 1940-1941 годам? Между тем, германская эвакуационная машина по-прежнему работала безотказно, каждый день суда увозили людей на запад, где, по крайней мере, не было авиационных налетов.

9 октября от лиепайского порта отошло судно. На его борту было 2 тысячи человек, среди которых и группа латвийских православных священников во главе с епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом). Протоиерей Николай Перехвальский был самым пожилым членом этой группы. Он уезжал в эмиграцию не столько потому, что спасался от бомбежки и приближающегося коммунистического режима. Он уезжал со своим Владыкой, со своими братьями и сестрами по вере, как уезжали на чужбину тысячи жителей Латвии. Вместе с ним в эмиграцию ехали и все члены его семьи: его супруга Ираида Михайлова, их дети Андрей и Ираида, а также сестра о. Николая – Александра Андреевна.

Через Гданьск и Шнайдемюлле группа епископа Рижского Иоанна проследовала в Судетию, в которой предполагалось разместить эвакуированных и беженцев с территории Латвии. Решили остановиться в городке Яблонце над Нисой, где, по сведениям епископа Иоанна, пустовала Старокатолическая церковь, в которой можно было совершать православные богослужения. Кроме того, недалеко от Яблонца, в лагере Фридрихсвальд остановилась группа клириков Литовской епархии во главе с заместителем экзарха Латвии и Эстонии, архиепископом Ковенским Даниилом (Юзвюк, 1880-1965).

22 октября 1944 года латвийские священники прибыли в Яблонце. Им удалось договориться о совершении православных служб в Старокатолической церкви. В тот же вечер епископ Иоанн встретился с архиепископом Даниилом. Однако оказалось, что поблизости с церковью не было свободных помещений для ночлега. Поэтому в тот же вечер большая часть группы проследовала в поселок Иоганнесберг (Хонсберг), находившийся в семи километрах от Яблонца. Им удалось устроиться в гостинице, в которой латвийцам предложили две комнаты: маленькую для епископа, его матери и Тихвинской иконы, и большую комнату, в которой разместились все остальные. Перехвальского и членов его семьи забрал с собой архиепископ Даниил. Вместе с ними поехал и священник Николай Лапикен. До февраля 1945 года они жили там же, где и литовские клирики, т. е. в беженском лагере Фридрихсвальд (около Райхенберга), а потом, как и остальные клирики литовской группы, стали арендовать жилье в поселке Рыхнов (Рейхенау), в пяти километрах от Яблонца. Еще восьми латвийским православным удалось найти жилье в самом Яблонце.

Все члены группы епископа Иоанна (Гарклавса) поддерживали друг с другом связь, часто приходили на богослужения

в Старокатолическую церковь и признавали авторитет своего архиерея. Так, уже 23 октября 1944 года протоиерей Николай Перехвальский попросил епископа Иоанна выдать ему удостоверение, подтверждающее, что он действительно находится на службе у епископа Рижского⁵⁵.

Епископ берет пожилого священника и не назначал Перехвальского на службы в Старокатолическую церковь, однако, если в этом храме служил архиепископ Даниил, ему всегда сослужил протоиерей Николай Перехвальский⁵⁶.

В мае 1945 года закончилась война и группе латвийских православных клириков пришлось вновь решать, что же делать дальше. Возвращаться на Родину, где господствовала советская власть, знакомая им по 1940-1941 гг., или же попытаться проникнуть в западную зону оккупации, т. е. выбрать эмиграцию? Большинство решило в пользу последнего. Как писал спустя два года о. Николай Перехвальский, «возвращаться в объятия «одержимой» Родины нельзя. Сладким обещаниям «отцов» и иже с ними не верим»⁵⁷.

27 августа 1945 года группа епископа Иоанна выехала в Прагу. На станции Рейхенау (Рыхнов) к группе присоединились другие латвийцы, проживавшие в Рыхнове и Яблонце, в том числе и семья Перехвальских. В целом, в эту группу входило около 45 человек. Из Праги латвийская группа выехала в Пилзен, а оттуда – в американскую зону оккупации. Американская администрация направила православных латвийцев в лагерь для «перемещенных» (DP), расположенный в Баварии. 31 августа они прибыли в городок Амберг, около которого находился этот лагерь.

В десятках лагерей для «перемещенных» лиц нашли временное прибежище сотни тысяч бывших военнопленных, узников нацистских концлагерей, «остовцев», солдат Русской Освободительной армии

Епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) в лагере DP в Регенсбурге. За спиной епископа – о. Николай Перехвальский. 1947 г.

(РОА), русские эмигранты «первой волны», беженцы и эвакуированные во время войны. Многие из них годами ждали решения своей участи, находясь в постоянном страхе перед возможной репатриацией в СССР. Найти работу в разоренной войной Германии было практически невозможно. В свою очередь, обитатели лагерей DP имели бесплатное жилье (как правило, место в бараке) и получали продовольственные карточки, которые отоваривались только в этом лагере, поэтому, несмотря на то, что лагеря не охранялись, не могли их оставить. Численность DP, размещенных в лагерях, всегда превышала все допустимые нормы, поэтому бытовые условия в лагерях были очень тяжелыми, а питание было таким, что никто не умирал с голода, но и никто не испытывал состояние сытости⁵⁸. Большинство DP испытывали чувства, которые предельно лаконично передал протоиерей Николай Перехвальский: «Не знаю,

что нас ожидает на земле сей, мы душевно страдаем, нервничаем, живем, как в сени смертной»⁵⁹.

Лагерь у Амберга считался одним из самых «латышских» лагерей DP. В нем действовали латышская школа; курсы по подготовке руководителей отрядов латышских скаутов и гайд; больница и санаторий; проводились выставки, конференции, семинары и др. Православные среди жителей лагеря не превышали сотни человек, и они, не имея своего храма, посещали лютеранские и католические богослужения.

Вначале латвийское духовенство разместили в общем бараке, а 4-5 сентября 1945 года распределили по разным зданиям специального блока, в котором проживали выходцы из Латвии. Семьи Гарклавсов, Перехвальских и Виеглайсов поселили на втором этаже большого двухэтажного дома. Каждой семье была предоставлена комната. Было тесно, но, разумеется, это было

Епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) в лагере DP в Регенсбурге.
За спиной епископа – о. Николай Перехвальский. 1947 г.

удобнее, чем проживание в общем бараке. Следует отметить, что епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) с глубоким уважением относился к протоиерею Николаю Перехвальскому, с почтением относился к его возрасту и всегда старался разместить Перехвальских как можно удобнее.

По просьбе епископа Иоанна администрация лагеря 10 сентября 1945 года выделила православным первый этаж дома, в котором проживали латвийские священники – «продолговатую комнату с прилегающей к ней меньшей комнатой». Как писал епископ Иоанн, маленькая комната «была оборудована в виде алтаря с устройством примитивного иконостаса, а большая комната отведена для молящихся». Так был оборудован православный храм, который по поручению епископа Иоанна освятил протоиерей Иоанн Легкий. После освящения храма в нем ежедневно совершали богослужения (в отдельные дни служили 2-3 раза в день), на которые приходили около 50 жителей лагеря⁶⁰. В этом храме в основном и служил протоиерей Николай Перехвальский, так как епископ Иоанн, уважая его возраст, не посылал его служить в другие

лагеря. Если он и принимал участие в богослужениях, совершаемых в других местах, то только в торжественных архиерейских службах в присутствии Тихвинской иконы Божьей Матери.

Судя по всему, епископу Иоанну нравилось, когда вместе с ним служил о. Николай, поэтому он часто просил его принять участие в архиерейских службах. По словам протоиерея Сергея Гарклавса, «каждое воскресенье мы с епископом куда-нибудь ехали служить» (в этих поездках Сергей Кожевников-Гарклавс прислуживал Владыке как иподиакон), и часто в эти поездки Владыка брал Тихвинскую икону, которую почитали как защитницу беженцев⁶¹. К началу 1948 года латвийское православное духовенство во главе с епископом Иоанном обслуживало 18 постоянных лагерных приходов, а также отдельные группы православных, которые не имели возможности зарегистрировать в своих лагерях приходы (общее количество прихожан – 2 800 человек)⁶². Однако по приглашениям верующих епископ Иоанн совершал архиерейские службы и в храмах РПЦЗ, в храмах юрисдикции КП и др.

Группа DP лагеря в Амберге. В центре – епископ Рижский Иоанн (Гарклавс), от него второй слева – о. Николай Перехвальский. Конец 1945 г.

Протоиерей Николай Перехвальский принял самое деятельное участие в организации преподавания православного Закона Божия в лагерных школах. Кроме того, и в лагерях о. Николай имел возможность заниматься репетиторством.

Специфика служения в лагерях DP состояла в том, что как сам причт, так и прихожане православных храмов постоянно менялись. 19 июня 1946 года епископ Иоанн (Гарклавс), протоиерей Николай Перехвальский и протоиерей Николай Виеглайс с семьями были переведены из Амберга в лагерь Герсбрук. Жилищные условия там были чуть лучше, чем в Амберге, однако общественная жизнь не отличалась активностью.

Только после неоднократных просьб епископа Иоанна осенью 1946 года администрация лагеря Герсбрук, наконец, выделила помещение под православный храм. Как записал в своем дневнике епископ Иоанн, «в понедельник 25 ноября в распоряжение Преосвященного Иоанна для устройства православной церкви было передано помещение в том же доме, где проживает духовенство. В четверг приход при содействии технического бюро приступил к оборудованию этого помещения. В субботу, 30 ноября, работы по устройству иконостаса

и ремонту подсвечников и аналоев были закончены. Перед Всенощным бдением протоиереем Николаем Перехвальским был отслужен водосвятный молебен с окроплением новосооруженного храма»⁶³. Впредь этот храм считался кафедрой епископа Иоанна. В храме в Герсбруке в основном и служил о. Николай Перехвальский.

20 октября 1946 года в результате встречи епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) с митрополитом Августином (Петерсонсом) в Фелбахе было подписано соглашение о создании ЛПЦ в эмиграции. Формально руководителем этой автономной церковной организации считался митрополит Августин, но так как он постоянно находился в туберкулезном санатории, фактически ЛПЦ в эмиграции управлял Синод во главе с епископом Иоанном. По предложению Владыки Иоанна протоиерей Николай Перехвальский был включен в состав Синода. Синод ЛПЦ в эмиграции с февраля 1947 года по май 1949 года провел 12 заседаний, на которых решались текущие вопросы организации церковной жизни в лагерях DP.

1 октября 1947 года епископ Рижский Иоанн обратился к митрополиту всей Америки и Канады Феофилу (Пашковскому, 1874-1950) с просьбой

Группа DP лагеря Вюрцбург. Слева от епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) – о. Николай Перехвальский. Июль 1946 г.

принять его самого и сопровождающее его духовенство «в состав клира Вашей Автономной Церкви», отметив, что так как, по всей видимости, «значительная часть прибалтийцев найдет свою новую родину в Соединенных Штатах Америки и Канаде и войдет в состав Вашей паствы, прошу содействия Вашего Высокопреосвященства в деле переселения меня и моих ближайших сотрудников в Соединенные Штаты»⁶⁴. Со своей стороны, протоиерей Николай Перехвальский обратился от лица группы епископа Иоанна к секретарю митрополита Феофила А. Е. Безсмертному (1896-1984) с просьбой «принять к сердцу наше положение и оказать помощь в деле возможного переселения в США независимо от квоты (для уроженцев Латвии уже переполненной) и возраста (мне уже 73 года, матери Владыки 80 лет и др.)... Пусть же США не окажутся для нас, утопающих в голоде, холоде и страхе от восточного ветра, только соломинкой»⁶⁵. Собравшийся 12-13 ноября 1947 года Собор епископов Северо-Американской Митрополии (далее – САМ) принял решение удовлетворить просьбу епископа Рижского Иоанна и принять в свой клир священников и церковнослужителей его группы.

24 июня 1948 года Конгресс США принял закон «О перемещенных лицах», по

которому США в течение последующих двух лет принимали, помимо квотных эмигрантов, 205 тысяч перемещенных лиц из оккупационных зон в Германии, Австрии и Италии.

Первым из семьи Перехвальских переехал на американский континент сын о. Николая – Андрей. Талантливый математик, окончивший математическое отделение факультета Математики и естественных наук Латвийского Университета со степенью кандидата математических наук, Андрей в Латвии работал ассистентом математического отделения ЛУ, затем – метеорологом. В США он уехал как рабочий фабрики «Lion Match Company». В этом же статусе, как рабочая фирмы, принадлежавшей ее подруге И. А. Росси, переселилась в США и незамужняя дочь о. Николая – Ираида Николаевна Перехвальская. События 1940-1941 годов в Латвии, война, скитания, безработица не позволили ни Андрею, ни Ираиде устроить свою личную жизнь. По воспоминаниям о. Сергия Гарклавса, оба «молодые» Перехвальские были «со странностями» и в эмиграции так и не смогли найти свое место. Андрей в США прожил совсем недолго. В начале 50-х годов его безутешный отец похоронил Андрея в американской земле. Ираида жила с родителями вплоть до их кончины, после чего

Лагерь ДР в Эйхштатте. Встреча епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) с главой Латвийской ев.-лютеранской Церкви архиепископом Теодором Гринбергсом. Слева от епископа – о. Николай Перехвальский. 4 августа 1946 г.

переехала в Чикаго, где доживала свой век в доме для престарелых⁶⁶.

Незадолго до отъезда из Германии о. Николай похоронил свою сестру – Александру Андреевну.

Судя по всему, о. Николай более всех отъезжающих боялся, что, в силу возраста его самого и возраста его матушки, их не пустят в США. Он писал в марте 1949 года, что пять лет проживания в лагерях привели к тому, что «нервы истрепаны, настроение подавленное. Хочется подышать более свободно, пожить по-человечески»⁶⁷. Страхи о. Николая усугубились еще и тем, что на переезд трех членов семьи нужна была сумма в 450 долларов, которой у пожилой пары, понятно, не было. Вопрос об оплате проезда через океан был крайне важным для большинства переселенцев, которые за годы жизни в лагерях полностью истратили все свои сбережения, а после денежной реформы 1948 года не имели средств не только на то, чтобы купить билет на пароход, но даже не могли добраться до ближайшего города Германии⁶⁸. Деньги на переезд Перехвальских помог найти бывший ученик о. Николая иподиакон К. Д. Храмов, который эмигрировал в США одним из первых. Самую деятельную помощь в переезде четы Перехвальских оказали А. Е. Безсмертный

и епископ Бруклинский Иоанн (Шаховской, 1902-1988)⁶⁹.

Наконец, все документы на переезд были оформлены и 31 мая 1949 года чета Перехвальских переехала из Герсбрука в Бремен, откуда 8 июня они отплыли на пароходе в США. В Нью-Йорк протоиерей Николай прибыл 18 июня и в тот же день написал заявление митрополиту Феофилу с просьбой принять его на службу в САМ.

14 июля 1949 года о. Николай Перехвальский был назначен настоятелем церкви Св. Иоанна Крестителя в Лоренс, штат Массачусеттс. Он был первым среди латвийских священников, получивший свой приход, поэтому новые условия его жизни интересовали всех бывших латвийских священников, влившихся в клир САМ. Так, епископ Иоанн (Гарклавс) рассказал в августе 1949 года о. Петру Курземниексу (1891-1975), что у него в Нью-Йорке была И. Н. Перехвальская и рассказала, что ее отец «устроился достаточно хорошо». Правда, зарплата всего 100 долларов в месяц, но зато бесплатная пятикомнатная квартира со всеми удобствами, с холодильником, мебелью, посудой, бельем и др.⁷⁰ Это было так непривычно для ДР, что все бывшие латвийские священники искренне радовались за о. Николая. Сам о. Николай в ноябре

1949 года рассказал епископу Иоанну, что не все так хорошо. Да, бытовые условия почти идеальные, «церковь маленькая, но уютная», однако паства оставляет желать лучшего. Большинство прихожан – рабочие, выходцы с Волыни и Гродненщины, говорящие на каком-то смешанном языке. О. Николая поразило, что «достаточное число прихожан живет во взаимной вражде, зависти, интригах, нет ни псаломщика, ни хора», что службы совершаются только по воскресным дням. Оказалось, что за 37 лет существования прихода в нем сменилось 34 настоятеля. Однако о. Николай радовался своему положению и единственно, о чем сокрушался – это своим незнанием английского языка, называя это «единственным и очень серьезным затруднением... А в голову не идет и в памяти не сохраняется»⁷¹.

К сожалению, «рай» в Лоренсе для Перехвальских был совсем недолгим. В конце 1949 года митрополит Феофил решил, что маленький приход в Лоренсе недостойн такого почтенного священника, как митрофорного протоиерея Николая Перехвальского, и распорядился перевести его в Вашингтон. Не зная американских порядков, Перехвальский, получив назначение, сдал храм в Лоренсе новому настоятелю – о. Вячеславу Гинддину, и отправился на место своего назначения. А приходской Комитет в Вашингтоне решил, что приходу не нужен еще один священник и отказался его принять.

Положение в САМ в конце 40-х годов XX века епископ Иоанн (Гарклавс) охарактеризовал следующим образом: «У митрополита и вообще у высшей церковной власти нет никаких прав в приходах. В приходах полностью господствуют приходские Комитеты. Часто эти Комитеты дают митрополиту указания, не исполняя его распоряжения. Если какое-то распоряжение митрополита священнику не нравится, то он сразу же старается настроить приходской Комитет

против митрополита и, само собою, вооруженный такой поддержкой, не выполняет распоряжения митрополита и продолжает жить дальше, будто ничего и не произошло. Митрополия в подобных случаях просто бессильна»⁷². Владыка Иоанн считал, что во многом в сложившемся порядке (беспорядке) виновато само церковное руководство в лице митрополита Феофила, который разрешал приходским Комитетам самим решать вопросы о приглашении на приходы священников и об увольнении их, позволяя Комитетам обращаться непосредственно к нему, в обход епархиальных епископов, что вносило в церковную жизнь дезорганизацию. По мнению епископа Иоанна, основной слабостью САМ в конце 40-х годов было полное отсутствие церковной дисциплины⁷³. По его словам, «каждый приход полностью независим, можно даже сказать, что автокефален, со своим уставом, и с Митрополией мало считается»⁷⁴.

К сожалению, всего этого не знал о. Николай Перехвальский и, в результате, лишился места. Поняв, что в Вашингтоне ему не помогут ни уговоры, ни распоряжения митрополита, Перехвальский поехал в Нью-Йорк, к «своему» епископу, т.е. к Иоанну (Гарклавсу). В это время епископ Иоанн жил в маленькой комнатке на втором этаже Покровского кафедрального собора. Тем не менее, он принял Перехвальских и на первых порах разместил у себя. Впоследствии Перехвальские стали снимать квартиру недалеко от Центрального парка города. Епископ Детройтский и Кливлендский Иоанн (Гарклавс) не имел права распоряжаться в кафедральном соборе в Нью-Йорке. Единственное, что мог сделать Владыка Иоанн для о. Николая – это уговорить клир собора разрешить Перехвальскому совершать требы и иногда подменять священников на богослужении.

27 июля 1950 года внештатным священником кафедрального собора был назначен

Венчание Сергея Гарклавса с Александрой Иовиной в Св. Покровском соборе Нью-Йорка. Венчает о. Николай Перехвальский. 13 августа 1950 г.

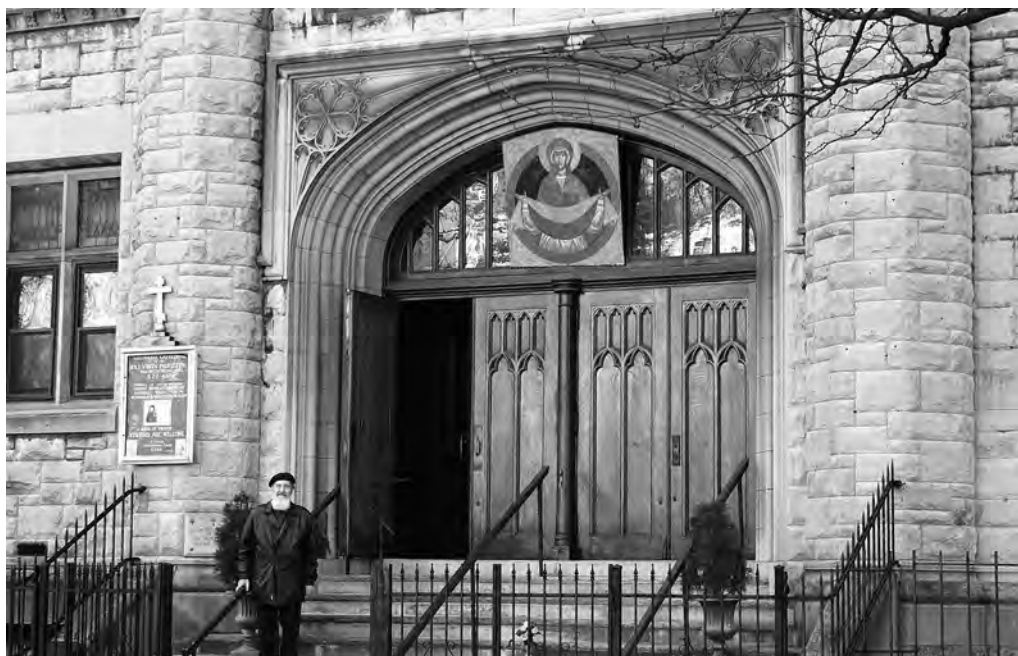
земляк о. Николая Перехвальского – о. Леонид Ладинский, который 1 декабря 1951 года стал ключарем собора. О. Леонид с глубоким почтением относился к о. Николаю Перехвальскому, поэтому отношение в соборе к нему изменилось. Перехвальский стал больше совершать требы, проводить богослужения. Для него, как для священника, это было крайне важно. Кроме того, это давало возможность заработка, который был просто необходим чете Перехвальских, получавшей лишь минимальные пенсии по старости.

13 августа 1950 года в Св. Покровском кафедральном соборе Нью-Йорка протоиерей Николай Перехвальский повенчал приемного сына епископа Иоанна (Гарклавса) – Сергея с Александрой Иовиной. После венчания там же, в Покровском соборе, сыграли свадьбу. Как писал Владыка Иоанн,

это была встреча «почти всего православного Герсбрука»: семей Перехвальских, Ладинских, Храмовых, Рейнгаузенов, Курземниексов и др.⁷⁵ Больше в таком широком кругу они уже не встречались.

16 августа 1950 года Митрополичьий Совет узаконил положение о. Николая в Покровском соборе, назначив его временно внештатным священником. Год спустя, 14 августа 1951 года, Перехвальский стал уже постоянным внештатным священником собора. В это же время он начал активно сотрудничать с журналом «Русско-Американский Православный Вестник». В 1960 году о. Николай Перехвальский был назначен членом Комиссии по составлению обзора деятельности Благотворительного Комитета.

Настоящим праздником для о. Николая Перехвальского были ежегодные встречи

Св. Покровский собор в Нью-Йорке. 2008 г.

Интерьер Св. Покровского собора в Нью-Йорке. 2008 г.

выпускников рижских русских гимназий, которые «ломоносовцы» проводили или в кафедральном Покровском соборе, или в храме Казанской иконы Божьей Матери в Си-Клиффе на Лонг Айленд, в котором служил бывший латвийский священник о.

Алексий Ионов. На эти встречи обязательно приглашался преподаватель большинства рижских русских гимназий о. Николай Перехвальский, а также его сын Андрей и дочь Ираида – выпускники Рижской русской (Ломоносовской) гимназии. Весь

американский период жизни о. Николая выпускники рижских гимназий неизменно поздравляли своего бывшего преподавателя со всеми юбилеями, праздниками и др.

Указом митрополита всея Америки и Канады Леонтия (Туркевича, 1876-1965) от 7 января 1961 года о. Николай Перехвальский был награжден саном протопресвитера.

Тяжело переживал о. Николай увольнение за штат своего земляка о. Леонида Ладинского. Указ митрополита всея Америки и Канады Ириния (Бекиша, 1892-1981) о его увольнении был подписан 1 сентября 1965 года. Ладинский напоминал ему о Латвии, рассказывал новости из жизни земляков, передавал от них поклоны. После его ухода из кафедрального собора круг общения о. Николая еще более сузился.

И в Нью-Йорке о. Николай жил по своему распорядку дня: подъем, молитва, зарядка, чай, прогулка и др. Старики жили очень скромно, даже бедно. О чем они вспоминали во время своих ежедневных прогулок по аллеям Центрального парка в Нью-Йорке? О далекой России, в которой прошли их детство и юность и в земле которой упокоился их старший сын Александр? Или вспоминали любимый Св. Александро-Невский храм в Риге и мать о. Николая, навсегда оставшуюся в латвийской земле? А может быть они вспоминали о годах скитаний по лагерям др, думали о любимой сестре о. Николая и подруге Ираиды – Александре Андреевне, оставшейся в земле Германии? Или же они оплакивали своего сына Андрея, покинувшего их уже в США?

Протопресвитер Николай Перехвальский скончался 15 мая 1966 года. Его отпевание в Св. Покровском кафедральном

Могила протопресвитера Николая Перехвальского на Свято-Владимирском кладбище в местности Джексон, штат Нью-Джерси, США. 2008 г.

соборе Нью-Йорка совершил 17 мая митрополит всея Америки и Канады Ириней с участием окружного духовенства. Прах о. Николая был предан земле на русском православном Свято-Владимирском кладбище в местности Джексон, около г. Кесвилл, штата Нью-Джерси. Его матушка Ираида Михайловна почила 18 августа 1975 года и по ее просьбе была похоронена рядом с супругом.

Примечания

1 www.museum-geu.narod.ru/.../Perekhvalskie.htm
2 Латвийский Государственный Исторический архив (далее – ЛГИА), ф.7469, оп.2, д.295, л.2.

3 Личный архив автора, «Ведомость о церкви Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в Риге за 1909 год».

- 4 ЛГИА, ф.7469, оп.1, д.112, «Послужной список настоятеля Александро-Невской церкви города Риги протоиерея Николая Андреевича Перехвальского за 1921 год».
В 1921 году о. Николай отмечал, что его сын Александр учился в России. Видимо, позднее связь со старшим сыном была прервана, а, вероятнее всего, Александр Перехвальский погиб во время Гражданской войны или в застенках ЧК, так как позднее в своем личном деле о. Николай указывал только двух детей – сына Андрея и дочь Ираиду.
- 5 Воспоминания Маргариты Салтупе (урожд. Морозовой), выпускницы РПРГ 1937 г. // Рижская городская русская гимназия (бывшая Ломоносовская). 1919-1935. Сборник воспоминаний и статей. Сост.: М. В. Салтупе, Т. Д. Фейгмане. При участии Д. А. Левицкого. Рига. 1999. – С. 110-111.
- 6 ЛГИА, ф.7469, оп.2, д.295, л.3-4.
- 7 Пастырские собрания духовенства в гг. Ревеле и Гапсале под председательством Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Агафангела // «Рижские Епархиальные Ведомости». 1910 г. №2. – С. 48.
- 8 Личный архив автора, «Ведомость о церкви Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в Риге за 1909 год».
- 9 «Рижские Епархиальные Ведомости». 1903 г. №18. – С. 730.
- 10 Личный архив автора, «Ведомость о церкви Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в Риге за 1909 год».
- 11 ЛГИА, ф.7469, оп.1, д.112, «Послужной список настоятеля Александро-Невской церкви города Риги протоиерея Николая Андреевича Перехвальского за 1921 год».
- 12 Из воспоминаний о Ломоносовской гимназии Ольги Яковлевны Ковш, выпускницы РПРГ 1936 г. // Рижская городская русская гимназия (бывшая Ломоносовская). 1919-1935. Сборник воспоминаний и статей. Сост.: М. В. Салтупе, Т. Д. Фейгмане. При участии Д. А. Левицкого. Рига. 1999. – С. 131-132.
- 13 Предложение Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного Агафангела, Архиепископа Рижского и Митавского о.о. настоятелям церквей Рижской епархии // «Рижские Епархиальные Ведомости». 1906 г. №3. – С. 93-95.
- 14 К десятилетию Архипастырского служения в Рижской епархии Высокопреосвященного Агафангела, Архиепископа Рижского и Митавского // «Рижские Епархиальные Ведомости». 1907 г. №19. – С. 699.
- 15 Предложение Рижской Духовной Консistorии // «Рижские Епархиальные Ведомости». 1906 г. №3. – С. 95-96.
- 16 Там же. – С. 1085.
- 17 «Рижские Епархиальные ведомости». 1905 г. №21. – С. 1111-1123.
- 18 История Латвии. XX век. Рига: Jumava. – С. 46.
- 19 Слава Богу за все! // «Рижские Епархиальные Ведомости». 1915 г. №1. – С. 7.
- 20 История Латвии. XX век. Рига: Jumava. – С. 50-51.
- 21 Бушуева И. История прихода Рижского кафедрального собора во имя Рождества Христова в 1915-1920-х годах // Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей под ред. А. В. Гаврилина. Вып.1. Рига. 1993. – С. 49-50.
- 22 История Латвии. XX век. Рига: Jumava. – С. 83-84.
- 23 *Кумыш Владислав, свящ.* Священномученики Эстонской Церкви, в Юрьеве пострадавшие. Санкт-Петербург. 2000. – С. 7-70.
- 24 ЛГИА, ф.7469, оп. 2, д.295, л.1.
- 25 Цит. по: *Вострышев Михаил.* Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. Москва: «Современник». 1991. – С. 60.
- 26 <http://his95.narod.ru> Послание Патриарха Тихона от 19 января 1918 года.
- 27 <http://tricolor.org/history/kt/11/> Ярославское восстание
- 28 www.yaroslavskiy-kray.com/.../sretenskaya-cerkov-v-yaroslavle.html
- 29 Ради мира церковного. Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника. Москва: Издательство ПСТГУ. 2005. – С. 9-17.
- 30 ЛГИА, ф.7469, оп.2, д.295, л.24.
- 31 ЛГИА, ф.2996, оп.15, д.8298.
- 32 Там же, ф.7469, оп.1, д.39, л. 14 –15; ф.1370, оп.1, д.28, л.35-36, 80-82.
- 33 Arhibīskapa Jāņa runa desmit gadu kalpošana jubilejā Latvijas Pareizticīgo Baznīcā // „Ticība un dzīve”. 1939.g. №7.
- 34 Во второй половине 1930-х годов клир Александро-Невского храма состоял из настоятеля – протоиерея Николая Перехвальского, диакона Николая Окунева, диакона-псаломщика Василия Ефимова и и.о. псаломщика Н. Локмарса. Если учесть, что в это время богослужения совершались ежедневно, часто – даже два раза в день, становится понятным, что настоятель храма испытывал колоссальную физическую нагрузку.
- 35 ЛГИА, ф.1370, оп. 1, д.2343, л.4.
- 36 Там же, ф.7469, оп. 2, д.295, л.5.

- 37 ЛГИА, ф.7469, оп.2, д.295, л.3-4, 15.
- 38 Закон Божий для учащихся пятого и шестого классов основной школы. Под редакцией Николая Перехвальского. Рига: Издание Приходского Совета Рижской Александро-Невской церкви. 1929. – 167стр.
- 39 *Перехвальский Николай, прот.* О соборности в церковной жизни// Православно-русский календарь на 1922 год. С благословения Высокопреосвященнейшего Иоанна, Архиепископа Рижского и всея Латвии. Издан Приходским Советом Рижской Александро-Невской церкви, под ред. Протоиерея Николая Перехвальского. Рига, [1921]. Тип. Г. Иге. – С.38-39.
- 40 *Перехвальский Николай, прот.* Христианство и социализм// Православно-русский календарь на 1923 год. С благословения Высокопреосвященнейшего Иоанна, Архиепископа Рижского и всея Латвии. Издан Приходским Советом Рижской Александро-Невской церкви, под ред. Протоиерея Николая Перехвальского. Рига, [1922]. Тип. Г. Иге. – С.33.
- 41 ЛГИА, ф.1370, оп.1, д.2343, л.1-10.
- 42 Там же. ф.3235, оп.1/22, д.688, л.278.
- 43 Там же, л.243.
- 44 *Перехвальский Николай, прот.* О старом и новом стиле// Журнал «Вера и Жизнь». 1936 г., №8 и 9.
- 45 *Salnais V.* The Church in Latvia during Soviet Russian and German Rule// Stockholm Documents. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 5. sējums. Rīga. 2007. – 378.lpp.
- 46 *Zelmenis Gints.* Kultūras pārraudzība un cenzūra Latvijā padomju okupācijas apstākļos 1940.-1941. g.// Latvijas vēsture 20. gadsimta 40.-90. gados. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2006. gada pētījums. 21.sējums. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 2007. – 32.-33.lpp.
- 47 Цит. по: *Равдин Борис.* Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941-1945// <http://www.ruthenia.ru/document/545595.html>
- 48 Цит. по: *Salnais V.* The Church in Latvia during Soviet Russian and German Rule// Stockholm Documents. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 5. sējums. Rīga. 2007. –376.lpp.
- 49 *Trūps-Trops Henriks.* Latvijas Romas Katoļu baznīca komunisma gados. 1940.-1990. Rīgas Romas katoļu metropolijas kūrījas izdevums. 1992. –26.lpp.
- 50 ЛГИА, ф.1370, д.18, л.3.
- 51 Личный архив автора, «Слово экзарха-митрополита Сергия на Новый год. 21 января 1942 г.».
- 52 *Latvija Otrajā pasaules karā (1939-1945). Apgāds „Jumava”.* 2008. – 468, 470.lpp.
- 53 Цит. по: *Шкаровский М. В.* Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург. 2005. – С.208.
- 54 Tihvinas Dievmātes patvērumā. Rīga.2004. – 47.lpp.
- 55 The Archive of the Orthodox Church in America (далее – АОСА).xvi. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Удостоверение, выданное протоиерею Николаю Перехвальскому епископом Рижским Иоанном 23 октября 1944 года».
- 56 Личный архив протоиерея Александра Гарклавса, «Богослужбный Журнал в период беженства Преосвященного Иоанна, Епископа Рижского».
- 57 АОСА. xvi. Records of Clergy. Perehvalsky, Nicholas [Perehvalskii, Nikolai], 1947-1953, 1959-1961, «Письмо прот. Николая Перехвальского архив мандриту ? от 28.11.1947 г.».
- 58 Воспоминания протоиерея Сергия Гарклавса, записанные А. Гаврилиным 07.03.2008 г.
- 59 АОСА. xvi. Records of Clergy. Perehvalsky, Nicholas [Perehvalskii, Nikolai], 1947-1953, 1959-1961, «Письмо прот. Николая Перехвальского архив мандриту ? от 28.11.1947 г.».
- 60 Личный архив протоиерея Александра Гарклавса, «Богослужбный Журнал в период беженства Преосвященного Иоанна, Епископа Рижского».
- 61 Tihvinas Dievmātes atvēgumā. Rīga.2004. –57. lр.; *Колесникова Л. А., Александр Гарклавс, прот.* Тихвинская икона Божией Матери. Возвращение. СПб. 2004. – С.67-68.
- 62 АОСА. xvi. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Протоиерей Николай Виеглайс. Латвийская Православная Церковь в USA зоне».
- 63 Личный архив протоиерея Александра Гарклавса, «Богослужбный Журнал в период беженства Преосвященного Иоанна, Епископа Рижского».
- 64 АОСА. xvi. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Письмо епископа Рижского Иоанна митрополиту всея Америки и Канады Феофилу от 1 октября 1947 года».
- 65 АОСА. xvi. Records of Clergy. Perehvalsky, Nicholas [Perehvalskii, Nikolai], 1947-1953, 1959-1961, «Письмо прот. Николая Перехвальского А. Е. Безсмертному от 3.10.1947 г.».
- 66 Воспоминания протоиерея Сергия Гарклавса, записанные А. Гаврилиным 16.02.2011 г.
- 67 АОСА. xvi. Records of Clergy. Perehvalsky, Nicholas [Perehvalskii, Nikolai], 1947-1953, 1959-1961, «Письмо прот. Николая Перехвальского А. Е. Безсмертному от 17.03.1949 г.».

- 68 АОСА. XVI. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Письмо епископа Рижского Иоанна митрополиту всея Америки и Канады Феофилу от 27 августа 1948 года».
- 69 АОСА. XVI. Records of Clergy. Pehhvalsky, Nicholas [Pehhvalskii, Nikolai], 1947-1953, 1959-1961, «Письмо члена Православного Комитета А. Васильева епископу Иоанну (Шаховскому) от 28.04.1949 г.».
- 70 АОСА. XVI. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago, «Письмо епископа Рижского Иоанна священнику Петру Курземниексу от 21 августа 1949 года».
- 71 АОСА. XVI. Records of Clergy. Pehhvalsky, Nicholas [Pehhvalskii, Nikolai], 1947-1953, 1959-1961, «Письмо прот. Николая Перехвальского епископу Иоанну (Гарклавсу) от 15 ноября 1949 года».
- 72 АОСА. Manuscript Division: Papers of Archbishop John (Garklavs), «Biskapa Jāņa vēstule R. Didakovskim. 1949.g. 21.dec.».
- 73 АОСА. Manuscript Division: Papers of Archbishop John (Garklavs), «Biskapa Jāņa vēstule Pētera tēvam (P. Kurzemniekam). 1949. g. 20.dec.».
- 74 АОСА. Manuscript Division: Papers of Archbishop John (Garklavs), «Biskapa Jāņa vēstule Jāņa tēvam (Jānim Baumanim). 1949.g. 21.dec.».
- 75 АОСА. Manuscript Division: Papers of Archbishop John (Garklavs), «Письмо епископа Иоанна (Гарклавса) Л. А. Андреевой от 8 сентября 1950 г.»; «Biskapa Jāņa vēstule prof. P. Starcam. 1950.g. 30. aug.».

Светлана Ковальчук

Протоиерей Николай Македонский и иерей Владимир Володин – настоятели рижского Спасо-Преображенского храма

Изучение истории рижского Спасо-Преображенского храма, расположенного на пересечении ныне оживленных проспектов Виестура и Межа, началось по двум причинам, взаимосвязанным между собой. Первая причина – желание выяснить историю храма, в котором в 1980-е годы служили митрополит Рижский и всея Латвии Александр (Кудряшов), викарий Московской епархии епископ Виктор (Пьянков). С 1952 до 1980 года в храме несли пастырское послушание протоиереи Серафим Шенрок (25.04.1922 – 02.06.2004), Гавриил Тимофеев (21.03.1895 – 15.03.1973), Николай Баранович (9.05.1898 – 16.03.1975), Иоанн Семейников (28.02.1906 – 11.06.1982). С 1989 года в храме

служили протоиереи Николай Судоса, Михаил Чуйков, Александр Шабельник, иерей Павел Белик (1956-20.12.2003). Вторая причина – личная. С первой половины 30-х годов прошлого столетия род автора данной статьи связан с Преображенским храмом, под покровом которого молились, слушали наставления и утешения пастыря. Многие родные были венчаны в этом храме, во младенчестве приняли в нем святое крещение, кого-то из этого храма после отпевания батюшки провожали в последний путь на ближайший погост. Автор посвящает это исследование своей бабушке Ксении Петровне Помазеевой, остававшейся ревностной прихожанкой храма до 1972 года.

Маленький деревянный Преображенский храм расположен в районе Саркандаугава (историческое название – Александровские высоты)¹. История храма началась в последнее десятилетие 19 столетия. Этот период ознаменован бурным

экономическим ростом Риги: в некогда тихих Александровских высотах и Мюльграбене (нынешний Милгравис) открывались заводы и фабрики, что привело и к росту православного населения, искавшего пастырского наставления. Ближайшие

Улицы Саркандaugавы в начале XX века

от Александровских высот православные храмы – Покрова Пресвятой Богородицы и Вознесенский – находились ближе к центру Риги. В «Отчете о деятельности Рижского Петро-Павловского братства за 1874 г.» упоминалось имя протоиерея Иоанна Попова, хорошо знавшего насущные проблемы православного населения Александровских высот и ратовавшего за открытие в этом уголке Риги русской школы².

Спасо-Преображенский храм был построен по проекту епархиального архитектора А. Н. Эдельсона, строительными работами руководил купец второй гильдии Н. П. Воост³. Храм освятил в мае 1890 года Преосвященный Арсений (Брянцев), епископ Рижский и Митавский. В церемонии принял участие настоятель рижского Вознесенского храма отец Андрей (Кангер). Щит иконостаса был привезен из Илукстского женского монастыря, а из Преображенской церкви, располагавшейся в Усть-Двинской (Даугавгривской) крепости, было получено шесть икон. В храме была утварь, созданная на Мюльграбенской фарфоровой фабрике. Рабочие Кузнецовской фарфоровой фабрики в 1892 году преподнесли в дар храму иконы, которые были расположены справа

и слева от входа – икону «Вознесение» и икону «Знамение Божьей Матери», украшающие храм и поныне.

Первым настоятелем храма стал священник Сергей Алексеевич Баранов, церковным старостой на три года был назначен мещанин Иван Воробьев, регентом хора – мастеровой Михайлов.

Настоятели храма по мере сил старались помочь своей пастве. Неподалеку от храма с первой половины 19 столетия действовала одна из старейших клиник Риги – Александровско-высотская лечебница (Психоневрологическая больница), что на Аптекарской улице. Духовным окормлением православных болящих этой лечебницы занимались местные батюшки.

Развитие района Александровских высот продолжилось и в начале 20 столетия, что подвинуло Епархиальное управление к мысли о строительстве более просторного храма. К 1914 году архитектором Владимиром Дедуником был подготовлен проект каменного церковного здания, однако Первая мировая война не позволила начать строительные работы⁴.

Сохранились лишь фрагментарные сведения о храме и его приходе до 1914 года.

История храма с 1923 по 1952 год отражена в трех архивных делах Латвийского Государственного Исторического архива (далее – ЛГИА), в одном из которых (дело 830, фонд 7469, опись 1) отсутствуют документы с августа 1934 года до начала 1937 года, т.е. за период значительных событий в жизни Латвийской Православной Церкви (далее – ЛПЦ) (в октябре 1934 года – мученическая кончина архиепископа Иоанна (Поммера), в 1935-1936 годах – переход ЛПЦ в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, избрание нового главы ЛПЦ – митрополита Августина (Петерсонса) и др.). В деле 839 (фонд 7469, опись 1) сохранился бюджетный отчет Преображенского храма за 1936 год. Материалы архивного дела 831 (фонд 7469, опись 1) отражают жизнь прихода с 1938 по 1951 год. Кроме того, отдельные сведения о настоятелях, дьяконах и псаломщиках рижского Спасо-Преображенского храма имеются в делах фонда Епархиального управления ЛПЦ (ф.7469).

Настоятелем рижского Спасо-Преображенского храма с января 1922 года до середины мая 1945 года был протоиерей Николай Александрович Македонский (1865 – 1954). Родился 22 января 1865 года в Голговской (Галгауской) волости Валкского уезда в семье псаломщика местной Предтеческой церкви Александра Македонского (1826 – 1896)⁵. Четверо сыновей этой семьи – Константин, Платон, Александр и Николай связали свою жизнь с Православной Церковью.

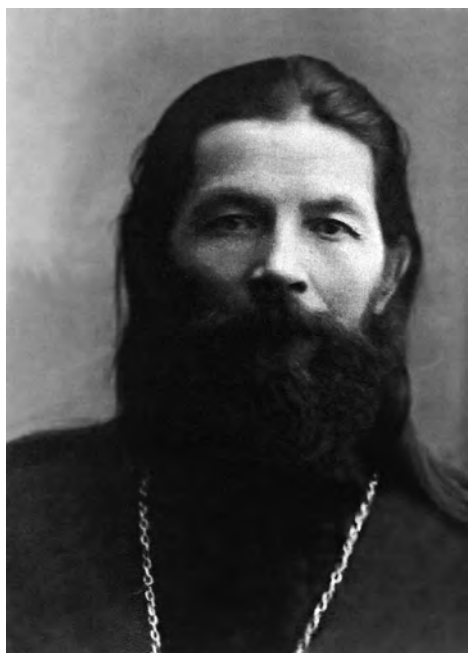
В 1887 году Николай Македонский закончил Рижскую Духовную семинарию. После окончания семинарии служил в разных лифляндских приходах (Гростона, Нитауре, Цесис) псаломщиком. 8 ноября 1898 года венчался с Любовью Калныньш, в их семье было трое детей. 14 декабря 1898 года архиепископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским) был рукоположен во диакона и назначен

в Тукумский приход. 30 декабря 1899 года был рукоположен во иерея и направлен в Пирисаарский приход. 24 сентября 1906 года был переведен в Сауснейский приход, с 1 октября 1912 – в Икшкильском приходе.

Первая мировая война заставила о. Николая покинуть родные края. 6 октября 1915 года он был назначен военным священником⁶, а с октября 1918 года исполнял обязанности священника церкви кирпичного завода в Ейске. По возвращении на родину о. Николай 22 января 1922 года был назначен настоятелем рижской Преображенской церкви, в конце 1922 года стал протоиереем.⁷ Одновременно окормлял Икшкильский приход, а с сентября 1939 года служил также и в Балдонском приходе.

14 июля 1936 года на Соборе Латвийской Православной Церкви о. Николай Македонский был избран членом Синода, а его родной брат протоиерей Александр Македонский (1867 – 1942) выбыл из состава Синода. О. Николай входил в состав группы священнослужителей, которым была поручена работа над новым Уставом ЛПЦ⁸. В октябрьском 1936 года в журнале «Вера и Жизнь» было помещено сообщение о том, что протоиерей Николай Македонский за ревностное служение Церкви награжден митрой⁹.

Отец Николай в своей пастырской деятельности ограничивался проповедями в храме, не публикуя их в церковных изданиях. Вероятно, он жил в соответствии призыву апостола Иакова «вера без дел мертва» (Иак. 2, 26) и посему на страницах журнала «Вера и Жизнь» его имя упоминалось исключительно в связи с практическими начинаниями. Много лет о. Николай вместе со священниками Николаем Шалфеевым и Николаем Смирновым занимался обустройством Вдовьего дома в Риге (улица Мирная, дом 17-а)¹⁰. На пастырском собрании, состоявшемся 19 – 20 июня 1939 года, о. Николай Македонский выступал

Священник Николай Македонский.
Фотография начала 1920-х годов

по вопросу о необходимости страхования церквей и церковных домов¹¹. За свои дела на благо Православной Церкви о. Николай в 1938 году был награжден почетной грамотой по случаю дня 15 мая – дня прихода к власти Карлиса Улманиса, отмечавшегося в те годы как государственный праздник.

Отец Николай Македонский всю свою жизнь трудился на ниве народного просвещения. Он начал работать учителем, когда еще служил псаломщиком. Во время войны о. Николай преподавал в школе города Ейска. С 1922 года о. Николай преподавал Закон Божий и латышский язык в разных школах Риги: в частной школе Наталии Богдауленской, в Краснодвинской (Саркандаугавской) основной школе № 10¹², в основных школах № 3, 5, 9¹³. С 1 сентября 1922 года до конца августа 1937 года работал преподавателем Закона Божьего в Рижской Государственной русской гимназии, а также в рижских белорусских № 1 и 2 основных школах.

Священник Николай Македонский, назначенный в 1922 году настоятелем Рижского Преображенского храма, обрел в лице церковного старосты Александра Яковлевича Лапина (Лапиня – С. К.) доброго помощника и рачительного хозяйственника¹⁴. Еще с довоенного времени Александр Яковлевич занимался на Александровских высотах торговлей, там же проживал, был прихожанином Преображенского храма, а затем был избран и его старостой.

Численность прихожан Преображенского храма в начале 1920-х годов колебалась от 400 до 420 человек. 1 января 1923 года приходское собрание избрало 7 новых членов приходского Совета. Ими стали Яков Ляпич, Константин Апалько, Павел Маджуй, Иван Спиридонов, Афанасий Тихомиров, Евстафий Марочкин и Степан Варфоломеев. Председателем приходского Совета стал настоятель храма о. Николай Македонский. Кандидатами в члены Совета были избраны Беккер, Ромашенко и Марочковский. Приходское собрание попросило Семена Варфоломеева взять на себя обязанность псаломщика¹⁵.

Основной задачей нового приходского Совета было приведение в порядок церковного имущества. Расположенный на рабочей окраине Риги храм не отличался особыми доходами¹⁶, посему целых два года – с 1923 по 1925 г. – староста храма Александр Яковлевич Лапин собирал средства на ремонт храма и причтового дома. В конце 1923 года о. Николай Македонский написал Владыке Иоанну (Поммеру) следующее донесение: «Своим нравственным долгом считаю доложить Вашему Высокопреосвященству о заслугах церковного старосты Александра Лапина в деле воссоздания причтового дома и ремонта церкви. Перед оставлением русскими войсками г. Риги были взорваны склады на железнодорожной станции Красная Двина, отчего все стекла в окнах церкви выпали. От времени

Психоневрологическая лечебница в начале XX века

крыша на церкви местами стала протекать, а причтовый дом был настолько разорен, что, кажется, оставалось только продать его на слом. Но теперь на церкви крыша приведена в порядок и окрашена, окна застеклены, причтовый дом стал жилым, кругом церкви, причтового дома, кладбища обведена проволочная ограда, в церкви совершаются богослужения, в школе, помещающейся в причтовом доме, учатся дети местного русского населения. И во всем этом более всего и всех потрудился Ал. Лапин – и советом, и карманом. И теперь, когда все уже сравнительно приведено в порядок, начинается в приходе агитация против церковного старосты, и он, справедливо этим возмущенный, желает совершенно устраниваться от участия в продолжении строительства приходской жизни, а дел еще много. Посему я осмеливаюсь просить Ваше Пресвященство в воздаяние заслуг Александра Яковлевича Лапина в прошедшем и в возбуждении в нем ревности к продолжению и далее трудиться на благо прихода Преображенской церкви преподать ему к празднику Рождества Христова Ваше Архипастырское благословение с выдачей установленной грамоты»¹⁷.

Владыка Иоанн (Поммер) исполнил просьбу настоятеля Преображенского храма, А. Лапин получил Архипастырское благословение и продолжил ремонтные работы.

В декабре 1925 года протоиерей Николай Македонского написал рапорт Владыке Иоанну, в котором сообщил, что «к 1 декабря был закончен ремонт Преображенской церкви; церковь заново отремонтирована снаружи и внутри. Ремонт обошелся приблизительно в 115 тысяч рублей. Деньги изыскивались путем сборов, лотереи, а 20 000 рублей получены от правительства. К сему я должен присовокупить, что инициатива производства ремонта принадлежит церковному старосте Александру Лапину, а равно большая часть денег собрана его усердием»¹⁸. Определенный доход приходу приносил и причтовый дом. 3 мая 1923 года приходской Совет получил разрешение Синода сдать причтовый дом и земельный участок прихода в аренду Латвийскому Белому Кресту – сроком на 6 лет за 27 000 рублей ежегодной платы¹⁹. Через несколько лет причтовый дом стало арендовать Министерство образования, поскольку в его стенах разместилась основная школа.

Александр Яковлевич Лапин.
Фотография 1920-х годов

Архиепископ Иоанн поблагодарил А. Лапина за его труды на благо Преображенского храма и подарил ему икону. Авторитет А. Лапина среди прихожан Преображенского храма, поддержка со стороны о. Николая делали его незаменимым на должности старосты. Заняв эту должность в 1920 году, он оставался церковным старостой вплоть до конца 1940 года, после чего входил в приходской Совет²⁰.

В приходских документах не упоминалось о наличии или отсутствии в Преображенском храме благовеста. После эвакуации из СССР части имущества ЛПЦ о. Николай Македонский в начале февраля 1934 года попросил Синод передать храму два небольших разбитых колокола. Они были возвращены из советской России и хранились в подвале Рижского Христорожественского кафедрального собора²¹.

Согласно бюджетному отчету за 1936 год, который зачитал на собрании приходского Совета о. Николай Македонский, основным событием в жизни прихода в 1936 году стало проведение в храме электрического освещения²². Значимым для прихода стало избрание о. Николая членом Синода и посвящение Владыкой Августином 9 августа

Рижской Преображенской церкви. Владыка совершил Божественную Литургию. В храме и вокруг него собралось около 600 прихожан. Владыке сослужили заслуженные священнослужители г. Риги – оо. И. Янсон, Н. Македонский Н. Шалфеев и Гр. Пономарев, протодиакон В. Мельников и три диакона – С. Варфоломеев, П. Федоров и С. Петров. Богослужение совершалось на государственном и церковнославянском языках²³.

Из задач на 1937 год, согласно бюджетному отчету, был намечен сбор помощи для малоимущих прихожан, проведение лотереи на сумму 1 005 латов для возведения забора вокруг кладбища и для его обустройства, на устройство тротуара возле храма, на постройку часовни на кладбище. Разрешение на проведение лотереи о. Николай получил 30 октября 1937 года²⁴.

Более десяти лет активным прихожанином Преображенского храма был Эллидифор Михайлович Тихоницкий (1875 – 1942) – известный педагог, работавший в русских, еврейских и латышских школах Риги, в 1925 – 1928 годах – депутат латвийского Сейма, директор и лектор Правительственных русских педагогических курсов, идейный вдохновитель и зачинатель проведения в Латвии Дней русской культуры. Тихоницкий с начала 1930-х годов был членом Ревизионной комиссии прихода. Эллидифор Михайлович проживал с семьей на улице Дебесбраукшанас, 19, которая находилась рядом с Покровским и Вознесенским храмами. Однако хорошие отношения с отцом Николаем, венчавшим 30 октября 1929 года в Преображенском храме Эллидифора Михайловича и учительницу Марию Ланге, прочно связали его семью с храмом на Саркандаугаве²⁵.

30 января 1940 года старостой А. Лапиным, членами приходского Совета, членами Ревизионной комиссии был составлен бухгалтерский отчет под названием «Обзор

Улицы Саркандaugавы в начале XX века

наполнения бюджета в 1939 году»²⁶. Согласно этому документу, доход Преображенского храма складывался из добровольных пожертвований (фактический доход составил 409,80 лата, хотя бюджетом было предусмотрено 400 латов) и из доходов от проводимых общиной мероприятий – сборов от проведения лотерей, концертов (фактический доход по этой статье бюджета составил 786,80 лата, хотя предполагалось получить лишь 700 латов.). Зарплата настоятеля храма составляла 600 латов в год. В храме не было диакона. Псаломщик Преображенского храма получал 360 латов в год. Ежегодно 200 латов предусматривалось тратить «на поощрение хора», однако в 1939 году на хор было израсходовано лишь 120 латов. 400 латов было предусмотрено потратить на пожертвования бедным (фактически было израсходовано 428 латов). Бюджетом также предусматривалось внести 50 латов на содержание Синода ЛПЦ (фактически было внесено 46,57 лата).

Летом 1940 года с Красной армией на территорию Латвии пришла идеология марксизма-ленинизма со своей составной частью – воинствующим атеизмом. В Латвии вступил в действие декрет Совета Народных комиссаров РСФСР от 23 января

1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Новая власть запретила священникам работать в школах. Фактически против духовенства и приходов был развернут административный, психологический и экономический террор²⁷. По православному духовенству и мирянам прошелся каток репрессий. В октябре 1940 года был арестован Элпидифор Михайлович Тихоницкий, вскоре должность церковного старосты оставил Александр Яковлевич Лапин²⁸.

В годы нацистской оккупации в непосредственной близости от Преображенского храма был развернут концентрационный лагерь «Кайзервальд», в котором содержались оставшиеся в живых после многочисленных акций уничтожения латвийские евреи, а также политзаключенные и уголовники.

В апреле 1943 года в Преображенском храме имелись следующие облачения: престольные ризы – 2; облачения для жертвенника – 2; аналойные – 2; иерейских – 7; диаконских – 1; для псаломщиков облачения не было; пелен – 29; воздухов – 6; покровов – 3. В храме было следующее количество икон: в алтаре – 9 икон; в иконостасе – 15; на стенах – 25; на аналоях – 35

икон. Кроме того, в храме было две плащаницы и четыре хоругви. В инвентаре храма значились и три колокола, общим весом в 198 кг.

В 1942 году в приходе было около 400 прихожан: родились и были крещены 14 мальчиков и 10 девочек, умерло 5 прихожан (мужчин), в храме было повенчано 9 пар. Земля площадью 7280 и 3640 квадратных метров была передана городом приходу в оброчное пользование. Годовой доход прихода составлял 1 617 RM, расход – 1 978 RM²⁹. Приходу принадлежал дом по проспекту Межа, 88. Деньги за аренду помещений приходской Совет разрешил получать протоиерею Николаю Македонскому³⁰.

В 1943 году у храма было 440 прихожан, родилось и было крещено 13 мальчиков и 11 девочек, были повенчаны три супружеские пары. Умерли 8 мужчин и 8 женщин. Доход за 1943 год составил 13 970 RM, расход – 7 554 RM³¹. В ведомости за 1943 год было указано, что оккупационная власть отняла у храма медно-бронзовые колокола³².

Наплыв беженцев из оставляемых немецкой армией российских территорий весной 1944 года достиг таких размеров, что требовалось не только духовно окормлять их, но и помогать им материально. В 1944 году Преображенский храм пожертвовал на нужды Внутренней Миссии 500 RM. Для духовного окормления беженцев епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) 11 мая 1944 года назначил в рижскую Спасо-Преображенскую церковь священника Семена Пузанова³³.

17 августа 1944 года епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) издал указ об освобождении о. Николая Македонского от обязанностей настоятеля рижского Преображенского храма и перемещении его к Александро-Невской церкви, однако с оставлением в его ведении и Преображенского прихода. Во время германской оккупации о. Николай занимал должность

товарища председателя Епархиального Совета Латвийской епархии. В сентябре 1944 года, накануне своего отъезда в эвакуацию, Владыка Иоанн назначил протоиерея Николая Македонского временным управляющим епархией: «Товарищу Председателя Епархиального Совета Латвийской Епархии протоиерею Николаю Македонскому Постановляю, что в случае моей смерти, а равно в случае невозможности управлять Епархией по иной причине, управление делами Епархии поручается товарищу председателя Епархиального Совета Латвийской Епархии протоиерею Николаю Македонскому; и как только представится возможность сношения с Патриархией, он должен представить доклад о делах Епархии и Экзархата Иоанн, Епископ Рижский»³⁴.

С 12 марта 1945 года протоиерей Николай Македонский уже распоряжением митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) стал исполнять обязанности председателя Епархиального Совета, т.е. управляющего делами Латвийской епархии.³⁵

В силу преклонного возраста о. Николаю было трудно обслуживать два прихода (рижская Преображенская и Александро-Невская церкви), поэтому попытались найти для Преображенской церкви второго священника. 31 августа 1944 года вторым священником был назначен о. Георгий Варфоломеев, но вскоре его перевели на служение в провинцию³⁶. В середине ноября 1944 года вторым священником Преображенского храма было предложено стать протоиерею Смарагду Стуканову, однако уже 16 января 1945 года он отказался от этого назначения³⁷.

С осени 1941 года до лета 1944 года латвийское духовенство во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским) решало вопросы духовного окормления населения оккупированных немецкой армией северо-западных районов России. В числе

работников Псковской Православной Миссии были и псаломщики рижского Спасо-Преображенского храма³⁸.

Псаломщиками Преображенского храма во время настоятельства о. Николая Македонского служили Алексей Цыпурдеев³⁹ и Семен Варфоломеев⁴⁰. С. Варфоломеев в 1930 году окончил Рижскую Духовную семинарию, был посвящен в диаконы, после чего служил в других рижских храмах. В середине сентября 1930 года псаломщиком Преображенского храма был назначен учитель 2-й Рижской городской белорусской основной 6-летней школы Николай Демидов⁴¹. С 1935 года в Преображенском храме прислуживал псаломщик Николай Варфоломеев⁴². В 1940 году диаконом Преображенского храма числился Петр Федоров⁴³. 16 ноября 1943 года псаломщиком был назначен Валентин Червяковский. С 15 января 1944 года псаломщиком Преображенского храма служил Сергей Кожевников⁴⁴. С 19 октября 1944 года в храме должен был служить Константин Кравченко, однако он был арестован. Поводом для ареста стало его участие в Псковской Православной Миссии⁴⁵. 15 марта 1945 года в Преображенский храм был назначен диакон Борис Трубицын⁴⁶.

Со второй половины мая 1945 года протоиерея Николая Македонского сменил иерей Владимир Володин (1915–1959). Владимир Николаевич Володин родился 30 сентября 1915 года в Чернигове, где его отец – уроженец латвийской земли, служил на железной дороге. Когда стало возможно, семья вернулась в Латвию. В 1937 году В. Н. Володин окончил 2-ю Даугавпилсскую государственную гимназию. С 1937 по 1939 год служил в 10 пехотном полку и в роте связи Земгальской дивизии. Некоторое время работал в редакциях рижских газет «Jaunakās ziņas», «Dzelceļnieks» и журнала «Для Вас». В 1939 году поступил в Рижский Православный Богословский институт. Учиться в институте ему довелось

только один курс, так как установившаяся летом 1940 года в Латвии советская власть закрыла все духовные учебные заведения. С лета 1940 года Володин работал на почте, затем – на деревоотделочном комбинате. С 1942 по 1944 год учился на Виленских Богословских курсах. 14 июня 1943 года митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) рукоположил его во диакона. 4 ноября того же года архиепископ Ковенский Даниил (Юзвюк) рукоположил о. Владимира во священника. 1 июня 1944 года о. Владимир Володин был назначен настоятелем Лиепновской Ильинской церкви, которая вскоре оказалась в зоне военных действий. 10 августа 1944 года епископ Иоанн (Гарклавс) подписал указ о назначении о. Владимира настоятелем Болдерайской Спасо-Преображенской церкви⁴⁷.

С окончанием в Видземе военных действий церковное руководство решило перевести о. Владимира на служение в сельские приходы, однако он попросил учесть его семейные обстоятельства и оставить в Риге. В 1940 году о. Владимир обвенчался с Анной Ивановной Смильга. В 1944 году матушка училась и работала в Риге, к тому же в семье Володиных росла дочь⁴⁸. Епархиальное управление после полугодовых раздумий 17 мая 1945 года назначило о. Владимира в рижский Преображенский храм, оставив за ним и Болдерайскую Спасо-Преображенскую церковь, численность прихожан которой едва достигала 100 человек. Болдерайский храм в 1947 году был снят с регистрации, т.е. закрыт.

Советские органы власти отмечали строптивость и непокладистость о. Владимира, похожую характеристику о. Владимиру в отчете за 1947 год по Рижско-градскому благочинию дал и протоиерей Николай Смирнов⁴⁹. Так, например, в конце августа 1947 года от него потребовали, наконец, сдать ключи от Болдерайского храма, пригрозив в случае отказа уволить со службы в

Священник Владимир Володин.
Фотография 1940-х годов

Рижской епархии⁵⁰. Интересно отметить, что в 1950 году, когда храм в Болдерае был закрыт, о. Владимир по-прежнему считался священником, обслуживающим два прихода. Скорее всего, прихожане закрытого Болдерайского храма по-прежнему приглашали о. Владимира для совершения треб.

В декабре 1948 года о. Владимир получил распоряжение снять колокола с колокольни закрытой Болдерайской Преображенской церкви. Большой колокол он должен был передать протоиерею Ф. Ратниску для установки его на колокольне рижской Михаило-Архангельской церкви, два меньших колокола – священнику И. Исаеву, чтобы поднять их на колокольню Малиновской Ильинской церкви. В Спасо-Преображенском храме на Саркандаугаве также не было благовеста, однако священнику Владимиру Володину удалось получить колокола для

храма в Саркандаугаве только осенью 1951 года⁵¹.

Осенью 1948 года о. Владимир поступил на заочное отделение Ленинградской Духовной Академии. В 1949 году он попытался перевестись на дневное отделение, однако получил отказ. Видимо, в это время в семье о. Владимира наметился разлад⁵².

По одним документам, о. Владимир уже в декабре 1951 года не считался настоятелем рижского Спасо-Преображенского храма, а вместо него в качестве настоятеля служил иеромонах Олег (Дмитрук)⁵³. По другим – о. Владимир только с 4 января 1952 года значился выбывшим «из епархии по независящим от него обстоятельствам»⁵⁴. Иначе говоря, он был арестован органами Министерства Государственной безопасности (МГБ) и осужден по печально знаменитой 58 статье УК РСФСР.

В 1956 году после пересмотра дела и снятия судимости, решением Президиума Верховного суда ЛССР от 3 марта 1956 года о. В. Н. Володин был освобожден из мест заключения и вернулся в Рижскую епархию. 7 июня 1956 года о. Владимир был назначен настоятелем Банужской Успенской церкви с обслуживанием также Эженской Вознесенской церкви. Позднее получил назначение на обслуживание Вецпиебалгского молитвенного дома и Талсинской Св. Троицкой церкви. Ко дню Св. Пасхи 1957 года архиепископ Филарет (Лебедев) наградил о. Владимира Володина камиллавкой. 13 января 1959 года о. Владимир Володин был направлен служить в Стамериенскую Александро-Невскую церковь и в Георгиевскую церковь Бауски, однако 1 октября 1959 года скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Служение отца Владимира в рижском Спасо-Преображенском храме началось в непростой для Церкви период восстановления советского режима. Церковь стала подконтрольна Совету по делам Русской

Православной Церкви при СМ СССР – ведомства, регулировавшего отношения Церкви и государства. Ради сохранения приходов и спасения духовенства от репрессий Епархиальное управление было вынуждено идти на уступки режиму. В частности, ежегодно 14 октября (в день освобождения Риги от германских войск), 7 ноября (в день годовщины Великой Октябрьской революции) и другие советские праздники в Рижском кафедральном Христорождественском соборе совершались благодарственные молебны с участием всего Рижско-градского духовенства⁵⁵. Святейший Патриарх Алексий (Симанский, Патриарх Московский и всея Руси в 1945 – 1970 гг.) постоянно напоминал в своих посланиях о необходимости соблюдения церковной дисциплины, однако при этом просил пастырей чаще, как можно более истово и благоговейно, совершать частные требы и молебны, панихиды, отпевания, таинства крещения, исповеди и причащения⁵⁶.

Осенью 1945 года советская власть потребовала от Церкви в Прибалтике заняться сбором пожертвований на инвалидов войны и на восстановление народного хозяйства. 14 сентября 1945 года по всем храмам было разослано следующее распоряжение управляющего Рижской епархией архиепископа Виленского и Литовского Корнилия (Попова): «Вам сообщаются к исполнению следующие предписания: 1) повсеместно по всей епархии духовенство в своих проповедях и частных разговорах должно чаще обращаться к верующим с приглашением усилить сборы и пожертвования деньгами и продуктами в пользу инвалидов Великой Отечественной войны, их семьям и семьям погибших воинов». Сборы предлагалось производить ежемесячно, выделив в приходах для этого особых лиц. «Кроме приглашения к этому прихожан духовенство и церковные организации сами должны принимать

деятельное участие в этой патриотической работе своим личным примером и трудом. (...) 3) на ектениях, великом входе и многолетствовании поминать государственную власть так: «О Богохранимой великой державе Российской, властех и воинстве ея....» На предпраздничной литии после первого моления «Спаси, Боже, люди твоя...» делается следующее второе прошение: «С богохранимой великой державе Российской, властех и воинстве ея, и еже покорити под нозе их всякого супостата»⁵⁷. В протоколах Епархиального управления появились отчеты о сдаче в Госбанк средств в пользу инвалидов войны⁵⁸.

До начала 1947 г. Церковь внесла сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть – в фонд помощи детям сиротам, семьям военнослужащих, на Красный Крест и т.п.⁵⁹ Возросший авторитет Церкви вызывал озабоченность властей. По указанию Совета министров СССР, Патриарх Алексий в феврале 1947 года предписал прекратить сборы пожертвований на патриотические цели. На Церковь было возложено новое усиленное налоговое бремя – обязательная подписка духовенства и прихожан на облигации государственного займа на восстановление народного хозяйства.

Завышенное налоговое обложение вызывало ропот у настоятелей храмов, прихожан. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Латвийской ССР А. А. Сахаров постоянно напоминал, что приходы обязаны участвовать в подписке на облигации государственного займа на восстановление и развитие народного хозяйства. Обязательная подписка в 1947 г. на 2-й заем восстановления народного хозяйства в рижском Спасо-Преображенском храме дала следующие результаты: от служащих храма было получено 900 рублей, от церкви – 500 рублей⁶⁰. В это время зарплата о.

Владимира Володина в Спасо-Преображенском храме составляла 300 рублей в месяц. В Болдерайском Преображенском храме, в котором не было диакона и псаломщика, о. Владимир ежемесячно получал 200 рублей⁶¹.

В 1950 году, когда был проведен пятый государственный займ, в храме за наличные деньги были куплены облигации на сумму 700 рублей⁶².

Новая власть потребовала сдать в ЗАГС все церковные метрические книги за период с 1870 по 1941 г. и др.⁶³

В 1946 году о. Владимир Володин, как и другие настоятели латвийских православных храмов, получил новое предписание о траурных процессиях. В предписании говорилось, что в Рижском благочинии были случаи «выносов покойников из дому в церковь или на кладбище с похоронной религиозной процессией по улицам», однако советскими законами «не разрешаются никакие религиозные процессии духовенства вне церковных или кладбищенских оград». Таким образом, публичные проводы усопшего в последний путь стали противозаконными. Изменялись также правила посещения больниц и приютов для причастия больных Святым Тайнам или крещения детей: «Настоящим Вам сообщается к сведению и исполнению, что религиозный обряд может быть совершен в этих государственных и общественных местах только с письменного разрешения начальника или директора этих учреждений, каковое священнику должны предоставить родственники находящиеся в больнице больных»⁶⁴.

В послевоенные годы остро встал вопрос о церковной собственности. Повсеместно приходские дома незаконно захватывались, церковная земля использовалась частными лицами и органами государственной власти в качестве огородов, для других целей⁶⁵. 14 мая 1945 года о. Владимир Володин сообщил Епархиальному управлению, что

«причту Болдерайской Спасо-Преображенской церкви присланы квитанции на уплату за помещение, занимаемое церковью. Общая сумма платы за помещение руб. 696, 99. На каждый месяц в дальнейшем за помещение следует оплатить сумму в размере руб. 199, 14. Доношу до Вашего сведения, что дом, в котором находится церковь, национализирован в 1940 году и что органы советской власти никакого требования платы за помещение не предъявляли. Также и в дальнейшие 1941-42-43-44 годах церкви не предъявляли никакой платы за помещение. Теперь же церкви следует уплатить, считая с октября месяца 1944 года. Принимая во внимание все вышеизложенное, мы считаем это новое постановление неправильным и просим Епархиальное управление ходатайствовать об освобождении церкви от платы за помещение»⁶⁶.

Священник Владимир Володин, как правило, сам решал приходские проблемы. Приходской Совет, именовавшийся во время советского режима «двадцаткой»⁶⁷, играл роль совещательного органа, поскольку был лишен возможности изыскивать средства на содержание и ремонт храма. Если правительство Латвийской Республики выделяло средства на ремонт Спасо-Преображенского храма, то от новой власти получить помощь было нереально. 15 августа 1949 года Епархиальное управление направило настоятелю и приходскому Совету Рижской Преображенской церкви письмо, в котором сообщило, что «Епархиальный Совет на заседании своем от 22 июля 1949 г. постановил вменить в обязанность Церковному совету Рижской Преображенской церкви немедленно приступить к ремонту крыши церкви, пока она еще легко поправима»⁶⁸.

Последующие два с половиной года для о. Владимира прошли в постоянной заботе о ремонте крыши храма и самого здания, о ремонте ограды и о подводке к

храму водопровода. Ссуду на ремонтные работы выдало Епархиальное управление, но ее нужно было погашать, что для маленького прихода было крайне трудно⁶⁹. В отчете о ремонте крыши за 23 августа 1950 года сообщалось, что «работы мастера – живописца Тимофеева Н. А стоили 4950 руб., работы мастера – жестянщика стоили 350 руб., оплата труда В. Шервинского (принимал работу) – 50 руб. Вся работа обошлась в 5350 руб.»⁷⁰. Помощь прихожан была незначительной, поскольку к 1950 году численность прихожан Преображенского храма уменьшилась с 200 (по данным на начало 1947 года) до 100 человек. Ежемесячная заработная плата настоятеля исчислялась в 550 рублей, псаломщицы О. Кудрявцевой – в 250 рублей⁷¹.

Сохранилась переписка о. Владимира Володина с Епархиальным управлением по вопросу причтового дома, от которого приход 1 января 1950 года был вынужден отказаться в пользу Исполнительного Комитета Совета депутатов трудящихся Сталинского района города Риги (И. К. С. Д. Т. С. р. г. Риги). По «Статистическим сведениям о религиозных обществах и служителях культа Русской Православной церкви в СССР на 1950 год», причтовый дом Преображенского храма значился как сарай, поэтому его не было в инвентарных актах и за него не уплачивался налог или страховка⁷². Приходской Совет согласился передать это здание и прилегавший к нему земельный участок райисполкому, однако попросил оставить в распоряжении храма квартиру на втором этаже для оборудования в ней канцелярии и крестильной комнаты. Эта просьба не была выполнена. Дом к этому времени уже был заселен, тем не менее городские власти потребовали от о. Владимира провести за счет общины Преображенского храма капитальный ремонт дома и ограды вокруг него. Кроме того, несмотря на передачу дома и земли государству, финансовый

отдел Сталинского района Риги потребовал от Преображенской церкви оплатить налог на дом и землю. К этому времени вокруг бывшего приходского дома появились огородные участки жильцов, однако церковь, разумеется, не имела права требовать с них плату за пользование землей.

В конце 1951 года священник Владимир Володин был обвинен «в контрреволюционной деятельности, в подрыве или ослаблении власти рабоче-крестьянских Советов» и осужден по ст. 58-100. I. УК РСФСР сроком на 10 лет лагерей⁷³. Возвратившись в 1956 году в Латвию, он не имел права жить ближе, чем в 100 километрах от больших городов. Да и место настоятеля в Спасо-Преображенском храме Риги было уже занято. Сохранилось письмо о. Владимира епископу Рижскому и Латвийскому Филарету (Лебедеву) о том, что 16 августа 1956 года к нему «явились представители прихожан бывшей Болдерайской Спасо-Преображенской церкви и просили моего ходатайства пред Вашим Высокопреосвященством об устройстве кладбищенской часовни для обслуживания в Болдерае на православном кладбище. Поселок Болдерая остро нуждается в православном храме и служении. Будучи настоятелем бывшей Болдерайской Спасо-Преображенской церкви, я сочувствую верующим Болдераи, согласен приспособить часовню для служения и приезжать совершать службу Божию, на что испрашиваю Ваше Архипастырское благословение»⁷⁴. Однако иерею Владимиру Володину более не было суждено окормлять Преображенские храмы Риги и Болдераи.

Рижскому Спасо-Преображенскому храму чуть более 120 лет. Тридцать лет из его интересной истории связаны с именами протоиерея Николая Македонского и священника Владимира Володина, которые любили паству и скромный приход «не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3, 19).

Примечания

- 1 Историческое название увековечило пребывание на этой территории князя Александра Меншикова и взятие Риги в июле 1710 года войсками Петра Первого.
- 2 Отчет о деятельности Рижского Петро-Павловского братства за 1874. Рига: Русская Типография А. И. Липинского. 1875. – С.7-8.
- 3 Латвийский Государственный Исторический архив (далее – ЛГИА), фонд 7469, опись 1, дела 222, 229, 233; фонд 7469, опись 2, дело 414. См. о храме: «Рижские Епархиальные Ведомости». Рига, 1890. – С. 576 – 579; Н. Д. Дёмина Рижская Преображенская Церковь. Исторический очерк. Рига, издание ЛПЦ, 2005; Rīgas Dievnamī. Arhitektūra un māksla. Rīga, Zinātne, 2007; Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010. и др.
- 4 ЛГИА, ф. 10, оп. 3, д. 124 – Дело строительного отделения Лифляндского губернского управления. Об утверждении проекта перестройки Рижской Преображенской церкви.
- 5 Некролог // Рижские Епархиальные Ведомости, 1896 г.- С. 283.
- 6 В армии он служил при 2-м лазарете 107-й пехотной дивизии, затем был назначен полковым священником 428 пехотного Лодейнопольского полка.
- 7 Уведомление Синода ЛПЦ за № 58 о его награждении с 30/17 декабря 1922 года саном протоиерея о. Николай Македонский получил 12 января 1923 г. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 830, л. 2.
- 8 ЛГИА, ф.7469, оп. 1, д. 3, л. 25 – сопроводительное письмо от 20 августа 1936 года для 2-й части Устава ЛПЦ в Управление Духовных дел подписано о. Н. Македонским.
- 9 «Вера и Жизнь», 1936, № 10. – С. 228.
- 10 «Вера и Жизнь», 1936, № 4- С. 128. Здесь помещен отчет о движении сумм Вдовьего дома, которым управлял о. Николай Шалфеев, заведующим и казначеем был о. Н. Смирнов, секретарем был о. Н. Македонский.
- 11 «Вера и Жизнь», 1939, № 7. – С. 164.
- 12 В деле Краснодвинской городской основной школе № 10 фонда Русского отдела Министерства образования Латвии сохранилось заявление протоиерея Николая Македонского, в котором батюшка писал: «Покорнейше прошу утвердить меня преподавателем латышского языка Краснодвинского русского основного училища, так как Школьным департаментом предоставлены мне полные права учителя шестиклассного основного училища. Временное свидетельство выдано 11 сентября 1922 года № 3974. Николай Македонский. Рига, 13 августа 1923 г.». См.: ЛГИА, ф. 2125, оп.1, д. 573, л. 1.
- 13 Личное дело учителя Николая Македонского за № 13366 хранится в ЛГИА, в фонде личных дел учителей (ф. 1632, опись 1).
- 14 А. Я. Лапин (Лапинь) был уроженцем Елгавы, родился в 1875 году, проживал по адресу Рига, улица Тилта 14, кв. 1.
- 15 Долгие годы семья Варфоломеевых была связана с Преображенским храмом. Главой семьи был Варфоломеев Степан (Стефан) Варфоломеевич, 1878 года рождения. Его супруга Ксения родила троих сыновей: Георгия (1901 г. рожд.), Семена (1904 г. рожд.) и Николая (1913 г. рожд.). До 1 августа 1914 года семья проживала в Риге, по ул. Синамя 3-а, кв 35. С августа 1915 года до 1920 года семья находилась в эвакуации, проживала в Москве. Степан Варфоломеев имел паспорт нансениста. В январе 1928 года Степан Варфоломеев подал 5 свидетельств о рождении (свое, Ксении, Георгия и 2 несовершеннолетних сыновей) и др. документы для получения латвийского гражданства. См.: ЛГИА, ф. 2996, оп. 20, д. 5321. Все сыновья С. В. Варфоломеева не только получили школьное образование, но и стали слушателями Рижской Духовной семинарии (ЛГИА, ф.7416, оп. 2, д. 8). Николай Варфоломеев служил священником рижского Покровского храма, о. Семен Варфоломеев был священником Рижского кафедрального Христорождественского собора.
- 16 Прихожане посильно помогали обустроить храм и обновлять его ризницу. Так, в сентябре 1930 года о. Николай попросил Владыку Иоанна архипастырского благословения на выдачу грамоты для Александры Викентьевны Приде «за чистку и починку одежды священников и церковной одежды, за пожертвования в размере 25 000 рублей». См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 830, л. 78.
- 17 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 830, л. 8.
- 18 Там же, л. 10.
- 19 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 830, л. 6.
- 20 Там же, л. 16, 54.
- 21 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 830, л. 102. См. там же, ф. 7469, оп.1, д. 1194.
- 22 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 839, л. 1. Протокол общего собрания прихожан Преображенского прихода от 7 февраля 1937 года.

- 23 «Вера и Жизнь», 1936, № 9. – С. 205 – 206: «Во время Литургии был рукоположен в сан диакона окончивший в 1936 году курс Духовной семинарии Арсений Колиберский, получивший назначение на место второго священника при Аугшпилской церкви (в Латгалии). После запричастного стиха прот. И. Янсон сказал слово о необходимости духовного преображения в жизни христианина. В конце Литургии сам Владыка обратился к народу со словом поучения, призывая верующих подражать вере и благочестию апостолов, которые подражали своему Божественному Учителю, чтобы сподобиться войти в ту славу Сына Божия, которую увидели, как могли, на Фаворе три апостола. Храм был переполнен прихожанами, следившими за богослужением и выслушавшими назидательное поучение Архипастыря. После Литургии, по традиции, местный долгодетельный и особо уважаемый прихожанами церковный староста А. Я. Лапин предложил Владыке, духовным и почетным прихожанам трапезу, во время которой было высказано несколько взаимных приветствий и пожеланий. Были отмечены заслуги церковного старосты, взявшего на себя заботы по охране и ремонту храма, когда последний с 1915 года оказался без присмотра, во время войны и революции подвергался значительной порче и до 1922 года не имел своего настоятеля; крупная заслуга того же старосты состоит еще и в том, что приход имеет теперь свой дом, арендуемый ныне городом для основной школы, что дает некоторые средства на содержание церкви и причта».
- 24 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 839, л. 2, 4 – 6, 8 – 9.
- 25 Там же, ф. 1632, оп. 1, д. 21695, л. 1.
- 26 Там же, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 29.
- 27 Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: «Алаборг», Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря. – 2009. – С. 113, 114-122.
- 28 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 35. 12 декабря 1940 года Епархиальный Совет ЛПЦ удовлетворил просьбу Александра Лапина и освободил его от обязанностей церковного старосты по собственному желанию. Митрополит Августин (Петерсонс) поблагодарил А. Лапина за его многолетний и плодотворный труд на благо Преображенского прихода и выразил сожаление по поводу его ухода с должности старосты.
- 29 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 42- 43.
- 30 Там же, д. 256, л. 15.
- 31 «Ведомость ежемесячных взносов от приходоов на содержание Латвийской епархии в 1943 году».
- Рижско-градское благочиние: Рижский кафедральный собор – 100 рм; Александро-Невская церковь – 60 рм; Благовещенская церковь – 30 рм; (...) Рижская Спасо-Преображенская церковь – 20 рм; Болдерайская Преображенская церковь – 5 рм. При этом Старо-Пиебалгский приход платил, например, лишь о, 50 рм. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 77, л. 98.
- 32 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 46- 47.
- 33 Там же, л. 48, 50.
- 34 ЛГИА, ф. 7469 оп. 2, д. 256, л. 1. Также в фонде 7469 (оп. 1, д. 20,) ЛГИА сохранилось обращение епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) к пастве, которым он назначил протоиерея Николая Македонского управляющим епархией: «Mans mīlotājs ganāmpulks! Mūsu Kunga Jēzus Kristus žēlastība un miers lai ir Jums! Kara apstākļu dēļ esmu spiests uz kādu laiku atstāt manu Biskapa rezidenci Rīgā. Garā es bušu vienmēr ar Jums. Es ceru, ka mūsu šķiršanās neilgs. Esat modri un lūdzat Dievu, lai Jūs nekristu kārdināšanā. Es ticu, ka pēc mūsu dienu Golgatas nakts atkal atspīdēs par mums Augšāmcelšanās gaišais rīts. Patiesi, patiesi lai notiek Tavš prāts, ak Kungs! Lidz manas atgriešanās brīdim Rīgā uzdodu Latvijas Eparhijas pārvaldīšanu Latvijas Eparhijas Padomes priekšsēdētāja biedram virspr. N. Makedonskim kopā ar Eparhijas Padomi par ko virspr. N. Makedonskim ir dots Rikojums. Rīgā, 21 septembrī 1944.g.»
- 35 ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 256, «Личное дело Н. Македонского». За годы служения Церкви им были получены следующие награды: набедренник (24.12.1902), скуфья (02.01.1907), камилавка (14.03.1912), наперсный крест от Св. Синода РПЦ (26.06.1917), наперсный крест – приказом протопресвитера армии и флота (09.11.1917), возведен в сан протоиерея (02.01.1923), палица (12.06.1931), митра (27.10.1942). Митрофорный протоиерей Николай Македонский скончался 3 июня 1954 года, нашел свой последний приют на Покровском кладбище г. Риги. См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 417, л. 163- 164.
- 36 ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 379. «Личное дело Варфоломеева Георгия Степановича». Отец Георгий после окончания Рижского Духовной семинарии служил в Курземе – на Колке, затем стал священником Далнинского Ильинского прихода Вялякского благочиния, обслуживал Педезский Ильинский и Кудупский Спасо-Преображенский приходы.
- 37 ЛГА, ф. 1452, оп. 3, д. 1, л. 93.
- 38 Обозный К. П. История Псковской Православной Миссии 1941 – 1944 гг. Москва, Издательство

- Крутицкого подворья, 2008; Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: «Алаборг», Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря. – 2009.
- 39 ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 134, «Дело Цыпурдиева Алексея Владимировича». С 10 ноября 1930 года до 19 марта 1932 – псаломщик Рижского Спасо-Преображенского храма. По сведениям проф. А. Гаврилина, осенью 1944 года о. Алексей покинул пределы Латвии. Служил в приходах Дании.
- 40 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 222, л. 7, 17.
- 41 Там же, д. 830, л. 72.
- 42 Там же, д. 380, л. 8-9; д. 831, л. 29.
- 43 Там же, оп. 1, д. 229, л. 3.
- 44 Там же, д. 831, л. 41, 48-а. Сергей Кожевников (позднее – о. Сергей Гарклавс) стал протоиереем Православной Церкви в Америке. После кончины архиепископа Иоанна (Гарклавса) с 1982 г. стал хранителем иконы Тихвинской Божьей Матери. См. более подробно о судьбе отца Сергия (Гарклавса) в книге Гаврилина А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб, Алаборг, Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря. – 2009.
- 45 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 79, л. 189; оп. 2, д. 219. «Личное дело Константина Кравченка».
- 46 Там же, оп. 1, д. 79, л. 134.
- 47 ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 420, л. 58.
- 48 Там же, д. 420, л. 57.
- «Латвийскому Епархиальному управлению настоятеля Болдерайской Преображенской церкви священника Владимира Володина,
- Прощение
- В связи с резким изменением числа временных (беженцев) прихожан я очутился в безвыходном материальном положении. Приход не может содержать священника. Посещаемость Богослужений слаба, доходы незначительны, треб нет никаких. Жалованья я последний раз получал в сентябре сего года. У меня нет никаких средств к существованию. Продавать больше нечего. На моем иждивении находится семья, состоящая из четырех человек. Моя жена поступила в университет, и мне одному придется добывать средства к существованию. Выехать в провинцию я не могу, ибо жить на два дома в теперешнее время невозможно. Принимая во внимание все вышеизложенные обстоятельства прошу назначить меня священником в один из приходов в городе Риги.
- Свящ. В. Володин
Рига 19 декабря 1944 г.»
- 49 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 1175, л. 103-104. – «Преображенская церковь. В состав причта входят 2 члена: священник и диакон. Свечей куплено 11 кг и все в Епархиальном складе. К православию присоединен 1 человек. Посещаемость богослужений увеличилась на 5%. Ремонт не производился. Справка от Уполномоченного получена только на священника. Отчет о совершении богослужений и произнесения проповедей не может быть доложен, так как настоятель священник Володин не представил при ревизии богослужебного журнала. Священник Володин отличается недисциплинированностью и некоторыми странностями своего поведения».
- 50 ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 420, л. 42; ЛГА, ф. 1452, оп. 3, д. 3, л. 192.
- 51 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 52, 86.
- 52 Там же, оп. 2, д. 420.
- Высказанное предположение подтверждает письмо сестры о. Владимира в Епархиальное управление от 11 ноября 1959 года: «Простите, что я не знаю, как к Вам обратиться. Посылаю Вам некоторые квитанции моего брата отца Владимира. Они попали ко мне случайно, когда после похорон брата я вынуждена была зайти в ту страшную семью и попросила от имени моих родителей, чтобы они отдали ту одежду, в которую в последний день жизни был одет мой брат и сын моих родителей (папа и мама боялись зайти в их дом), но бывшей жены мать мне в обмен на новый костюм, не иначе, отдала ватную куртку и ватные брюки, в которых лежали два адреса и вот эти квитанции, которые я здесь высылаю Вам, может быть они нужны Вам в дело. Мои отец и мать хотя бы приехать и поговорить с Вашим высшим духовенством».
- 53 ЛГА, ф. 1452, оп. 1, д. 11, л. 16.
- 54 ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 420, л. 15.
- 55 Там же, оп. 1, д. 79, л. 49, 61, 98.
- 56 Там же, оп. 1, д. 380, л. 84.
- 57 Там же, л. 82.
- 58 Там же, д. 79, л. 70.
- 59 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – С. 345.
- 60 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 1175, л. 75. – Данные подписки на 2-й государственный займ восстановления народного хозяйства по некоторым рижским храмам. От Болдерайской Преображенской церкви, которую обслуживал батюшка Владимир Володин, от служащих получено 325 руб., от церкви – 300 руб., всего 625 руб. Кафедральный собор: от служащих получено 9 600 руб., от церкви – 5 тыс. руб., всего 14 600 руб. Александро-Невская

- церковь: от служащих 3 300 руб., от церкви – 2 тыс. руб., всего 5300 руб. Покровская церковь: от служащих 5 800 руб., от церкви – 3 тыс. руб., всего 8 800 руб. Троице-Задвинская церковь: от служащих 1 500 руб., от церкви – 1 тыс. руб., всего 2 500 руб. Скорбященская церковь: от служащих 250 руб., от церкви – 100 руб., всего 350 руб.
- 61 Там же, л. 261.
- 62 ЛГА, ф. 1452, оп. 1, д. 10, л. 2, 60.
- 63 ЛГИА, оп. 1, д. 380, л. 81.
- 64 Там же, д. 380, л. 88.
- 65 Там же, д. 79, л. 110, 113.
- 66 Там же, оп. 2, д. 420, л. 70.
- 67 25 апреля 1950 года прошло очередное заседание приходского Совета по вопросу о ремонте храма, на котором присутствовали: священник Владимир Володин, помощник старосты О. Кудрявцева, казначей В. Варфоломеева и члены двадцатки: Н. Кан, О. Третьякова, А. Страутманис, М. Веселова. К этому времени заседания Совета проходили уже не в причтовом доме, а на квартирах прихожан (например, по улице Симаню д. № 6, кв. 56). См.: ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 55, 57-58.
- 68 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 53.
- 69 Там же, л. 85, «Заявление Епархиальному Совету от 2.VII.1951 г. от церковного Совета с просьбой освободить от уплаты долга за ссуду на ремонт церковной крыши в сумме 3000 руб.»; там же, л. 87, «Заявление от 2.VII.1951 г. Епархиальному Совету от церковного Совета с просьбой о снижении процентных взносов с валового дохода с 4% до 2% в месяц».
- 70 ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 831, л. 76-77. – «Сведения от 20.VII.1951 г. о ремонтных работах, произведенных в первой половине 1951 года: 1) восстановлен церковный забор, 2) установлена своя водоснабженная система (водяной насос-пумпа), которая будет действовать также и зимою, 3) Св. икона Преображения Господня за давностью была совершенно темная и нельзя было ничего различить. Теперь св. икона Преображения Господня полностью обновлена. В данный момент изыскиваются средства на ремонт самого здания».
- 71 ЛГА, ф. 1452, оп. 1, д. 10, л. 2, 64.
- 72 Там же, л. 25.
- 73 Священник Владимир Володин// Андрей Голиков, Сергей Фомин. Кровью убежденные. Мученики и исповедники Северо-запада России и Прибалтики (1940–1955). Москва, Паломник, 1999. С. 203 – 204.
- 74 ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 420, л. 24.

Приложение

ЛГИА, фонд 7469, опись 1, дело 831.

л. 66 – 67. Сведения о ремонте крыши кровли Преображенского храма на 22 мая 1950 г.

Сведения о бывшем церковном доме. Состояние дома прежнее. Кровля починена, как мы об этом Вам сообщали. Также и забор исправлен. Недавно мне сообщили, что приходила какой-то представитель от исполкома, осмотрел произведенные работы и остался, якобы, недоволен. Официально нам никто ничего не сообщал. Мне передали устно, что представитель исполкома потребовал поставить забор «лукус», выкрасив его масляной краской, ибо здесь недалеко парк. Также этот представитель выразил свое неудовольствие по поводу того, что огород со стороны улицы огорожен колючей проволокой, что также якобы портит вид. Что касается дальнейшего ремонта

бывшего церковного дома, то по этому вопросу мы написали три (3) заявления командиру Войсковой части № 74-58. На все эти три заявления командир части не соизволил даже ответить. Итак, подписанный договор между нами и Войсковой частью № 74-58 пока что остается на бумаге. Из В/ч № 74-58 мне сообщили, что ремонт дома начнется в июне месяце 1950 года. Мы думаем по этому вопросу обратиться в высшую инстанцию. Также было написано второе заявление исполкому о зачислении земельного участка около дома в земельный фонд, но ответа на это заявление нет. Земля ремонта не требует и может быть принята в государственный земельный фонд. Также нет ответа на наше второе заявление о принятии дома исполкомом в свое ведомство. Думаем по этим вопросам в третий раз обратиться в исполком и,

если не будет положительного ответа, то обратиться в высшую инстанцию. По решению этих вопросов просим Вашего распоряжения. Таково положение дома и земельного участка на 22 мая 1950 года. Свящ. В. Володин, настоятель Рижской Преображенской церкви. 22.V.1950 г. г.Рига.

л. 69 – 71. Протоиерею А. Лисману, секретарю Епархиального Совета Православной церкви, А. С. С. Р. [Латвийская Советская социалистическая республика]

(...) 4) Что касается бывш. церковного дома, то и здесь я могу сообщить, что этот вопрос также многократно освещался мною в моих донесениях Епарх. Совету. Как Вам уже известно, дом требовал колоссальных средств на свое содержание (на что я прилагал и свои личные средства), что церкви было не под силу, посему с благословения Е. В. П. В. Пр. [Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего] Митрополита Вениамина и Вашего согласия дом был передан И. К. С. Д. Т. С. р. [Исполнительному Комитету Совета депутатов трудящихся Сталинского района] г. Рига. Затем Ваше предложение о созыве церковного Совета и о вынесении им постановления относительно требования предоставления комнаты в распоряжение церкви в доме было выполнено. Совет был создан, постановление было вынесено. Заявление о предоставлении комнаты в распоряжение церкви было написано мною на имя Епарх. Совета в канцелярии Епарх. Совета согласно Вашего распоряжения в присутствии Вас и члена Епарх. Совета Е. В. Б. о. прот. П. Берзиня. Затем я еще сам писал заявление на имя исполкома и сам с этим заявлением ходил туда, но успеха не имел, ибо мне вернули (...) мое заявление и заявили мне, что закон С. С. С. Р. не разрешает выселять кого-либо из квартиры без предоставления соответствующей жилплощади, на что мне пришлось только согласиться. Осмелюсь доложить, что каждая комната в доме занята целой семьей. Кроме того, жильцы дома мне сказали, что если кого-либо из них будут выселять, то они напишут об этом в газету и в Ц. К. В. К. П. (6) [Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков] Латвии. Так как я не желал иметь такую популярность, а главное – иметь дело с ЦК партии, я решил оставить этот вопрос открытым до первого удобного случая. К сему ответу прилагаю акт передачи бывшего церковного дома. Считаю, что и этот вопрос мною выполнен в точности. 5) Что касается других постановлений Епархиального Совета, то я всегда стараюсь выполнить их как можно лучше, и невыполнение этих постановлений (от независимых от меня обстоятельств)

меня очень тяготит и не дает мне покоя. Я знаю, что церковь в долгу перед Епархиальным Советом: а) Не уплачены 4% обложения. б) Не уплачены долги за выданные материалы. в) Не уплачена ссуда на ремонт. г) Не уплачены другие взносы. Все это тяжелым камнем лежит на моем сознании. В прошлые годы я был сам в лучших материальных условиях и на личные средства покупал для церкви ладан, вино, крестики, свечи, лампадное масло, производил мелкие ремонты, отдавал в химическую чистку облачения, оплачивал хористов, нанимал рабочих по очистке территории и пр. Теперь я живу на те средства, кои имею от церкви, а средства эти очень ограничены, так что я очень мало что могу дать церкви. В 1950 году на церковь был возложен большой налог (больше 4-х тысяч рублей), кроме того ремонт требовал также немало средств (более 5000 рублей), вот почему в этом году церковь переживает большой денежный кризис. До 23-го августа мы два раза снижали наши небольшие и так денежные оклады жалования, из-за чего я слышал много нареканий со стороны служащих церкви по моему адресу. Но если я этого не проделал бы на Совете, то у нас вообще не было бы денег на уплату жалования, не говоря уже о покупке материалов и взносов в Епархиальный Совет. Но если не делать взносы в Епархиальный Совет, то опять, оказывается, в этом виноват не денежный дефицит, а настоятель церкви, опять-таки с Вашей стороны я получал бы много нареканий из-за этого. И. К. С. Д. Т. С. р. г. Риги потребовал от меня, чтобы я произвел капитальный ремонт забора и окрасил его в светло-зеленую краску, дав срок на это до 10-летия Сов. Латвии. В ответ на это я заявил исполкому, что производить этого ремонта я не могу за неимением средств. В 1951 году необходимо окрасить все здание церкви, необходимо реставрировать забор, на что потребуются опять много средств. Кроме того, нужны свечи, крестики и прочие хозрасчеты, взносы в Епархиальный Совет и пр., пр. Как упорядочить финансовый вопрос? Если не оплачивать хористов – не будет хора; если не будет хора – не будет и подобия благолепия службы; если не будет благолепия службы – не будет посещаемости; не будет посещаемости – не будет жалования, материалов, взносов... Единственный выход – это освободить церковь от взносов хотя бы в течении 1950 года, не требовать возврата ссуды на ремонт; выдать церкви ссуду на дальнейшее продолжение ремонтов. Таковая мера поможет церкви оправиться, стать на ноги и в дальнейшем производить нормальные взносы, приобретение материалов и прочие хоззатраты, о чем и прошу Епархиальный Совет не отказывать, а пойти нам навстречу. В отношении меня лично очень прошу относиться ко мне более справедливо, чем до сих

пор. г. Рига 23.08.1950 г. Свящ. В. Володин Настоятель Рижской Преображенской церкви.

л. 81 – 82. Епархиальному Совету Православной церкви ЛССР

Копия Протокол № 25

Протокол заседания церковного Совета Рижской Преображенской церкви 11 июня 1950 г.

Повестка дня: Вопрос бывшего церковного дома.

Слушали: Настоятель церкви доложил собранию о положении бывшего церковного дома в г. Риге, по ул. Межа проспект № 88. (...) Настоятель церкви доложил следующее: 1) Согласно устного распоряжения Исполнительного комитета Сталинского района г. Риги и Уполномоченного по делам Русской Православной церкви, а также с благословения Е. В. П. Высокопр. Вениамина, Митрополита Рижского и Латвийского и с разрешения Епархиального Совета, дом и прилегающий к нему земельный участок был передан в распоряжение И. К. С. Д. Т. Сталинского района г. Рига. 2) Русская Православная церковь отказалась от вышеозначенных объектов, считая с 1 января 1950 года. 3) И. К. С. Д. Т. Сталинского района г. Рига отказался принять дом и земельный участок под свое ведомство, поручив Р. Пр. церкви до 1 июля 1950 года произвести капитальный ремонт дома и до 1 мая 1950 года исправить поврежденный забор. 4) Забор был исправлен до 1 мая 1950 года. Капитальный ремонт дома церковь производить не может из-за отсутствия средств на это. 5) В виду отказа от дома церковь не получает никакого дохода от дома с 1 января 1950 года. 6) Дом всегда сдавался в аренду согласно договора в таком виде, в каком он находится. Необходимые ремонты обязывались производить арендаторы. 7) Дом желает принять под свое ведомство войсковая часть, занимающая сейчас дом.

Выслушав сей доклад настоятеля церкви, собрание единогласно

Постановило: 1) Передать дом и прилегающий к нему земельный участок в ведение той организации, которая пожелает принять вышеозначенные объекты в таком виде, в каком они находятся в данный момент. 2) Просить об оставлении в распоряжении рижской Преображенской церкви квартиры в доме на втором этаже (чердачное помещение) для устройства канцелярии и крестильной комнаты. 3) Передать рассмотрению этого решения Епар. Совету и Уполномоченному по делам Русской прав. церкви. (...) Рига 12 июня 1950 г.

л. 83. Е. В. Б. Рижскоградскому благочинному протоиерею отцу Николаю Смирнову

Настоятеля Рижской Преображенской церкви священника

Владимира Володина,

Заявление

На предпоследнем общем собрании всего Рижскоградского духовенства были выработаны предельные нормы взносов на центральные учреждения Епархии от церквей города Риги. Общее собрание констатировало прискорбный факт снижения доходности приходских сумм, невзирая на усердное служения духовенства и на обращения его к пастве о заботе над церковью и на увеличения ее благолепия. В связи с создавшимся новым финансовым положением церковью города Риги Вами, В. Б., были выработаны новые заниженные нормы взносов на центральные учреждения Епархии для всех церквей города Риги, за исключением Рижской Преображенской церкви, норма взносов которой были Вами, В. Б., увеличены, невзирая на протесты настоятеля церкви и на справедливые глубокопродуманные замечания их В. Б., отцов настоятелей других церквей, хорошо знающих местные условия, в которых находится Рижская Преображенская церковь. Разрешите мне доложить Вам, В. Б., об этих условиях:

1) Рижская Преображенская церковь находится на окраине города в разбросанном редконаселенном рабочем районе города, вдалеке от удобных средств сообщения, что отзывается на посещаемости церкви верующими людьми прихода. 2) Посещаемость церковных служб очень слаба и незначительна, что отзывается на финансовом положении церкви. 3) Богослужения утренние и вечерние седмичных дней почти совсем не посещаются, за исключением двух-трех верующих старушек. 4) прихожане церкви состоят из малоимущих людей. Тарелочные сборы незначительны, свечной доход слишком слаб, пожертвования и другие взносы почти совершенно отсутствуют. 5) Основная масса прихожан состоит из верующих людей – старушек, которые от всей души рады помочь делу и советом и средствами, но они сами живут на иждивении своих родственников, а потому ничего не имеют, должны работать дома по хозяйству, смотреть за детьми и не всегда имеют счастливую возможность посетить церковь. Случайным посетителям церкви, конечно, мало интересно финансовое положение церкви. Пришел, постоял, послушал и ушел, чтобы явиться вновь через два-три месяца. 6) Весь Великий пост, за исключением последних дней страстной седмицы, я служил при совершенно густоюющей церкви. 7) Во время всех этих служб горело электричество, теплялись лампы,

курился огонек ладана, потреблялось вино, просфоры, все эти расходы не покрывались теми доходами, которые имели место при этих богослужениях. 8) Хор слишком слаб и незначителен, между тем благолепие церковных служб требует пополнения его, на что не могут быть выделены необходимые средства, ибо никак не удастся скопить подходящую сумму для этого. 9) Здание церкви нуждается в обновлении, на что требуются немалые средства. 10) понизить жалование служащим нельзя, ибо оно и так невысоко, еле-еле покрывающее насущные нужды служащих церкви.

Принимая во внимание все вышеизложенное, прошу В. В. Б. снизить взносы на центральные учреждения Епархии для Рижской Преображенской церкви до следующих предельных норм: ежемесячные взносы до 50 рублей в месяц. Освободить от 3% взноса валового дохода.

Надеюсь на Ваше благосклонное разрешение моей просьбы.

Свящ. В. Володин

12.V.1948 г. (резолюция благочинного: снизить до 100 руб.)

Мемуары

Воспоминания архитектора В. М. Шервинского

В. М. Шервинский (1894-1975) – один из ведущих латвийских архитекторов межвоенного периода. В 1923 году он был назначен Синодальным архитектором Латвийской Православной Церкви. С 1923 по 1951 год талантливый архитектор разработал около 30 проектов постройки новых или капитального ремонта старых латвийских православных храмов, спроектировал и построил десятки зданий гражданской архитектуры. 5 декабря 1951 года В. М. Шервинский был арестован органами НКВД, находился в заключении до 16 ноября 1955 года. Вернувшись в Ригу, архитектор работал в проектной конторе Рижского горисполкома продолжая, проектирование жилых и общественных зданий.

Первая часть воспоминаний В. М. Шервинского была опубликована в 7-м выпуске сборника «Православие в Латвии» (Рига: Филадельфия, 2008), вторая – в 8-м выпуске сборника (Рига: Филадельфия, 2010). Продолжаем публикацию его уникальных воспоминаний, написанных архитектором во время заключения в Устьвымлаге в Республике Коми. Как и первые две части воспоминаний, так и данную, третью часть, подготовил к публикации внук В. М. Шервинского архитектор Эйженс Упманис.

ИОАННОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Одновременно со строительством в Тюршино оказалась крупная церковная работа и в Риге. На Московском форштадте в 1913 году по проекту Епархиального архитектора Лунского¹ (у которого мы в 1905 году жили на даче в Cesis'e), началось строительство большой церкви – Собора Московского форштадта. Война помешала и церковь осталась недостроенной. Очень энергичный настоятель Иоанновского прихода о. Николай Шалфеев² не мог удовлетвориться старой деревянной церковью и решил, как бы трудно это не было, взяться за достройку нового храма.

Деревянная Иоанновская церковь – самая старая из православных церквей в Риге, не считая Алексеевской церкви, которая, однако, как я уже писал, передана была католикам. Иоанновская церковь раньше находилась на Всехсвятском кладбище и уцелела во время пожара 1812 года, когда отцы города, предполагая приближение неприятеля, дали приказ сжечь все окраины – форштадты. Уцелела церковь благодаря тому, что была окружена деревьями большого кладбища. Когда в 90-х годах прошлого столетия на Всехсвятском кладбище началось

Иоанновская церковь в Риге. Фотография
В. Шервинского. Около 1930 г.

строительство нового каменного храма, старая деревянная церковь была перенесена на Иоанновское кладбище.

Вместе с дядей Мишей³ мы произвели первый осмотр. Огромный пятиглавый храм – немногим меньше кафедрального Собора – красивый по своей архитектуре, во время постройки попал в руки недобросовестного подрядчика. Надзор был недостаточным, а, может быть, и формальным. Епархиальный архитектор Лунский был одновременно и губернским инженером, был перегружен работой и, очевидно, слишком доверился подрядчику. Все сводчатое перекрытие храма покоится на четырех основных столбах, а на них во все стороны – кирпичные арки. Ни одной арки не оказалось целой, во всех были посередине трещины, а раз трещины в арках, значит трещины и в сводах и даже в наружных стенах.

Это был первый крупный дефект, который пришлось установить. Вторым крупным дефектом были многочисленные пятна протектов, тоже почти по всем сводам, и осмотр кровли установил небрежность при фальцевании железа, а также и

значительные конструктивные дефекты покрытия всех четырех главных углов. Глубокие впадины, в которых задерживался снег и забивал водостоки, а при переменной погоде образовывалась сплошная ледяная пробка и вода шла через и текла по фасаду или просачивалась по ненадежным фальцам вовнутрь. Кроме того, как в кровле, так и в куполах оказались еще многочисленные пробоины от пуль и осколков.

Да, положение казалось серьезным, требовалось более тщательное обследо-

дование, и стало ясно, что достройка потребует более значительных средств, чем это вначале могло показаться. Издали храм казался совершенно готовым, и можно было подумать, что там и делать почти что нечего.

Нас детальное обследование испугать, конечно, не могло, поразило однако, что о. Николай ничуть не испугался увеличения расходов, настолько он был уверен в том, что средства соберет.

На трещины надо было сейчас же сделать бумажные наклейки, чтобы проследить, не продолжается ли осадка и не увеличиваются ли трещины. Леса в храме были, но все же не все трещины были легко достижимы, и эту трудную работу взял на себя наш Якимович⁴, строительный десятник, проявивший уже свое усердие и способности при установке Алексеевского иконостаса в Соборе.

Для перестройки кровли привлекли старого рижского кровельного мастера Сайз⁵, он же – старейшина ремесленной, Малой гильдии. Пожилой человек, он как кошка лазал по крыше, я же, молодой, за ним не поспевал. А просто из-за того, что у меня

не было сноровки и я не знал ухваток. И тут в лазании я получил свой первый урок. Этот урок мне впоследствии очень и очень пригодился, легко мне стало лазать по крышам, облазил я в Риге все церковные крыши и купола, на многих крышах частных домов побывал и, находясь на высоте, я всегда вспоминал о моей детской мечте быть трубочистом. Стоишь, бывало, на церковном куполе, держишься за крест, смотришь во все стороны, глядываешься в даль – и так легко и приятно.

Осмотр Иоанновского собора окончен, все тщательно обследовано, нужно было сделать заключение, надо было определить необходимые работы для окончания строительства, чтобы впоследствии не опасаться за прочность сооружения.

Трещины в арках и сводах хотя и не увеличивались, но имели очень неприятный, угрожающий вид, и обезопасить четыре главные арки, на которых сидит средний купол, было безусловно необходимо. Четыре массивные тяги из квадратного железа, обеспечивающие это самое опасное место, надо было предусмотреть, и эту ответственную работу выполнил наш верный помощник кузнец-художник Пушаков⁶ Ефим Иванович. Пушаков же сделал балкончик под окнами среднего купола. Это было, безусловно, необходимо, так как доступа к окнам не было предусмотрено никакого.

Вообще, надо сказать, строители не предусмотрели не только доступа к окнам верхнего купола, но даже доступа на крышу не было предусмотрено никакого. Надо было построить и наружную железную лестницу. Это тоже сделал Пушаков. Пушаков же выковал петли для наружных дверей. Вырубка и замазка всех трещин было уже делом внутренней и внешней отделки.

Что же делать с полом? Ни о плитках, ни о паркете и думать не приходилось, и пришла мне в голову мысль, чтобы большая поверхность пола не выглядела уныло,

Установка центрального креста Иоанновской церкви.
Фотография В. Шервинского

разбить ее соответственно с арками и сводами на прямоугольники и застлать их досками диагональными по образцу паркета. Эта мысль о. Николаю понравилась и он дал на нее согласие.

Раздобыл о. Николай два иконостаса бывших военных церквей, и из них я скомбинировал один большой иконостас. Оставшиеся иконы развесили по стенам и к ним я прикомпоновал дополнительные резные украшения.

По первоначальному проекту собор должен был быть трехалтарным, но, принимая во внимание наличие деревянного храма⁷, в трех алтарях не было надобности, решили в левой алтарной нише установить распятие, а в правой – плащаницу. Роспись фонов этих ниш сделала прихожанка Иоанновского собора – дочь архитектора Лунского⁸, так что и дочь приложила труд к творению

Главный иконостас Иоанновской церкви.
Фотография В. Шервинского

своего отца. Могила архитектора Лунского находится за собором.

К строительным работам мы привлекли всех нам знакомых мастеров: главные работы выполнял подрядчик Филонов (схавший с нами в одном поезде из Аткарска и охранявший по пути наши многочисленные ящики, которые не поместились и которые согласился принять в свой вагон Филонов). Внутреннюю покраску производил рекомендованный Вольди Ауслицем⁹

маляр Ринкис, а на крыше работал друг Ринкиса – Эрра. Все люди очень симпатичные, беспрекословно выполнявшие все мои желания. Работа спорилась и была проведена в полном согласии, без малейших споров. Так, например, Ринкису была поручена внутренняя покраска без какой-либо росписи (на роспись не хватало средств). Мне было жаль, что церковь будет иметь унылый вид. Окраска в три тона – своды, стены и панель, это было условлено, это

Торжество освящения Иоанновского храма. В первом ряду – иподиакон Герман Жегалов, протоиерей Николай Тихомиров, митроф. протоиерей Кирилл Зайц. В центре – архиепископ Иоанн (Поммер).
Фотография В. Шервинского. 15 сентября 1929 г.

работу не затрудняло, и Ринкис никаких возражений иметь не мог. (Тона я подобрал по Билибину, а теперь, побывав на далеком севере, мне пришлось убедиться, что это оказались тона севера, мне в то время еще незнакомые.) Когда я заикнулся, что хорошо было бы сделать хоть какие-нибудь бордюры, Ринкис задумался. Он со своей художественной душой хорошо меня понимал, его самого не удовлетворяла простая окраска и, недолго думая, он сказал: «Если орнаменты будут несложные, я согласен их сделать без особой приплаты». Велика была моя радость, но, к сожалению, я еще был слишком молод, малоопытен, и теперь хорошо понимаю, что для образцов надо было пользоваться другими источниками, но в то время кроме Билибина у меня других источников не было, и Билибиным я воспользовался. Критики были ко мне благосклонны и о. Николай остался очень доволен.

После внутреннего ремонта взялись за наружный, и собор засиял, как выразился Владыка, «как невеста».

[Установили кресты.]

Главный крест: громоотвод – 1,85 м
крест до шара – 4,40 м
перекладина – 2,60 м
ширина креста – 0,55 м
Для блеска вставлены зеркала.

Все было готово, и в очень торжественной обстановке состоялось освящение. Деревянная церковь была переименована в Казанскую, а новый собор был посвящен Иоанну Крестителю и стал именоваться „Иоанновским”.

Крестный ход перешел из старой церкви в новую, архиепископ Иоанн (Поммер) произнес пламенную проповедь и поблагодарил меня за усердие. Работа эта очень меня сблизила с о. Николаем и мы стали с ним искренними друзьями. Я всегда охотно

Эскиз колокольни Иоанновской церкви. Архитектор В. Шервинский, около 1930 г. (не осуществлен)

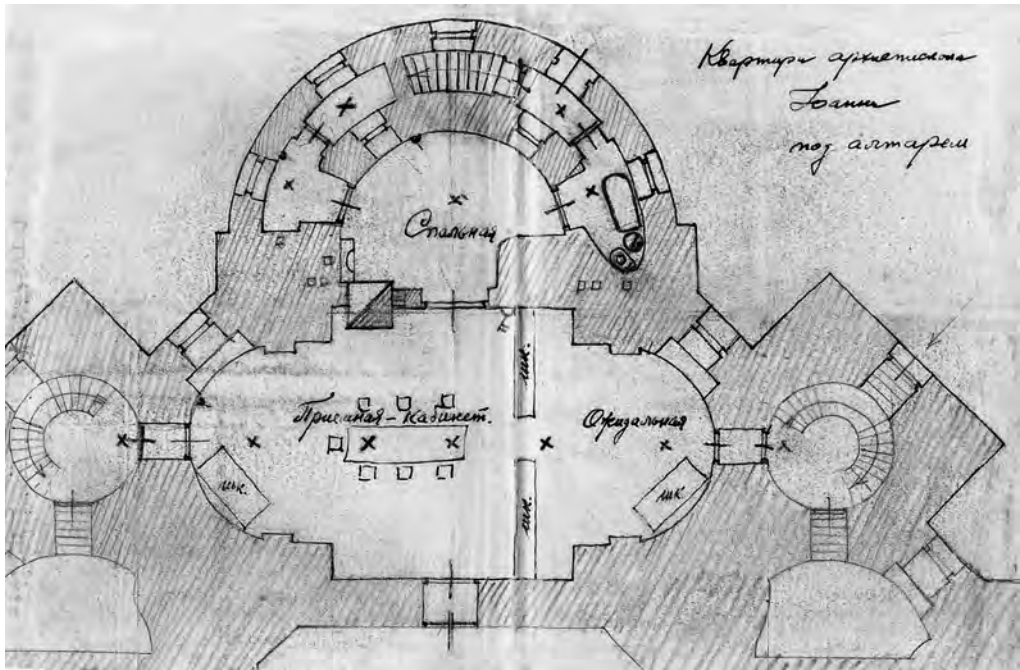
ему помогал и он всегда меня поддерживал, когда это бывало нужно.

О. Николай Шалфеев мечтал еще о постройке колокольни. Эскиз я ему предоставил, но до постройки дело так и не дошло.

КВАРТИРА ВЛАДЫКИ В СОБОРЕ

Архиепископ Иоанн в то время жил в подвале под колокольней собора, из протеста в том, что Латвийское правительство во главе с министром иностранных дел Мееровичем передало архиерейскую резиденцию

с Алексеевской церковью католикам. Ригу несколько раз посещал друг Православной церкви и сторонник объединения Англиканской церкви с православием, епископ (фамилия не запомнилась)¹⁰. Всегда он посещал архиепископа Иоанна и часто присутствовал на богослужениях в Соборе. Он был крайне возмущен тем, что епископа Православной церкви так унижают, решил запечатлеть место жительства архиепископа Иоанна и сделать на западе сообщение об отношении социал-демократического правительства к Православной церкви в

План квартиры архиепископа Иоанна под алтарем Кафедрального собора. В. Шервинский

Латвии. Чтобы сообщение его было более убедительным, он пригласил кинооператора для съемки маленького фильма.

Как раз в этот момент я пришел к архиепископу Иоанну с докладом. «Вот хорошо, что вы пришли», – воскликнул он, – «сейчас начнется съемка, станьте у двери и идите ко мне». Первый раз в жизни мне пришлось сниматься, и вид у меня был, наверно, немного растерянный. Но размышлять долго не пришлось, загорелся прожектор, затрещал аппарат и без всякой репетиции мне пришлось действовать. Я подошел под благословение и поздоровался, и архиепископ Иоанн стал показывать мне полуистлевшие от сырости книги. Книги эти, совершенно новые, два года только пролежали в этом помещении, и вот – совершенно истлели. Я, действительно, был удивлен, я не знал, что в помещении так сыро. Съемки закончились, и архиепископ Иоанн, весьма благодушно настроенный, стал нам рассказывать, что

здесь, в его комнате под полом (по краям комнаты пол совершенно сгнил) живет лягушка и что она, когда в комнате тихо, выходит из подполья и он ее кормит. Лягушка живет, книги истлели, а как же человеку жить в таком помещении?

И, действительно, архиепископ Иоанн не выдержал, но из Собора выезжать не хотел, очень уж яростная атака велась против Собора в Сейме (ведь он на главной улице), но на выселение архиепископа даже социал-демократы не решались, и, губя свое здоровье, архиепископ продолжал жить, спасая этим Собор. Готовились ведь уже проекты о превращении Собора в Пантеон, музей и пр. Под колокольной, однако, жить все же больше нельзя было, а в подвале, под главным алтарем, была ризница, хоть и тоже подвал, но на юго-западной стороне и потому значительно суше. Шкафы ризницы перенесли на хоры, а само помещение, незначительно его перестроив, приспособили

Наместник Псково-Печерского
монастыря епископ Иоанн (Булин).
Фотография В. Шервинского

под жилье, и получился кабинет, приемная и спальня, а при спальне даже ванная. Получилось вполне сносно, сырость не ощущалась, ведь ризы там хранились со дня постройки собора и, кроме того, помещение было большое и воздуха было много.

КРИЗИС

И вот настали трудные 1929-30-е годы всемирного хозяйственного кризиса. Работы стало мало, но, к счастью, было много должников за ранее выполненные работы. Составил я список должников и стал выколачивать из них деньги. Люди в то время были совестливые, все понемногу платили сами, назначая себе сроки, и это дало нам возможность просуществовать. Ведь я был не совсем без работы и мне только необходима была ежемесячная добавка.

Времени свободного оставалось много, и надо было дополнительно чем-нибудь заняться, и пришла хорошая мысль делать

бумажные модели зданий наиболее мне милых моих проектов и сооружений. В детские годы я много клеил, были в то время очень хорошие „Klebebogen“, ими папа¹¹ меня снабжал постоянно и опыт я приобрел большой. Клеил я дома, замки, фабрики, вагоны, автомобили, самолеты и цебелины и т.д. Часто к плиткам шоколада были приложены небольшие листы и, получая такие подарки, я охотно выменивал их у Нины¹², отдавая ей шоколад. Но там ведь развертки сооружений были готовые, а теперь их надо было создать, и кропотливо стал я вычерчивать развертки зданий по всем их деталям. Местами было трудно построить и сообразить, как получатся перекрещивания самых сложных форм крыш с восьмигранными барабанами надстроек, и помнится случай с Яунлатгальской церковью – два раза развертку надо было переделывать, все не получалось. Вычерченные развертки я перечерчивал на восковку, с восковки делали светокопии на толстую бумагу, и тогда начиналось вырезание и склеивание.

Первая была церковь Яунлатгальская, потом Шкельбанская, а потом и наш огерский домик. Склеить маковки из бумаги не было возможности и я их заказал токарю выточить из дерева, а кресты плел из тонкой медной проволоки. Велика была работа, большое нужно было терпение, и тем больше его у меня было, чем меньше становилось работы, а ее, действительно, становилось меньше, должников тоже становилось меньше и я с большой тревогой стал думать о будущем, о том, каким путем мне зарабатывать деньги. Удрученный я как-то сидел за моим столом с тяжелыми мыслями в голове, как вдруг услышал в коридоре стук, кто-то что-то прибывал. Вышел я, заинтересованный, в коридор и увидел, что дворник ко всем конторским дверям, а было их на нашем этаже четыре: Кацелокович, Соломонов, парфюмерная ... и мы, прибывал номера. Мы до тех пор были не

нумерованы. И к нашей двери он прибил табличку с номером 13. Я был поражен, ведь число 13 в нашей большой семье считалось счастливым. Когда нас в семейные праздники за столом бывало 13, а случилось это довольно часто, при самых различных комбинациях мы всегда смеялись и чувствовали себя особенно уютно. И тут вдруг 13. Что это могло бы значить? Дворник сделал порученное ему дело, я, задумавшись, вернулся к своему столу, но не успели еще заглухнуть шаги спускавшегося по лестнице дворника, как послышались шаги поднимавшегося человека. Лестница у нас была деревянная и шаги раздавались довольно гулко. Стук в нашу дверь и заходит заказчик, первый серьезный заказчик за все последнее время. И с того дня пошли заказы за заказом, одновременно стало больше работы и в светопечатне, мы могли свободно вздохнуть – кризис прошел, тринадцатое число сделало свое дело.

ПЕЧЕРЫ

Неоценимую услугу для моего роста как архитектора оказали три поездки в Печеры: 25 апреля 1930 года, 31 мая 1931 года, 2 августа 1931 года, а соблазнил меня на эти поездки Александр Иванович Трофимов¹³. Он предполагал там получить работу по внутренней отделке библиотеки. Привык он при строительных работах работать вместе со мной и уговорил меня ехать, чтобы сообща все обдумать. С работой этой ничего не получилось, но я первый раз в жизни основательно познакомился с русской стариной, не по литературе, как до того, а в действительности. Влюблен я был в русскую старину, а теперь не только еще глубже ее полюбил, но

Печерский монастырь. Никольская церковь до реставрации. Фотография В. Шервинского

и понял всю глубину и прелесть ее. И тут большую роль сыграли, конечно, все три поездки. Сразу я всего охватить не мог, но понемногу стал не только любоваться, но именно понимать и находить все больше и больше подробностей, которые при первом ознакомлении ускользали и не производили еще того впечатления, как при втором и третьем осмотре.

Переезд границы с Эстонией был очень прост – надо было только иметь с собой паспорт. В Валке – это пограничный город, разделенный границей пополам – в вагон входил эстонский полицейский, ставил в паспорте печать о въезде в Эстонию и формально осматривал багаж, нет ли вещей, подлежащих наложению пошлины, и путь был свободный. Деньги латвийские на эстонские можно было менять в Риге на станции или в Валке на станции, или в Печерах в банке. Первая поездка дала в этом отношении опыт, и выяснилось, что наиболее выгодно менять в Печерах, там можно было получить больше и в последующие поездки мы так и делали. А при третьей поездке я захотел быть особенно умным и

Никольская церковь после реставрации
звонницы. Фотография В. Шервинского

решил взять для обмена пятилатовики серебрянные, я решил что за серебро дадут, конечно, больше, чем за бумажные. С важным видом я выложил на прилавок кассы мои красивые звонкие монеты и ожидал, что кассир скажет: «Да, это деньги». Но кассир посмотрел на меня и сказал: «Звонкую монету мы не берем, дайте бумажные деньги». А бумажных у меня не было и я совсем растерялся: как же быть, чем платить, ведь мы хотели быть в Печерах три дня. Кассир, видя мое затруднительное положение, смилостивился и согласился деньги принять, но по пониженному курсу. И я вспомнил, как однажды мне пришлось быть в банке вместе с моим дедушкой¹⁴. Дедушке нужно было получить не то по купонам ценных бумаг, которые дедушка хранил в банковском сейфе, не то пенсию, и кассир насыпал на прилавок целую кучку золотых монет. Но дедушка запротестовал и попросил чтобы ему дали деньги бумажные. Я был очень удивлен и, когда мы из банка вышли, спросил: «Дедушка, почему ты взял бумажки, ведь золото гораздо лучше?». А дедушка улыбнулся и сказал: «Да, золото конечно

лучше, но неудобно. Бумажные деньги я положу в бумажник, а золото придется сыпать в кошелек. И тяжело и неудобно. А захочется, ведь я всегда в банке могу бумажные деньги обменять на золотые». Вот эту истину я забыл, когда в третий раз поехал в Печеры, банку неудобно возиться с тяжелыми пятилатовиками.

Остановились мы в Печерах на частной квартире в старой части города. Александр Иванович у кого-то узнал адрес и мы шли с уверенностью, что приют нам обеспечен. На частной квартире с любезной хозяйкой было нам и дешевле и уютнее.

А в монастыре нас очень мило и любезно встретил настоятель монастыря, епископ Иоанн¹⁵, Георгиевский кавалер Первой мировой войны. Цель нашего путешествия, как я уже сказал, была библиотека, и ее первым делом нам Владыка и показал. Потом водил нас по всему монастырю, все нам показывал и обо всем рассказывал, ни одна дверь перед нами не была закрыта, всюду услужливые монахи нас водили и рассказам не было конца. Наконец, Владыка пригласил нас на трапезу и сказал, чтобы всегда и

У живописного источника Иоанна Крестителя около Печерского монастыря. Стоят (справа): Владимир Кривошапкин, Александра Дмитриевна Шервинская (ур. Кривошапкина), Татьяна Шервинская, (слева) 2. Мария Дмитриевна Кривошапкина, Нина Ивановна Крамп. Фотография В. Шервинского

сколько бы мы не были в Печерах, двери трапезной для нас всегда открыты и что мы всегда желанные гости. Мы приглашение приняли с удовольствием и конечно не пожалели. Еда монастырская своеобразна и очень вкусна, а монастырский квас – это что-то особенное.

Печеры – это своеобразный уголок России. Здесь, между Эстонией и Псковщиной, эстонское перемешалось с русским и в языке, и в обычаях, и в одежде. Здесь еще в долетописные времена мирно жили бок о бок наши далекие предки – русоголовые кривичи и чудь белоглазая.

Для того чтобы получить наилучшее впечатление, осмотр монастыря надо подготовить осмотром старой части города Печеры (война, говорят, старую часть уничтожила, так что теперь этот путь может быть и невозможен). Улочки, мощеные простым булыжником, старые бревенчатые дома, вид дворов с причудливыми крылечками и разнообразные заборы как-то невольно уносят

на несколько столетий назад и, когда после этого подходишь к монастырю, настроение буквально благоговейное.

Осмотр мы начали по Псковской улице- Pihkva tän, где уже несколько старых домиков привлекли наше внимание. Дойдя до треугольной площади, мы повернули направо и спустились по узкой улице, вымощенной громадными камнями. По ней, наверно, уже сотни лет жители спускаются за водой к Каменцу, и по этой улице мы попадаем в самую старую и самую интересную часть города.

Пройдя по всем трем улицам старого города и по нескольким переулкам, по крутой улице мы спускаемся еще ниже к Каменцу и, находясь еще на горе, через монастырскую ограду заглядываем туда, куда мы стремились, отправляясь в Печеры. Особенно хорош этот вид ранней весной, когда деревья уже покрылись зеленым кружевом, но кружева еще прозрачны и сквозь них видны белые храмы, темно-синие

Изборск. Никольская церковь на городище.
Фотография В. Шервинского

купола, все переливается яркими свежими красками и золотые кресты сверкают, и невольно от этого созерцания сердце начинает чаще биться и весь организм охватывает какое-то волнение и нетерпение скорее все увидеть.

Здесь, у нижнего конца Каменца, находятся нижние ворота в монастырь, но через них мы не входим, а вдоль монастырской стены поднимаемся к главным воротам – к Петровской башне. Расположенный среди крутых гор Псково-Печерский монастырь, окруженный высокой стеной, совершенно скрыт от мира, и первое, что видит путник, это башня над входными воротами. Там славянской вязью выведено: «Любит Господь врата Сиона паче всех селений Иаковлевых», что значит, что сие святое место пользуется особым покровительством Всевышнего. Пройдя через Петровские ворота, мы попадаем в так называемый острог. На лево Святые ворота и Николаевская церковь – надвратная, направо вдалеке – главный фасад Михайловского Собора. На лево, между входными Петровскими воротами и Святыми воротами, часть старой стены с деревянной галереей. По этой галерее можно попасть в Петровскую башню, где помещается бак для воды. В бак, по объяснению провожавшего нас монаха, помещается 800 «кубических ведер» воды.

Стена с зубцами совсем как когда-то в старину для защиты монастыря. Дворик между Петровскими воротами и Святыми воротами называется Острог, он в свое время имел особое назначение – был огорожен со всех сторон и служил хитроумной фортификационной ловушкой. В нее однажды попали шведы. Сломав главные ворота, они лавиной хлынули вперед, решив, что победа близка. Но перед ними оказались еще одни, столь же прочные, Свя-

тые ворота. Вражеские солдаты оказались в западне, и большинство из них были перебиты защитниками монастыря.

Никольская церковь. Колокольня, т.е. звонница, когда-то была застроена и превращена в колокольню. Около 1930 года Леонид Зуров¹⁶, с которым я устроил братскую могилу в Иксюле – Капарамуре, побывав в Печерах, настоял на том, чтобы колокольню реставрировали и придали ей ее первоначальный вид звонницы. Настоятель монастыря, очень интеллигентный человек, архиепископ Иоанн согласился с мнением Зурова и колокольня была реставрирована.

В Никольской церкви редкая скульптурная деревянная фигура Св. Николая чудотворца. Когда мы в первый раз были в Печерах, мы застали фигуру с пустой рукой, а по иконам на руке должен быть храм. И вот нам захотелось подарить святителю то, что рука варвара взяла. По иконам мы установили и вид и величину пропавшего храма, заказали в Риге резчику и токарю модель и в следующий наш приезд с большой радостью поставили храм в руку святителя.

Через Святые ворота в многометровой толще крепостной стены мы вошли как бы в туннель. Таинственный полумрак, на лево, в нишах, целый ряд икон. Слабо мерцают лампы, тускло блестит потемневшая от

времени позолота. С покрытых трещинами икон взирают на нас лики святых. Пройдя Святые ворота, мы попадаем на широкий спуск к монастырскому двору. Перед нами, утопающий в зелени, открывается весь монастырь, как бы чудесной силой явившийся естественный амфитеатр, по обочинам – удобные скамейки, на крутых склонах – ступеньки с перилами, и среди деревьев – храмы и монастырские постройки. Строения разной архитектуры, и древней и новой. Группы деревьев вековых, с одной стороны, возвышающиеся над крышей древних храмов, с другой – возносящие вершины свои к поднебесью храма нового. Тишина, все говорят вполголоса. Цветы, воркующие голуби, мелодичный перезвон башенных часов. Над густыми шатрами деревьев возвышаются купола. Невольно останавливаешься и долго любишь откровенным видом. Смотришь на этот особый мир и невольно сами собой рождаются новые думы, новые мысли. Трудно передать, что переживаешь, когда впервые попадаешь сюда. Нужно видеть самому и только тогда можно понять эту дивную красоту, эту совсем особенную живописность.

Направо под крышей в остекленном павильоне карета – подарок Анны. «Императрица самолично навестила монастырь и на память оставила свою колесницу».

Напротив – Успенская пещерная церковь, рядом с ней вход в пещеры, главная звонница в древнепсковском стиле, ризница, церковь Благовещения, зимняя Сретенская церковь, древний колодезь и новый колодезь, кельи монахов, трапезная, церковь Св. Лазаря.

Успенская церковь – самая старая из всех Печерских церквей, освящена в 1472 году. Церковь целиком вырыта в горе и изнутри облицована кирпичем. Своды опираются на естественные колонны, тоже облицованные кирпичом. Окнами освещается только передняя часть храма, дальше царит полумрак

с мерцающими лампадами и свечами. Длина и ширина всего храма 8 x 9 сажен. Иконостас в стиле русского барокко с мелкой резьбой в виде ветвей, обвитых виноградными лозами.

Над Успенской церковью – церковь Покровская, построенная на склоне горы в 1759 году, ныне не действующая. Прекрасный иконостас и очень интересный лепной потолок из трех частей.

Налево от Успенской церкви – вход в пещеры. Над дверью надпись: «Вход в пещеры Богом зданные», что значит – Богом созданные. Зажигаем свечи и один за другим углубляемся в подземный мир. У входа вырытая в скале комната, сажени 3 в длину, из нее идут семь улиц – пять длинных и две короткие, одна из них имеет связь с Успенской и Покровской церквями. Ширина улиц очень различна – от 6 до 1,5 аршина в некоторых местах. В некоторых же местах для прочности устроены кирпичные своды. Монах объясняет: «Вот цепи – вериги, которые проводники носили на своем теле, дабы очистить, укрепить и возвысить дух. В этих гробницах покоятся святые первосоздатели монастыря, тщанием коих воздвигалась и прославлялась сия обитель». Наша процессия, слабо озаряемая желтым светом свечей, шествует дальше по улицам и переулкам подземного града. Всего здесь семь основных улиц общей протяженностью в 200 метров. От поверхности земли нас отделяют десятки метров туго спрессованного песчаника, от сегодняшнего дня – много столетий. На стенах улиц таблицы – надгробия с надписями, более или менее разборчивыми и со стертыми временем. Здесь хоронят монастырскую братию. Кое-где стенки замурованных могильных входов провалились внутрь, смутно вырисовываются своды большого склепа, стоят гробы, нагроможденные друг на друга. Некоторые гробы развалились от ветхости, на земле лежат кости и остатки материи. Может

быть, именно здесь Бунин Иван написал «Гробницу»:

«Глубокая гробница из порфира,
клоки парчи и два крутых ребра,
В костях руки – железная секира,
На черепе – венец из серебра.
Надвинут он на черные глазницы,
Сквозит на лбу, блестящем и пустом,
И тонко пахнет из гробницы
Истлевшим кипарисовым крестом».

Несмотря на все, воздух здесь удивительно свежий. На стене надпись: «Никакого злосмердия, лишь одно благовонное воение». А в летописи сказано: «смраду же не бе слышати отнюдь откого умерших людей, ... вместо злосмердия, воня благовонна исходит даже и до днесь».

И монах говорит: «По приблизительным подсчетам в этих Богом зданных пещерах похоронено более десяти тысяч человек. Некоторые погребения даже не закрыты, а воздух здесь особенный, кристально чистый, нет обычного тления. А цветы здесь благоухают сильнее, чем на открытом воздухе».

«А что здесь за свежие ниши в стенах?», и монах объясняет: «У нас каждый брат еще при жизни готовит место для вечного упокоения».

Идем дальше и упираемся в тупик – алтарь подземной Рождественской церкви. Тускло освещенная пещера производит большое впечатление.

Наконец, выходим наружу, яркий свет бьет в глаза. Налево от входа в пещеры на верхней части стены огромное изображение ангела, указующее перстом в сторону циферблата башенных часов. Второй рукой ангел держит надпись, означающую: «Пое смотрите, сколь быстро течет время! Стрелки часов движутся непрерывно, и каждый оборот их приближает нас к смертному часу. Жизнь человеческая всего лишь короткое мгновение по сравнению с вечностью, и

все земное – суета сует. Подумайте, пока не поздно, о спасении души своей!».

Прекрасная звонница в древнепсковском стиле. На колокольне 17 колоколов разной величины. Напротив звонницы – ризница, хранилище наиболее ценных вещей, скопленных в течение нескольких веков. В ризнице хранятся работы Алексея Тверина с датой 1557 год, старинные кресты, священные сосуды, древние ткани, дарохранилища, паникадила, лампы. Митры, евангелия, антиминос 1541 года, плащаница работы царицы Анастасии Романовны 1552 года. Здесь кубок, ложка, вилка и золотая цепь Иоанна Грозного, именной перстень и серьги царицы Анастасии Федоровны, золотая чаша царя Михаила Федоровича, украшенные золотом и камнями ризы, преподнесенные императрицей Анной Иоанновной, личные вещи императора Александра Первого и т. д. Говорят, будто в прежние времена на ризнице висело семь замков, ключи от которых хранились у семи старших монахов. Войти в хранилище они могли только с общего согласия, всемером. Вход в ризницу в прекрасном псковском стиле. Сама ризница в русском стиле 17 века.

За Успенской церковью и звонницей сад – Святая гора со священными дубами и камнем. Около камня, по преданию, Изборские звероловы видали пустынноика Марка, первого старца Печерского. Сад наравне с крышей Успенской церкви с живописными главками церкви. Там же – верхний вход в Покровскую церковь.

Наверху на горе, против входных Петровских ворот, Михайловский собор, построенный в 1827 году в стиле ампир в память войны 1812 года. По своему виду резко отличается от остальных построек монастыря.

Обошли мы весь монастырь, осмотрели все храмы и стал я считать, а сколько же храмов в монастыре:

Девушки сету и русские девушки. Фотография В. Шервинского

1. Успенская церковь	1472 г.
2. Покровская – над ней	1759 г.
3. Пещерная Рождества Христова	
4. Сретенская	1870 г.
5. Благовещенская	1541 г.
6. Лазаревская	1792 г.
7. Никольская ц. – над Святыми воротами	1565 г.
8. Собор Михаила Архангела	1827 г.

Вот, кажется и все.

Под сильным впечатлением всего виденного я вечером крепко заснул и проснулся только под утро, когда в комнате было уже совершенно светло. Проснулся и стал вспоминать – да я ведь только что видел сон! Явился ко мне монах и говорит мне: «Не все ты церкви пересчитал, их ведь не восемь, а тринадцать».

Как же это 13? Я еще и еще пересчитывал, но больше восьми насчитать не мог.

Когда мы снова встретились с настоятелем монастыря епископом Иоанном, «Владыко, объясните» сказал я, и рассказал мой сон. Владыка задумался, он стал мысленно пересчитывать церкви.

«Да, сказал он, все Вы и знать не могли. На горе была деревянная церковь во имя Антония и Феодосия Киево-Печерских, церковь Четыредесятимучеников иже в Севастии, ныне приходская, Дмитрия митрополита Ростовского 1774 г., ныне не существующая, Бориса и Глеба из верхнего этажа в 1803 г. упраздненная, теперь придел, Варлаама Хутынского из-под колокольни, тоже в 1803 г. упраздненная, теперь придел.

Так сколько же получилось? Как раз тринадцать. Старец, который явился Вам во сне, как видно, был древний, и ему все 13 церквей пересчитать было нетрудно, вам же, конечно, не знающему монастырь, и совсем невозможно. Да, сон Ваш очень интересный и заставил меня крепко подумать, но летопись монастыря мне хорошо известна и я сам очень рад, что Вы задали мне этот вопрос и заставили меня вспомнить то, что я читал и изучал».

Я сердечно поблагодарил Владыку, мне очень было приятно, что сон мой оказался неслучайным, а действительно подтвердился.

Надо было еще обойти монастырь снаружи. Монастырская ограда устроена Корнилием Преподобным в царствование Иоанна Грозного. Ограда длиною 380 сажен, высотой 5 сажен. Стены из каменных плит, толщиной в одну сажень. Построено было девять башен, теперь осталось восемь, на месте девятой устроена паперть Михайловского Собора.

Тихо уходит под башню Верхних решеток малозаметный ручей Каменец. Кое-где его можно перепрыгнуть, а посмотрите, какую титаническую работу проделал этот скромный труженик! За многие тысячелетия прорыл в плотных песчаных толщах ложбину на десятки метров в ширину и глубину. Выбираюсь из оврага на возвышенное место, а ведь здесь раньше ходили с крестным ходом вокруг монастыря. Отсюда открывается величественная панорама: утор пающая в зелени обитель, многочисленные главы церквей и купол Михайловского Собора, освещенный вечерним солнцем. Здесь когда-то, в ту пору еще молодой, художник Николай Рерих, большой поклонник русской старины, нашей северной природы, рисовал древнюю обитель, взгорья Печерского края.

ОКРЕСТНОСТИ ПСКОВО – ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Большой интерес представляет Пачковская часовня в полутора верстах от монастыря. Маленькая деревянная часовня, а в ней хранится стариннейший иконостас из монастырской Никольской церкви 1565 года. В конце прошлого века ничего не понимающий жертвователь пожелал сделать свой вклад и получил согласие монастыря заменить иконостас новым. Старый же иконостас все же не сожгли, а поставили в маленькой часовне. Перед часовней – так называемый „столбец”, т.е. миниатюрная часовенка с иконой.

Поездка в Печерский край была бы неполной, если не посетить Изборск. Две станции дальше Petseri станция Irboska, т.е. Новый Изборск. Там можно нанять извозчика (это было в 1931 году) на целый день и поехать в Старый Изборск за 11 километрами. По дороге большое село Сенно. То, о чем можно только мечтать, рассматривая иллюстрации в книгах, здесь можно видеть наяву. Красивые ворота, живописная колокольня и очень интересный храм. Храм снаружи снять нельзя, он весь закрыт деревьями, а внутри настолько темный, что о фотографировании тоже не может быть речи.

Второе село по дороге в Изборск – Малы. Очень интересный старинный храм 1546 года.

Подъезжаем к Изборску. По летописи это древнейшее поселение славян, существовавшее уже в 862 году. В ранний утренний час при ясном небе город залит яркими солнечными лучами и производит чарующее впечатление.

ПОКРАСКА ХРАМОВ В РИГЕ

Разве я смог бы сделать с Троице-Задвинской церковью то, что удалось сделать после тройного посещения Печер. И когда в 1932 году о. Николай Смирнов¹⁷ обратился ко мне за советом, мне уж долго думать не пришлось, решение у меня уже было готово. Церковь всегда была крашена в один только белый цвет. Никто себе не представлял, что ее можно покрасить иначе, никто не замечал ее прекрасных форм чистого Московского стиля. В ужас пришли все, когда я сказал, что она должна быть бело-красной, с зеленой крышей и синими куполами. О. Николай, хоть и не сразу, стал меня понимать, но боялся и никак не мог решиться на такую революцию. Я настаивал, не чувствуя ни малейшего страха, ведь я в Печерах видел образец того, что хотел создать в Риге, и все продолжал настаивать, и, наконец, о.

Николай согласился. Обратились к лучшему в Риге малярному мастеру Фрейгангу¹⁸, преемнику фирмы Курау и Пассиль, фирмы, с которой папа всегда имел дела, фирмы, которая создала чудный занавес сцены Ремесленного общества, занавес, которым я в детстве не мог наглядеться, фирмы, с которой я познакомился уже при отделке Покровской церкви. Да, к Фрейгангу у меня было полное доверие и он это доверие оправдал. В точности он выполнил все мои указания, тщательно делал пробы красок и ничего не делал без моего ведома. Купола покрасили очень темно- синие и выглядели они сначала страшно. Но я не боялся, я по Печерам знал, что будет, и действительно – через полгода краска выгорела и получился изумительно приятный глубокий синий цвет. Делая пробу краской, старались подобрать цвет старинного красного кирпича, белый цвет – чуть кремовый, под цвет известняка, из которого в Москве сделаны все детали.

«Что вы делаете?», – стали кричать не» которые прихожане, «церковь ведь всегда была белая!». «Да», – приходилось отвечать, – «она была белая, но это была ошибка». Сокрушенно некоторые покачивали головами, считая, что мы все испортили. Но работа приближалась к концу, церковь стали замечать все, знатоки высказывали полное одобрение, а скептики стали убеждаться, что они были неправы, что получилось действительно хорошо. И вот все больше и больше, и вдруг раздался крик восторга, все стали только об этом говорить.

Реально первыми откликнулись прихожане церкви Торняканской и пожелали иметь у себя тоже бело- красный храм с зеленой крышей и синими куполами. Глубоко задумался старик Кузубов, староста Благовещенской, ведь он еще видел российские церкви. Очень уж ему понравилась Задвинская церковь и он пожелал красить Благовещенскую церковь, а она всегда была

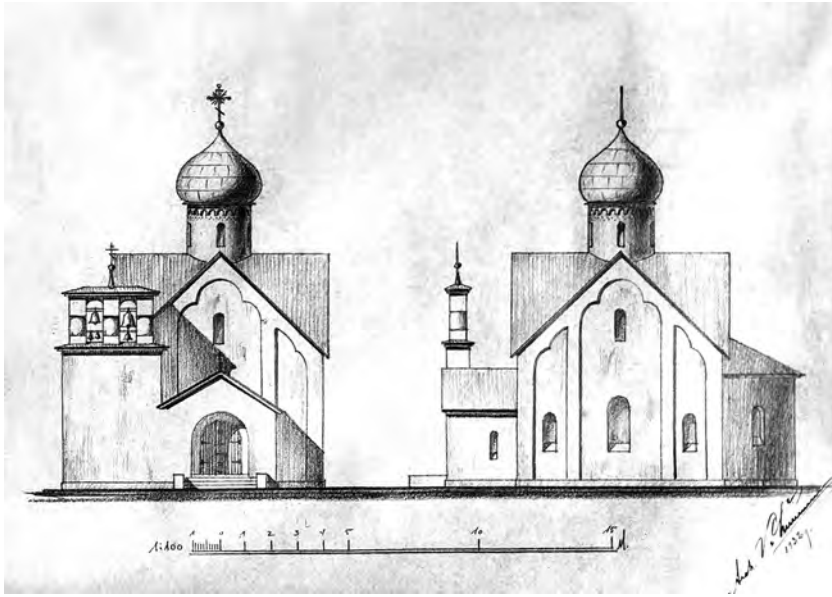
Старый Гостинный двор в Риге со стороны ул. Тургенева.
Фотография В. Шервинского

Благовещенская церковь в Риге, окрашенная в два цвета.
Фотография В. Шервинского

светло- коричневого цвета. И посоветовал я ему покрасить храм бело- синим. Красным красить нельзя было, ведь церковь деревянная и подделываться под кирпич не логично. Сразу взялись за покраску, сделали стены сочно- синего цвета, выступающие части светло-кремовые, крышу зеленую, а купола темно- синие. Вызолотили кресты и восторг был неменьший, хотя пыл уже немного остыл – слишком много его было затрачено на Задвинскую. Да, это были последствия тех трех знаменательных поездок в Печеры, и я стал мечтать дальше.

Александро- Невскую всегда красили в два цвета, белый и желтый, и это было хорошо, но колокольня красилась в один светло- коричневый тон. Почему же ее не

Проект Ливанской церкви. В. Шервинский

покрасить бело-желтой? Но туда у меня доступа не было, о. Николай Перехвальский был слишком важный, чтобы слушаться моего совета и красил по старой традиции. Вознесенскую церковь тоже всегда красили в один тон, а купола и шейки почему-то всегда темно-серые. Я стал мечтать покрасить и эту церковь в два цвета, но и туда у меня доступа не было, там прихожанами были псевдотехник Широ и псевдоархитектор Емельянов, а у них не было чувства красоты, они ее не понимали и тоже красили по старой традиции.

Эти мои мечты все же осуществились, но только много, много лет позже. В 1958 году покрасили Вознесенскую церковь в два тона бело-желтой. И даже при покраске шеек не было возражений. О. Петр Берзинь со мною считался и расцветкой остался доволен.

А в 1959 году покрасили и Александроневскую церковь. Покрасили церковь, а когда дело дошло до колокольни, у членов Совета да и у подрядчика Попкова возникли сомнения: «А не будет ли слишком

пестро?» «Нет», – сказал я, – «будьте спокойны, будет не только лучше прежней окраски, но будет даже очень хорошо». Попков был послушным мастером, сделал все так, как я указал, и одобрение я получил решительно от всех, даже от Александра Ивановича, и его критика была для меня особенно ценна.

ЛИВАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Здесь осуществилась моя мечта построить каменный храм. И опять-таки, как и при покраске Троице-Задвинской церкви, при составлении проекта я воспользовался тем, что приобрел при поездках в Печоры и в Изборск. Литература мною была изучена основательно, но не побывав в Печорах я не мог бы создать церкви в чисто Псково-Новгородском стиле, но все же особенную, такую, как в тех краях не найдешь.

Приход в Ливанах был маленький, но душа у организатора строительства была большая, а душой этого дела был д-р Альбицкий¹⁹. Он жил в Ливанах, там

Строительство Ливанской церкви. Фотография В. Шервинского

практиковался и там же имел свой особняк. Мое предложение о строительстве в Псково-Новгородском стиле ему понравилось, проект тоже, и постройка началась. 22 июня 1936 г. я принял готовый фундамент.

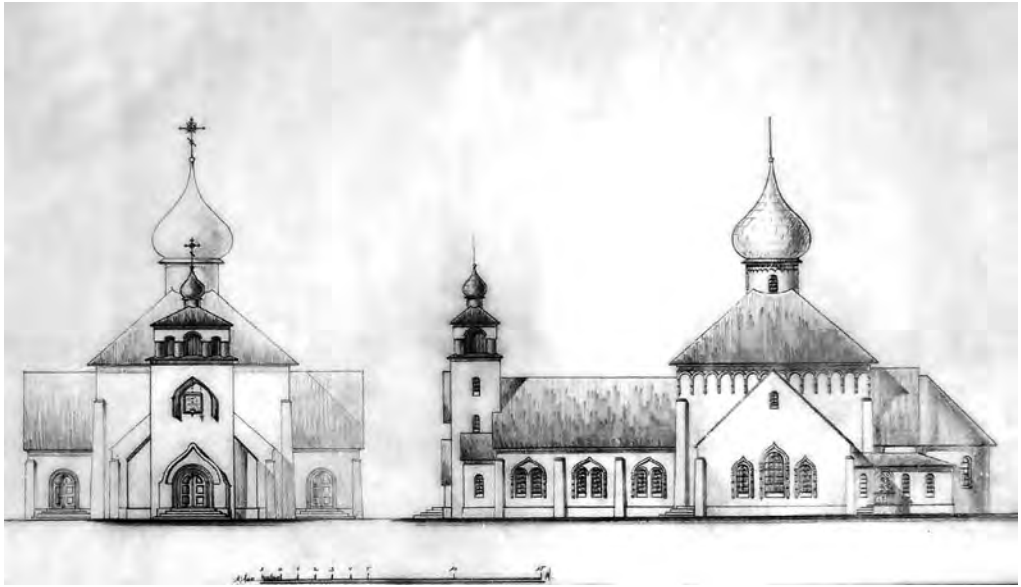
Выезжал я на строительство еще несколько раз и моя мечта, моя каменная церковь, росла точно по моим чертежам. Да, точно по чертежам, это ведь так редко бывает, это чуть ли не единственный случай в моей практике. Д-р Альбицкий хорошо понял мой проект, сам человек с большим художественным вкусом, он не допускал ни малейшего отступления, а когда бывали сомнения, сейчас же вызывал меня. Вывели стены, закончили плотничную часть крыши, с ложными сводами с внутренней стороны, и поставили купол. Все было хорошо, но тут дело дошло до штукатуров. В Печерском крае я видел много примеров, характер штукатурки старинных штукатуров изучил до тонкости, а современные штукатуры со мной согласиться не хотели и заявили: «Нас засмеют, скажут что мы разучились работать». И долго пришлось им объяснять и упрашивать: «Ведь строим мы в старом стиле и на старинный лад». А

требование мое состояло вот в чем: надо было раствор набрасывать кельмой на стену и кельмой же сглаживать, без растирания доской, совершенно не заботясь о том, чтобы получилось гладко. Долго думали мои штукатуры, долго чесали затылки: «А может быть хоть немного протянуть доской», но я был неумолим и они, наконец, согласились. Чтобы не было соблазна, я приказал доски унести. При мне же начали штукатурить.

Я результатом был очень доволен, а штукатуры все покачивали головами и тоскливо искали глазами свои доски, но их не было.

Прекрасной получилась церковь, и нужна была только еще внутренняя отделка и оборудование. Но настал 1939 год, доктор уехал, а ведь если душа отлетела, то и тело перестает жить. И так мое прекрасное творение и моя гордость осталось незаконченным и в настоящее время²⁰ используется как склад.

Модель Ливанской церкви тоже имеет свою историю. Проект церкви был напечатан в газете «Сегодня», многим очень понравился и нашел своего поклонника в лице одного из прихожан Двинского Борисо-Глебского собора. Нина Крамп²¹ была

Проект Зилупской церкви. В. Шервинский

знакомы с семьей этого человека, бывала у них в доме и как-то увидела вырезанную из дерева модель. Нина в модели тотчас же узнала мое произведение и привезла эту модель мне в подарок. Я подарку конечно очень обрадовался, но моделью был недоволен, пропорции резчику не удалось и было хоть и то, да все же не то. И явилась у меня мысль заказать ему модель настоящую: по чертежу и в масштабе. Заказ мой резчик выполнил прекрасно, художника Степанова²², моего друга, я попросил модель покрасить под старинную, и не мог я нарадоваться прекрасной игрушке, да и сейчас еще охотно на нее смотрю и вспоминаю пережитое.

ЗИЛУПСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Пока строилась Ливанская церковь, получил я заказ еще на одну каменную церковь, а именно для города Зилупе. С меньшей радостью я взялся и за этот проект, и на этот раз выбрал стиль Владимиро-Суздальский. Утвердил я проект в Управлении по делам строительства при Министерстве Внутренних дел и представил приходу. Как

настоятелю, так и церковному совету вид их нового храма очень понравился, и я приступил к изготовлению рабочих чертежей, а прихожане усердно взялись за доставку материалов. Еще бы немного и большая каменная церковь была бы построена, но опять –таки „но” – настал 1940 год, и о строительстве храма уже и мечтать больше нельзя было. До 1958 года лежало 30 куб. сажень камня на месте строительства, и только тогда камень был взят на постройку больницы, а настоятель Зилупского (Бриговского) прихода еще в прошлом году²³ при моем посещении Зилупе с гордостью показывал мне мой проект, говоря что бережно хранит его. «А, может быть, когда-нибудь еще и построим», – прибавил он.

Получив от двинского резчика такую прекрасную модель Ливанской церкви и создав новый проект каменного храма, мне захотелось иметь модель и этой церкви. Сделал я новый заказ, послал чертежи, и через некоторое время получил новую прекрасную модель, сделанную тоже в масштабе. Степанов и эту модель мне раскрасил, так что и эта игрушка радует мне сердце.

1934 год

Только мы переехали на дачу, как заболела наша прислуга Юзя. Подозрение было на аппендицит и срочно мамочка с ней выехала в Ригу. Так же как и со мной, ее сейчас же положили на стол и оперировали. Добиться, однако, ночью врача было не так легко и пока бегали по городу, обратили внимание на большое количество грузовиков с айзсаргами. Грузовики пробегали по всем направлениям и что же оказалось: в эту ночь произошел переворот государственный. Крестьянская партия во главе с Карлисом Уманисом захватили власть, арестовали всех видных социал-демократов, распустили Сейм, который занимался только болтовней и драками, а про дело и государство забывал, и в стране наступил покой. Все ожило и начался период расцвета страны. Расцвет почувствовали и мы у себя в конторе, работы стало гораздо больше, а раз больше работы, значит росло и наше личное благополучие.

Так много событий было связано с 1934 г. После смерти архиепископа Иоанна Латвия осталась без церковного руководства. Что делать? Связаться с Московским Патриархом наше правительство не разрешало. И после значительных размышлений решили, что другого выхода нет, как обратиться к Константинопольскому Патриарху.

Для того, чтобы священника возвести в сан епископа, нужно иметь двух- трех епископов, которые и совершают посвящение предварительно принявшего монашество, а, значит, кандидатом может быть только вдовый священник. Самым уважаемым священником у нас был о. Иоанн Янсон, но у него жена. Опять судили, рядили, и матушка Янсон готова была даже поступить в монастырь, чтобы о. Иоанну дать возможность стать кандидатом. Но, к счастью, это не состоялось, нашелся другой кандидат, а именно, о. Августин Петерсон из Двинска- он

вдовый, значит, его посвятить можно. Константинопольский Патриарх отозвался и прислал двух епископов: одного из Сирии, второго из Лондона – Германа, и хиротония при торжественной обстановке состоялась 29 III 1936 г.

Но для того, чтобы церковь могла быть самостоятельной, требуется три епископа: глава и два викарных, и опять начались поиски. Первым вдовым священником, подходящим кандидатом оказался о. Александр Витол, вторым – о. Яков Карп из Кокнесе, и оба они были хиротонисованы: епископ Александр Ерсикский с местопребыванием в Двинске, второй – епископ Карп Елгавский с местопребыванием в Елгаве. Итак, хорошо ли, плохо ли, а жизнь потекла, пока не настал 1941 год, когда Латвия присоединилась к Советскому Союзу и из Москвы для управления нами был прислан Митрополит Сергей, возглавивший в качестве Экзарха все три наши республики: Латвийскую, Литовскую и Эстонскую. И опять все казалось налаженным, но Августин быть викарным не согласился и был отстранен от должности и лишен права служить. В скором времени умер епископ Александр, на его место был посвящен еп. Даниил, после войны архиепископ Пинский.

А когда-то на его место был посвящен ... Гарклав. С ним у меня было знакомство давнишнее. Когда я по церковным делам был как-то в Лимбажи, он там был псаломщиком. Священника на месте не было и Гарклав принял меня. Обсудили мы дела, и я направился к Гарклаву на квартиру. Время было осеннее, прохладное, на квартире топилась печь, дверцы открыты, а жизнь Гарклава холостяцкая. Надо было меня как-то угостить, и принялся Гарклав в печке жарить колбаски, и очень вкусно мы покушали и вели беседу, пока пришло время идти на автобус в Ригу.

Не знаю почему, но Митрополит Августин сразу отнесся ко мне и к моей работе

После освящения церкви в Икшкиле. Фотография В. Шервинского

для Церкви отрицательно и прервал мою работу письмом от 34 декабря 1936 года:

«23. decembrī 1936 g.

A. G. Arch. V. Šervinska k-gam

Latvijas Pareizticīgās Baznīcas ... savā š.g. 16. decembra sēdē nolēma paziņot ... pie Latvijas P/B. Sinodes nodibinājās Sinodes ... komisija un tādēļ paraksts – „Latvijas Pareizticīgās baznīcas Sinodes arhitekts” vairs ... Sinodes lēmumam un nav lietojams.

Sinodes loceklis: ...

Sekretārs: ... »

И все-же события церковной жизни не могли проходить без моего участия, ко мне руководство привыкло и со мной продолжали советоваться, так что в действительности мое любимое дело меня не покинуло и настоящего перерыва не произошло. Окончилось давно начатое строительство Лиелвардской церкви и в Икшкиле о. Николай Македонский просил меня помочь. Сначала пристроили притвор к кладбищенской часовне, потом алтарь, и получилась церковь. Обе эти церкви очень торжественно освятили в 1936 году, 14 и 21 июня. Я при освящении принимал активное участие, и в этом мне никто не мог отказать.

Работы сыпались, как из рога изобилия, только поспевай их делать. Старообрядцы тоже зашевелились, они вначале избегали

меня и скорее готовы были заказать проект еврею, чем православному. Как-то один знакомый еврей инженер-сантехник Фрутко, наш постоянный заказчик в светопечатне, пришел ко мне и рассказал, что ему заказали проект старообрядческой молебни, а он не знает, как рисовать крест, косую перекладину – слева направо или справа налево. Я к этому времени близко познакомился со старообрядцем Кудрячевым Василием Григорьевичем, а он был активным деятелем Гребенщиковской общины, а также я сошелся с Заволоко – общественным деятелем, старообрядцем. Я им часто жаловался на такое ко мне отношение и высказывал удивление, что старообрядцы меня обходят, ведь я мог себя считать знатоком старого русского стиля и действительно мог бы быть им полезен. И вот старообрядцы стали ко мне обращаться, пришли Кампинишкские, Гривские, из Калупе. К Кампинишкским я выезжал и меня, хоть и пригласили, но встретили с большим недоверием, и возница меня вез со станции и все время молчал, но когда я вошел в хату, перекрестился на иконы, а потом только поклонился хозяевам, в настроении хозяев произошло резкое изменение, начали шептаться и можно было услышать слово: «Наш», и все кинулись мне помогать, меня усаживать и угощать и не знали, как мне угодить. Вышел я на

постройку, сделал нужные указания, меня снова пригласили за стол и, действительно, обласканный, я с приятным чувством уехал от гостеприимных хозяев, а тот же возница всю обратную дорогу говорил без умолку и признался, что они, ожидая меня, очень боялись, а не католик ли.

Сам Кудрячев несколько раз обращался ко мне за личными советами и с небольшими перестройками, как однажды сообщил, что хочет для Гребенщиковских строить детский сад и заказал мне проект, а когда оказалась необходимость возобновить позолоту купола колокольни Гребенщиковской общины, он просил меня проследить за работой. И детский сад, и золочение были работы интересные. Весь купол 64,0 м² был обнесен лесами, закрыт брезентом, потому что малейший ветерок мешает работать и уносит тончайшие лепестки золота. Работу производила известная в Риге фирма «Калерт», но столь крупные наружные работы и для специалиста были редкостью. Тщательно были проведены работы и вот уже 23 года держится прекрасно, а я от фирмы получил в подарок позолоченную фигуру Пушкина.

Очень меня обрадовало письмо, полученное мною из Литвы, из Мажейки:

«13 августа 1928 г. г. Мажейки (Литва)

Милостивый Государь!

Найдя в газете «Сегодня» от 13 августа с. г. снимки православного молитвенного дома в Лиелварде, строящегося по Вашему проекту, Комитет местной православной общины решил обратиться к Вам с просьбой выслать нам копию Вашего проекта. Дело в том, что Мажейкская православная община в данный момент стоит перед вопросом выстройки в этом году храма или молитвенного дома. Средства, которыми располагает община, почти те же, что и в

Церковь в Икшкиле готова.
Фотография В. Шервинского

Лиелварде. Ваш же проект, очевидно, будет наиболее подходящим в наших условиях.

Комитет Общины просит Вас сообщить Ваши условия на случай использования Вашего проекта.

Если же по тем или иным причинам проект окажется неподходящим, Комитет Общины обязуется в кратчайший срок вернуть его Вам.

Заседание общины, где будет решаться вопрос о постройке церкви, назначено на 19-е августа с. г. Поэтому было бы желательно, чтобы к этому времени проект Ваш был у нас в Мажейках.

Просим писать по адресу: Lietuva (Литва) Mažeikiai. K. Lvovui.

С почтением
Председатель
Православной Общины»

Часовня на старом Рижском городском рынке. Фотография В. Шервинского

Значит не только в Латвии мои работы нравились, понравились они, оказывается, и за границей, а понравился им проект Лиелвардского храма. Я сейчас же выслал копию проекта и написал, что это мой подарок, мой вклад в строительство нового храма. К сожалению, мне осталось неизвестным, состоялась ли постройка или нет.

Неугомонный о. Николай Колиберский, мой первый церковный заказчик в деревне Тюршино, нашел себе новое дело: в 10 км от Тюршино была выгоревшая, во время войны, каменная церковь, и он загорелся мыслью ее восстановить, и вот я уже в деревне Кудепе делаю обмеры, а потом составляю проект.

Неумный о. Сергей Ефимов только закончил большое дело строительства Яунлатгальской (Пыталовской) церкви, как появился с заказом на церковь-часовню в деревне Зуевка, между Яунлатгале и Ритупе и, в противоположность Кудепе, этот мой проект был осуществлен.

А старый наш знакомый, железнодорожник, задумал построить церковь в Вайноде,

посвятить в священники и стать настоятелем Вайнодского прихода. Проект я ему составил, жилой домик и временную церковь Лебедев успел соорудить, но тут помешали большие события и война, и из этой затеи ничего не получилось.

Жители Юглы захотели иметь свою церковь. Боровский приход в Латгалии тоже хотел строиться, и я делал эскизы. А Придруйский – ст. Индра – построились. Все время люди шевелились, и многое в действительности и сделали бы, если бы не война.

На старом городском рынке, на берегу Двины, был ряд русских зеленщиков, они торговали зеленью со своих огородов и дичью. Как истинные русские люди, а были они почти все переселенцы из Ярославля, устроили они себе на рынке часовню и часто служили молебны.

Когда рынок перенесли на новое место, зеленщики устроили и там свой ряд и без часовни заскучали, и явилась мысль в память московской Иверской часовни построить часовню в виде Иверской. Собрал я материал, составил прекрасный проект,

но осуществление было дорогато, а пока соберут средства устроили временную часовню в таком же роде, как и на старом рынке. Освящение часовни было большим событием и собрало цвет Рижского русского общества, и меня пригласили как близкого участника этого дела. Торжественно прошла служба, а после службы Кузубов (главный из зеленщиков) пригласил нас в чайную «Америка» на Мариинской ул. Я в чайной был впервые и все меня интересовало. За прилавком стоял огромный самовар, говорили, что пятиведерный, но на стол подавали только чайники, для кипятка большой чайник, а на нем – маленький для чая. Перед питьем полагалось стаканы полоскать, но, думаю, что не ради чистоты, так как все было очень чисто, а, наверно, по старому обычаю, чтобы согреть стакан. В стакан наливали немного кипятку, потом стакан опрокидывали бочком на блюдце и полоскали стакан, крутя его, потом воду выливали в полоскательницу, вытирали стакан и блюдце чистым полотенцем и наливали чай, довольно крепкий. Процедуру эту проделывал каждый сам, но видя что мы неопытны, для нас это проделала хозяйка, одна из Кузубовых. Красивые с цветными чайники, богато вышитые полотенца, бородастые купцы, да еще вообще необычность обстановки создавали совершенно особенное настроение. Не помню, было ли какое-нибудь угощение, но мне кажется, что не было, только чай, а может быть, были баранки.

Покровская церковь нуждалась в сторожке и в помещении для приходских собраний и спевков. Надо было что-нибудь построить, и наиболее удобным было свободное место с правой стороны у ворот. Чтобы видом жилого дома не испортить мирного уюта кладбища, я предложил дом со стороны улицы оформить как склеп в симметрию находившегося с левой стороны склепа – часовни семейства Верман.

Мысль моя членам совета понравилась и идея моя была осуществлена подрядчиком Дрегером.

В то же время на Покровском кладбище, на могиле известной певицы Черкасской ее подруги- «смолянки» (воспитанницы Смольного института) решили соорудить памятник. Деятельное участие в этом принял ее сын, живший в Америке и временами навещавший свою мать в Риге, а после – и могилу своей матери. Черкасская с большим успехом выступала в Мариинской опере в Петербурге и в оперном зале Народного дома на Петербургской стороне, а потом, живя в Риге, давала концерты вместе с сыном, тоже незаурядным певцом. За проектом для памятника «смолянки» обратился ко мне. Зная биографию Черкасской, зная как горячо ее любил Петербург, мне в памятнике хотелось изобразить Петербург, и мне кажется, что мне это удалось. Характерные формы Петербургских колонн я передал в нижней части обелиска, стройный обелиск сам по себе, вытянутый крест и классическая надпись – так воплотился у меня Петербург в скромных формах небольшого памятника. Тщательно я разрабатывал проект, долго думал над выбором материала и мастера, и остановился на простом местном камне известняка. Сдали мы работу в мастерскую скульптора Фольца, которой руководила теперь жена скульптора. На торжественное освящение памятника приехал Черкасский и сердечно благодарил меня за мои труды.

Захотелось мне испробовать и мой писательский талант (а ведь на выпускном экзамене в гимназии я за сочинение получил 3= (три с двумя минусами), и я воспользовался 400-летним юбилеем Коломенской церкви. Литературу я знал хорошо и написать мне было нетрудно, а напечатать помогли друзья, и на этот раз Перов, работавший корреспондентом в редакции газеты «Сегодня». И появилась следующая заметка:

«400-летие Коломенской церкви

В 1532 году, т. е. ровно четыреста лет тому назад в селе Коломенское, под Москвою, построен храм Вознесения, сооруженный в благодарность за рождение долгожданного наследника престола, Иоанна Грозного.

Храм этот красуется на высоком берегу Москва-реки. Он ранее входил в состав знаменитого Коломенского «Государева двора». В присутствии царя и всей царской семьи необычайно торжественно было совершено освящение храма «всем собором», с митрополитом во главе. В дни же своего рождения и именин царь Иоанн Грозный стоял службу именно в этом храме. Особенно любил бывать в Коломенском царь Алексей Михайлович. Ему и приписывается каменное «царское место», стоящее снаружи на круговой террасе около восточной (алтарной) стены храма. С этого места открывается чудный вид на прилегающую окрестность.

Коломенская церковь является первой каменной шатровой церковью (остроконечный верх венчающий церковь) и создает целый переворот в каменном церковном зодчестве.

В начале 16 столетия приглашенные из Италии архитекторы привезли в Россию новые формы итальянского возрождения и построенный Aleviso Novi Архангельский собор, в Московском Кремле, в своих деталях послужил примером для всех дальнейших построек. Итальянская же архитектура в целом не нашла в то время живого отклика и много большее влияние на церковное строительство того времени оказали родные, старинные деревянные храмы, основные формы которых целиком перешли в каменную архитектуру.

Обилие деревянных церквей и притом, вероятно, очень разнообразных форм, наводило на мысль воспользоваться формами деревянных храмов и в каменном зодчестве, а вместе с тем, воспользоваться той формой

плана, присущей деревянным шатровым церквам, которая дала бы возможность прочно установить на стены кирпичный шатер. Самой подходящей формой плана был крестообразный. Им и воспользовался строитель Коломенской церкви.

Москва как столица была тем центром, где волей или неволей сходились мастера со всей Руси для «Государева дела». Каждый вносил свое и сам пользовался многим. Так псковичи, призванные сюда в конце 15 и в начале 16 веков, привезли в Москву ступенчатую конструкцию арок и сводов, а также форму и способ сводчатого перекрытия церквей, без внутренних столбов.

По своей грузности шатер не мог быть установлен на столбах, на которых так легко покоились купола Киева, Суздаля, Новгорода и ранней Москвы. Шатер требовал надежных опор, а также комбинаций арок и сводов, которые передавали бы тяжесть шатра только внешним стенам. Эту задачу и облегчили псковичи своими ступенчатыми арками, которые дали возможность легко перейти к восьмигранному увенчанному грандиозным шатром с главкой.

Снаружи переход четырехгранника в восьмигранник искусно замаскирован тремя рядами «кокошников», являющихся тоже характерной формой деревянной архитектуры. Пилястры же и карнизы, которых много как снаружи, так и внутри, являются характерным заимствованием от итальянцев.

При сумеречном вечернем освещении, когда теряется различие в цветах окраски, сильнее выступает сходство Коломенского храма с северными деревянными шатровыми церквами, прообразами его.

Небольшая размером внутри, церковь благодаря своей высоте и широко раскинувшимся наружным галлерейм так называемого «подклета» производит впечатление грандиозности и важности. Колоссальность впечатления, производимого храмом,

отмечена и в летописи: «Бе же та церковь вельми чудна выотою и красотою и светлостью, такова не бывала прежде до сего на Руси», «Великий князь украси ю зело святыми иконами и великою добротою».

В каком состоянии Коломенский храм находится в настоящее время, большинству рижан хорошо известно из советского фильма «Путевка в жизнь», недавно демонстрировавшегося в наших кинематографах. Главные части фильма развиваются в этом храме, приспособленном под мастерские для беспризорных».

Очень интересным моментом было решение Вознесенского прихода строить многоэтажный приходской жилой дом. В Совет Вознесенской церкви втесался техник-псевдоархитектор Широн, который целиком завладел мыслями настоятеля прихода, и ко мне за советами ни настоятель, ни Совет никогда не обращались. А тут вдруг большая постройка. Сказал я о. Александру Лисману о моем желании принять участие в этом строительстве. Отказать мне было неудобно, а поручить дело мне не хотел Совет, и решили они организовать конкурс, думая дать I премию Шиرونу и этим решить, кому сдать работу. Хотя дело было спешное и очень я был занят, но все же ровно в назначенный срок я проект представил. Широна же проекта еще не было, он опоздал на целый день. Казалось бы, по общим правилам конкурсов, что его работа больше принята быть не могла и подлежала исключению. Но все же, по каким-то уважительным причинам, проект нашли возможным принять. Мой проект был лучшим, но что же делать, дать мне первую премию – значит дать мне разработку проекта, но этого нельзя было, и общим голосованием решили разделить первую и вторую премии пополам и дать две вторых премии. Выход, таким образом, был найден и работу, несмотря на все мои старания, получил Широн. И вдруг неудача.

Новый дом должен был строиться рядом с двухэтажным домом Покровской церкви. За работу взялись слишком рьяно, подкопали фундамент Покровского дома, и конец дома сел, получились сквозные трещины. Покровцы вызвали меня. Причина трещин была слишком ясна, и подозрения о моей пристрастности быть не могло. Я составил акт, сделал фотографические снимки, и вознесенцам пришлось признаться в своей вине и за свой счет сделать ремонт Покровского дома.

В 1933 году я получил следующее письмо:

«Herrn Arch. W. Scherwinsky,
Riga, Scheunen

Sitzung Donnerstag, den 23. März 1933 8 Uhr
abends im Q! Q! der Rubonia, Stufenstr. 18.

Tagesordnung

1. Protokollverlesung.
2. Vortrag mit Lichtbildern von Dozent P. Campe über Kirche Nikolai des Wundertäters in Riga.
3. Vortrag mit Lichtbildern von Arch. Scherwinsky über Православные храмы в Латвии.
4. Bericht des Kassafährens über die Jahrbuchangelegen und endgültige Beschlussfassung in der Angelegenheit (Tilgung der Anteilsseheine etc.)/
5. Mitteilungen und Anfragen.
Meldungen zu dem un ½ 9 stattfindenden Abendessen (Ls. 2.-) bei Arch. Briskorn Tel. 27624 oder 334.

Der Vorstand»

Архитектор Мельбарт, с которым я часто встречался и на экспертизах и в Городской Управе, где он был строительным инспектором, он же был председателем Architekten Verein'a. Он знал, как и все рижане, какое большое участие я принимаю в жизни Православной церкви в Латвии, предложил мне прочитать в Architekten Verein'e доклад о православных церквях Латвии. Я никогда

докладов не читал и было мне страшновато, но отказываться было неудобно и я согласился. Тщательно я подготовился, приготовил черновик, отобрал фотографии. Доклад прошел удачно, слушатели были довольны. Успех меня окрылил, захотелось прочитать еще что-нибудь, а тема у меня была готовая, это Псково-Печорский монастырь, который я за три поездки так тщательно изучил и так старательно фотографировал. Я к докладу стал готовиться, написал текст доклада, подобрал фотографии, но сказать Мельбарту о том, что у меня подготовлен новый доклад, так и не решился.

Вот тезисы моего доклада о православных церквях Латвии:

«Дорогие коллеги!

В 1924 г. совсем неожиданно я попал на должность Синодального архитектора Латвийской Православной церкви. В это время происходило разорение Алексеевского монастыря, иконостас церкви Алексеевской со всеми иконами был выломан, свезен к Собору и, буквально, выброшен за ограду. Долгое время духовенство не знало, что делать. Никто из известных духовенству архитекторов и инженеров не брался из груды обломков восстановить иконостас. Главный иконостас Собора, установленный при постройке архитектором Флугом, был в 1915 г. эвакуирован и вместо него временно был составлен иконостас из иконостасов приделов, приделы же остались ни с чем. Узнав о затруднительном положении духовенства, я предложил свои услуги и две недели, почти без отдыха, днем и ночью я находился в соборе и руководил установкой Алексеевского иконостаса перед главным алтарем. Благополучно мы закончили эту работу и установили также иконостасы приделов на их характерные места.

По окончании этой работы, я был вызван в Синод, где мне было сообщено, что Синод хотел бы иметь меня своим архитектором.

(Тут были показаны световые картины: Собора до Первой войны, главный алтарь в оккупационное время, временный иконостас и, наконец, иконостас Алексеевский.)

Не имея возможности до сих пор заняться основательным исследованием православных церквей Латвии, хочу дать краткий обзор наиболее интересных церквей только в виде сырого материала, а также краткий обзор православных церквей, построенных в последнее время.

1. Самая старая церковь Алексеевского монастыря, построенная в 1710 г. Петром Великим на развалинах иезуитского монастыря и перестроенная в 1751 г. генерал-губернатором Долгоруковым, с тех пор однако уже несколько раз переделанная (Первоначальный вид и вид уже перестроенной.)

2. Петро-Павловская церковь в Цитадели, построена в 1786 г. архитектором Христофором Хаберландом – окрашена в два цвета, благодаря чему архитектурные формы особенно хорошо выделяются.

3. Троице-Задвинская церковь на Кливерсхольме в 1781 г. с рисунка Броце. Новая построена в 1892 г. гражданским инженером Эпингером.

4. Старая Иоанновская церковь, перенесена с Всехсвятского кладбища, где она уцелела во время пожара 1812 г.

5. Церковь в Усть-Двинской крепости 1786 г. архитектора Хаберланда (А. Ф. Виста – Э. У.). В настоящее время не существует.

6. Александро-Невская церковь 1820 г. (1820-1825 гг. – Э. У.) вместо сгоревшей церкви Живоносного Источника 1791 г.

7. Благовещенская церковь 1814-18 г. вместо сгоревшей в 1812 г., построенной в 1774 г., иконостас 1854 г.

8. Из Рижских церквей хочу обратить еще внимание на новую Иоанновскую церковь. Из церквей провинциальных наибольший интерес представляют, в хронологическом порядке:

1. Николаевская церковь в Якобштате – построена в 1660 г., до 1772 г. была униатской.
2. Вышгородская старая – построена в 1690 г.
3. Качановская церковь в селе Покровское, Пыталовского уезда, построена в 1790 г.
4. Петро-Павловский собор в Двинской крепости – Екатерининского времени.
5. Покровская церковь в Якобштадте – возобновлена после пожара в 1787 г., вначале униатская, а с 1839 г. православная.
6. Старо-Слободская церковь около Зилупе – 1842 г.
7. Шкельтовская церковь Двинского уезда, деревянная, построена в 1836 г.
8. Кульневская церковь Режицкого уезда – 1832 г.
9. Митавская церковь на кладбище – 1858 г.
10. Лимбажская церковь – фотография 1860 г., акварель 1820 г. (собственность д-ра Графенфельса).
11. Преображенская пустынь под Митавой, отделение Св. Троице-Сергиевского женского монастыря, построена в 1898 г.
12. Лудзенский собор.

(Все церкви демонстрировались световыми картинами.)

В послевоенное время, когда граница Латвии окончательно установилась, оказалось что некоторые большие приходы были разделены новой границей. Церкви оказались вне пределов Латвии, в Советском Союзе и некоторые в Эстонии. Есть приходы, особенно в Латгалии, где прихожане, затрудненные ездой в далеко расположенные церкви на латвийской территории, выразили желание построить свои церкви. В некоторых же приходах церкви были разрушены войной, и эти приходы тоже хотели строить или возобновить свои церкви. А в некоторых местах из-за разразившейся войны начатые постройкой церкви стояли недостроенные. Принимая во внимание описанное, Синод Латвийской Православной церкви всемерно шел навстречу желаниям

приходов и помогал как средствами, так и инвентарем.

И вот был построен целый ряд церквей от самых маленьких, в виде часовен, до самых больших, как, например в Риге была достроена Иоанновская церковь – Собор Московского форштадта.

Принимая во внимание то, что в России с каждым днем гибнет все больше старинных русских церквей, я задался целью, по мере возможности, создать здесь то, что там пропадает, и при деревянных постройках воспроизводить формы Архангельской и Вологодской губерний, а при каменных постройках подражать формам Псковским и Новгородским, что, однако, не всегда удавалось из-за отдаленности строительства и непонимания строителями моих желаний.

1. Самые маленькие из недавно построенных – Хрщевская церковь и Роговская – особенно характерна форма крыши с переломом книзу, и стены, расширяющиеся кверху.
2. Церковь в имении Розентова около Режицы.
3. Церковь в деревне Зуевка Пыталовского уезда.
4. Даличенская церковь – среди громадного болота, проходимого только зимой.
5. Колокольня около причтового дома Буртниецкого прихода. Причтовый дом там приспособлен под церковь вместо сторевшей церкви.
6. Подобные приспособления причтовых домов имеются еще в Энделини, Болдерае и др.
7. Гришино-Горская церковь около ст. Ригупе.
8. Лиелвардская церковь в соединении с квартирами для священника и сторожа.
9. Тюршинская церковь на границе с Эстонией с иконостасом из Александровской гимназии. Приход отделен от Лавровского в Эстонии.
10. Церковь в имении Шкильбены в Пыталовском уезде.

Собор в Лудзе после городского пожара.
Фотография В. Шервинского

11. Муравейская церковь в имении Радовка около Качанова.
12. Квитанская церковь в Лудзенском уезде.
13. Троице-Задвинская – отремонтированная в старомосковском стиле.
14. Дуббельнская церковь – внутренняя отделка.
15. И, наконец, Пыталовская церковь лучше всех других выдержанная в северном русском стиле. В 1926 году явилась мысль выделить отдельный Пыталовский приход. Еще недавно маленькое местечко стало быстро разрастаться и постройка церкви явилась сущей необходимостью. Временно было приспособлено помещение для богослужений в доме, и в 1929 году состоялась закладка, а полтора года спустя при весьма торжественной обстановке храм был освящен.

Пыталовская церковь является самой большой из построенных в послевоенное время.

(И в этой части мой рассказ сопровождался световыми картинками.)».

Страшное сообщение облетело все газеты (1938 г.): «Горит Лудза». Со всех сторон

туда помчались пожарные команды. Но чем сможешь деревянному городу, да еще в такое сухое время, и город сгорел, только на окраинах осталось несколько домиков. Сгорел старинный деревянный костел и подгорела православная церковь. Только, действительно, героическими усилиями удалось церковь спасти. Только шпиль колокольни покосился, несколько отчаянных мужчин – прихожан забрались на колокольню и заливали огонь водой, непрерывной цепью подаваемой вверх другими прихожанами.

Хоть официально я и не был больше Епархиальным архитектором, но душой я все время был привязан ко всем церковным начинаниям, особенно когда случилось несчастье. Величина повреждения церкви была неизвестна и я следующей же ночью поездом поехал туда. Страшна была картина сгоревшего города: куда ни помотришь – всюду только трубы и печи, и дымящиеся остатки домов. Дом бабушки не пострадал, и его прихожане спасли, одиноко он теперь стоял среди развалин. Ис большим удовлетворением я установил, что собор пострадал только незначительно.

На мое предложение произвести в Риге сбор на восстановительные работы, прихожане дружно мне ответили, что не надо, что они сами все опять приведут в порядок.

В 1939 г. задумали произвести капитальный ремонт (кафедрального – Э. У.) Собора, так как внутренняя отделка сильно пострадала еще в 1918 г., когда для ремонта Окружного суда частично содрали жест с Собора и, пока все опять привели в порядок, получились значительные протечи, и до сих пор не удалось еще сделать внутренний ремонт, а тут у Собора оказались деньги. У Собора было несколько домов в Цитадели, и правительство предложило эти дома продать. На продажу эту надо было смотреть как на нечто обязательное, и Собор оказался при деньгах. То же было

и с другой церковной недвижимостью: дача в Булли, луга на Спилве, огороды между улицами К. Барона и Бривибас напротив монастыря. Синод оказался при деньгах и купил дом на углу Бривибас и Мельничной, где поселился митрополит Августин.

К ремонтным работам в Соборе меня не привлекли, и это было очень хорошо, работами руководил Антонов. Митрополит Августин возненавидел иконостас Алексеевского монастыря и решил его заменить иконостасом из Либавского Морского Собора. Православная общественность и люди, ценители старины, восстали против этого намерения, ходили к Августину лично, писали в газеты, но ничего не помогло – что Августин раз решил, то он и делал, тут можно было говорить сколько угодно, и старинного иконостаса не стало. С болью мы смотрели, как рушилась старина, как уничтожали то, что с такой любовью когда-то спасали и ставили, чтобы сохранить.

Никто, конечно, не скажет, что Либавский иконостас плох. Нет, он хорош, но это не причина губить старинную художественную ценность. Иконостас Алексеевский был сложен в подвале Собора, частично его уже растаскали по другим местам, а остальное постепенно разрушалось. Но дело совершилось, и как-то я, проходя мимо собора, вижу – в ограде иподиаконы что-то пилят, и показалось мне, что мелькнул блеск позолоты. Я сейчас же прошел за ограду и увидел, что около пильщиков лежит груда украшений Алексеевского иконостаса, а также и иконы. Иподиаконы усердно пилят, не смущаясь моим присутствием, и остановились только на минутку, когда я к ним обратился с вопросом, как они могут так у всех на виду пилить святыни. И начав снова пилить, только буркнули в ответ: «Наша пила все возьмет». Я был крайне возмущен и тут же направился к митрополиту Августину, а жил он как-раз мне по дороге, как я уже упомянул, в новокупленном доме на

углу Бривибас и Мельничной. У Августина был в этот момент теперешний настоятель собора священник Намниек. Я обратился с вопросом, известно ли митрополиту, что делается в соборной ограде, что там пилят части иконостаса и иконы: «Ах, это глупости, там только совершенно негодные части иконостаса». А Намниек добавил: «Иконы не пилят, их только вынесли». «Один иконостас я уже сжег», – цинично добавил еще митрополит Августин (подразумевая иконостас Двинского крепостного Петро-Павловского собора, иконостас тоже большой художественной и исторической ценности. Иконостас, так же как и в Либавском Морском соборе, был убран, и средний, главный алтарь был превращен в лютеранский. Правый придел был оставлен православным, а левый дан католикам, но они не воспользовались).

И оба постарались скорее от меня избавиться.

Что уже распилено, того, конечно, больше не спасешь, но дальнейшая распиловка все же прекратилась.

Намниек попал в настоятели собора при очень некрасивых обстоятельствах. Как-то он присутствовал на очередной митрополичьей службе и по окончании службы, когда все духовенство собралось на солее и тут же был всеми любимый настоятель собора о. Иоанн Янсон, митрополит, передавая крест Намниeku, сказал, обращаясь к народу: «Это ваш настоятель». Мы все были поражены и сильно взволнованы и на этот раз к кресту не подошли, и только всегда спокойный и хладнокровный о. Иоанн медленно повернулся и ушел, не показывая вида, насколько ему это должно было быть обидно. Все время царствования митрополита Августина было для нас тяжелым испытанием, мы продолжали ходить в собор, потому что привыкли к нему, но сильно переживали текущие события и несправедливости, творившиеся у нас на глазах.

Репатриация немцев. Корабли в гавани. Фотография В. Шервинского

В 1938 г. пришло сообщение, что советское правительство на нашей территории строит военные базы по побережью Балтийского моря, а в 1939 году наше правительство по соглашению с правительством Германии выпускало со своей территории всех немцев, и Кредитный банк перенимал их недвижимое имущество. Уезжавшим немцам было обещано, что вместо оставляемого имущества им в Германии будет присуждено имущество равноценное, а значит, надо было знать, что оставляется и какова его ценность. Было организовано специальное бюро УТАГ и во главе его стал знакомый нам инженер Интельман. Оценка надо было сделать несколько тысяч, а делать их доверялось только неужезжающим, считалось, что уезжающие будут пристрастны и оценки получатся слишком высокие. Когда выяснилось, что я не уезжаю, то делать оценки предложили мне и дяде Мише, а мы привлекли и Николая Николаевича Дресвина. Были даны инструкции, что и как делать, были напечатаны специальные бланки и работа началась. Было много оценок в Риге, но также много и по провинциальным городам. Сельское имущество оценивал кто-то другой, мы в этом отношении были некомпетентны. Много обращались к нам и с частными заказами, думая, что частная оценка будет для них выгоднее. Дядя Миша, кроме рижских, взял еще и ближайшие города, достижимые за

один день, как то: Митаву, Тукумс, Взморье, Сигуду, а я, как свободно располагавший временем, взял все остальные и объездил, таким образом, почти все города Латвии. Был я в Цесисе, Валмиере, Валке, Руйене, Апе, Алуксне, Лудзе, Двинске, два раза в Краславе, Крустпилсе, Екабпилсе, Плявинясе, Яунелгаве, Бауске, три раза был в Либаве (там было много оценок и долго мне пришлось бы разыскивать нужные объекты, если бы моим гидом не оказался либавчанин, отец нашего «аркта» Гедгофт. Он по списку сейчас же составил самый выгодный маршрут, сопровождал меня все время и помогал производить обмеры), Гробини, Айзпуте, Дурбе, Кулдиге, Кандаве, Талси, Валдемарпилсе, Дундаге, Кемери, Слоке, Вецбеки и т. д., а всего оценок оказалось около 600.

Вентспилс получил Николай Николаевич, а в Либаве было так много, что я туда выезжал даже три раза. Ездить в те времена было очень удобно, билет в спальном вагоне всегда оплачивался и работа эта мне очень нравилась. С утра до вечера я ходил по городу, осматривая, обмеряя и делая записи, а по возвращении в Ригу несколько дней обрабатывал материал и все заносил по назначенной форме. Только сдашь кучу работы, как получаешь заказ на новую, и так с недели на неделю, с месяца на месяц. Началась эта работа еще зимой, а кончилась среди лета.

Милый о. Памва, наш неотступный проводник по святыням монастыря, а их там много, дает объяснения по плану. Фотография В. Шервинского

Немцы начали собираться в путь, паром за паромом приходили из Германии, поглощали в своих трюмах так называемые лифты, это большие фургоны, куда немцы укладывали свое движимое имущество. Сами немцы занимали места в каютах и на палубе, и покидали родину. Почти все, можно сказать, покидали родину с тяжелым чувством, но Führer звал и надо было слушаться. Как-то я встретил Мельбарта: «Когда вы едете?» – спросил он меня, а я ему ответил, что и не собираюсь. Он был очень удивлен и говорит: «Но ваша дочь ведь посещает немецкую школу». «Нет», – ответил я, – «она ходит в русскую школу», и он замолчал. Ясно чувствовалось, что он с удовольствием остался бы, но не мог, он был немец и всегда называл себя таковым. Да, грустно было смотреть на них, ведь мы к ним всем привыкли и не хотелось даже думать о том, что может быть никогда больше не увидимся. Архитекторы- немцы уезжали все и некоторые из них, как Майдел, Гринберг, Бекер, Штанге приходили к нам в контору с грудой незаконченных дел и просили позаботиться о их клиентах, им неудобно было оставлять начатые постройки

без надзора, и давали мне списки, сколько кого еще оставалось получить. Майдел еще прибавил мне разные книги и архитектурные журналы, а Гринберг оставил шкафчик и предлагал еще большой книжный шкаф, но я не взял, некуда было его поставить. Штанге оставил комплект планшетов городского плана. Дел было много, но радости особой не было, смутное чувство говорило, что все это может быть не к добру. Не помню я, какие условия оплаты были за оценки, но были во всяком случае хорошие и за 600 сделанных оценок я заработал баснословную сумму – около 18 000 латов.

Я всегда мечтал о крупном заработке, чтобы осуществить мою давнишнюю мечту – попутешествовать, и как раз в этот момент Ротаст (наш «аркт» и староста собора) совместно с эстонцем Тирманом стал собирать группу, желающую принять участие в паломничестве на о. Валаам, во всемирно известный Валаамский монастырь. Я сейчас же ухватился за эту мысль, столь знаменитый монастырь и вообще Финляндия да еще через Таллинн – что может быть для начала лучше. Но Санечка панически боялась моря и, узнав о моем желании, сказала,

что морем – ни за что. Но ведь морем всего только три часа и не по открытому морю, а по заливу и на большом немецком пассажирском пароходе. Но Санечка все – нет, морем боюсь. «Ну, тогда я поеду один, от такой возможности отказаться нельзя». И это подействовало, согласие было, я записался, уплатил деньги и мы стали готовиться. Подробно об этой поездке описано в Танином дневнике кн.6. Скажу только, что никто из нас не пожалел о том, что поехал, и Санечка тоже была очень, очень довольна. На поезде до Таллинна, потом сразу же посадка на пароход Rüggen и чудная поездка по совершенно тихому морю. Краткий осмотр Хельсинки, и в спальном вагоне дальше. Купе были на троих, а Володечка был четвертый и его, за сына, взяла к себе молодая рижская чета, как мы их прозвали, «серые». Пара, с которыми мы попадали в разные поездки и очень с ними подружились. В Сартовалле (Сердоболь) – посадка на монастырский пароход. Надо сказать, что Валаамский монастырь был большим культурным уголком на севере России и делал решительно все сам, вплоть до судостроения, и пароходик, на который мы сели, был построен в монастыре.

Поездка по озеру была бурная, но промелькнула быстро, и сквозь туман показался силуэт монастыря.

Радушно нас встретили, а было нас много, не помню сколько из Риги, но вместе с таллиннцами почти 100 человек. Огромная Валаамская гостиница поглотила нас всех, и незаметно было. Она была рассчитана на несколько тысяч человек, так много в свое время съезжалось из России. Бесконечные коридоры и все двери, двери и двери.

Первая встречает приезжающих Никольская церковь, она стоит на маленьком островке при входе в монастырский залив, и только после нее из тумана выступает силуэт главных строений. Резная фигура св. Николая Чудотворца в Никольской церкви.

Таких фигур имеется всего три: на Валааме, в Печорском монастыре и еще где-то на севере, потому что скульптура в православных храмах не принята.

Настоятель монастыря был человеком очень дальновидным, ведь был 1939 г., мы на Валааме были почти накануне войны и настоятель это чувствовал еще за несколько лет вперед, и на всякий случай приобрел в самом центре Финляндии участок земли и возвел там самые необходимые монастырские постройки. Но средств на это ведь не было и потому он распорядился вырубить часть леса в глухом районе острова. Лес был продан, а, значит, и средства были.

Когда началась война, все монахи с наиболее ценным имуществом перебрались по льду в свое новое гнездо и этим самым оказались спасенными и обрели новое мирное житие – монастырь «Новый Валаам» в Папин-ниemi.

И вдруг предложение: «Желающие могут прервать пребывание в монастыре и совершить поездку по озерам и шлюзам Финляндии». Мне не захотелось, на острове было так мирно и хорошо, и мы ведь не все еще видали, не побывали еще на Святом острове, и мы остались.

По дороге назад мы захали к «Иматре», но большой Иматры больше не существует, она вся захвачена плотиной и пусто каменистое русло. Но чтобы увидеть хоть что-нибудь, нас на автобусе повезли к «малой Иматре», и хоть она и «малая», но бурный исток производит большое впечатление.

И опять мы в красивом городе Хельсинки (Хелсингфорс). На главной площади города стоит памятник Императору Александру II. Нас это очень удивило, как это финны, так не любящие все русское, даже по-русски их спросить ничего нельзя было, они притворялись непонимающими, и вдруг – русский император. Но нам объяснили, что финны так чтят память о Александре Втором,

сделавшим Финляндии много добра, что никто даже помыслить не смеет что-нибудь дурное о памятнике.

Новостроящийся стадион для всемирной олимпиады и высоченная башня со скоростным лифтом и чудным видом на весь город и окрестности.

Прощай Финляндия, прощай «дивный остров Валаам», больше такой поездки не будет, нет больше мамочки, и нет больше Валаама. Не прошло и полгода,

как разразилась Финская война. Старцы Валаамовские были мудры и дальновидны, они вырубili часть прекрасного леса на острове, продали его и на вырученные деньги купили землю в центре Финляндии и обосновали там отделение монастыря, а когда война стала для Финляндии неблагоприятна и ясно было, что остров Валаам будет взят, монахи со всем своим имуществом перебрались в свое отделение монастыря, а остров стал военным опорным пунктом.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Эйжена Упманиса

Примечания

- 1 Владимир Лунский (1862-1916), гражданский инженер, в 1892-1905 гг. – архитектор Лифляндской губернии.
- 2 Митрофорный протоиерей Николай Шалфеев.
- 3 Михаил Дмитриевич Кривошапкин
- 4 Якимович, подрядчик
- 5 Сайэ, кровельных дел мастер
- 6 Пушаков, кузнец-художник
- 7 Старый Иоанновский храм, впоследствии – храм Казанской иконы Божьей матери
- 8 Художница Лунская.
- 9 Ауслиц Вольдемар, аркт
- 10 Англиканский епископ
- 11 Макс Шервинский (1859-1909) – архитектор, директор Рижского ремесленного училища, отец В. М. Шервинского.
- 12 Нина Шервинская – сестра В. М. Шервинского.
- 13 Трофимов Николай Иванович (1891-1979), архитектор
- 14 Симонсон Отто – архитектор
- 15 Наместник (с 1920 года) Псково-Печерского монастыря епископ Печерский Иоанн (Булин, 1893-1941).
- 16 Леонид Зуров – писатель
- 17 Протоиерей Николай Смирнов, настоятель Троице-Задвинской церкви
- 18 Фрейганг – малярный мастер
- 19 Альбицкий – врач в Ливанах
- 20 Написано около 1970 г.
- 21 Крамп (Крампис) Нина Ивановна, дочь настоятеля Борисо-Глебского собора в Даугавпилсе о. Иоанна Крамписа, племянница супруги В. М. Шервинского.
- 22 Степанов Валентин, художник
- 23 Написано около 1970 г.

Публикация документов

Церковная Летопись по Михаловской Церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы

(Латгалия конца XIX – начала XX вв. в описании
священников Ильи и Владимира Борисовичей)

Православные приходы на территории Латгалии (Инфлянтии) с 1833 года до начала 1920-х годов входили в состав Полоцко-Витебской епархии. По распоряжению Духовной консистории с 1867 года настоятели приходов начали вести приходские летописи. Рука церковного руководства не всегда «дотягивалась» до отдаленных от архиерейской кафедры латгальских приходов, поэтому не все настоятели с 1867 года начали писать летописи. Многие летописи начали составляться лишь в 70-80-х годах XIX века. В них события конца 60-х-70-х годов настоятели приходов описывали по памяти, т.е. такие записи только по форме были летописными, а по сути – воспоминания священника о недавнем прошлом.

Летописи составлялись по одной общей схеме: знаменательные события в приходской жизни; строительные и ремонтные работы в храме, домах причта и других приходских постройках; пожертвования храму; изменения в составе причта; численность прихожан; численность учащихся в

приходской школе; приход-расход приходских денежных средств и др.

Летописи являлись материалами приходского делопроизводства, хранились в храмах, были доступны причту, членам приходского правления, благочинным и архиерею. Более того, регулярная проверка правильности ведения летописей входила в обязанность благочинных. Да и многим архиереям во время обозрения приходов было интересно ознакомиться с новостями приходской жизни, т.е. почитать страницы приходской летописи. Зная об этом, настоятели приходов старались при описании событий избегать субъективных оценок, однако местами их личное отношение к происходящему все же проскальзывало.

Основным источником, из которого летописцы черпали информацию, были слухи, циркулировавшие в среде православного населения, а также местная периодическая печать (в основном – газета «Полоцкие Епархиальные Ведомости», которую в обязательном порядке выписывали все приходы

епархии). Таким образом, приходские летописи нельзя отнести к источникам по истории Латвии, но они могут служить историческим источником для исследования настроений местного православного населения.

Записи в «Михаловской»¹ летописи начинаются с 1869 года,² прерываются 1909 годом. Однако о. Никанор Трубецкой (1876-1959), настоятель Покровского храма с 1918 года, уже в годы существования независимой Латвийской Республики продолжил описание приходских событий и закончил их осенью 1943 года.

Летопись написана дореформенным письмом на бумаге размера А5. Ее писали от руки, чернилами, поэтому почерки летописцев менялись в зависимости от смены настоятелей. Очень своеобразный почерк был у настоятеля Михаловского Покровского храма в 1903-1918 гг. о. Владимира Борисовича. Латгальский краевед С. П. Сахаров, собирая в 30-х годах XX века материалы для своей книги³, просмотрел все летописи латгальских приходов и в конце каждой оставил свою пометку. В «Михаловской летописи» такой пометки нет. Судя по всему, С. П. Сахаров просто не смог разобрать почерк о. Владимира.

Страницы летописей, как правило, добавлялись одна к другой, а потом сшивались вместе. В летописи пронумерована каждая вторая страница, но местами нумерация полностью отсутствует. Общий объем «Михаловской летописи» – 91 страница.

«Михаловская летопись» делится на три части: первая – записи за 1869-1900 годы; вторая – за 1904-1909 годы и, наконец, третья часть – записи за 1918-1943 годы. Первую часть написал священник Илья Борисович⁴. Судя по всему, вначале составления летописи о. Илья просто не знал, о чем же писать, поэтому фиксация событий ограничивается лишь одним-двумя предложениями за целый год. Только с 1888 года летописное

описание становится пространным. Священник Илья Борисович строго придерживался формальной схемы фиксации событий, единственными отступлениями от которой были краткие сообщения о местных климатических условиях, реке – об урожае.

Вторую часть «Михаловской летописи» составил сын о. Ильи Борисовича – о. Владимир Борисович⁵. В этой части полностью отсутствуют описания событий 1905 года. Известно, что в этот год о. Владимир находился в приходе и регулярно служил в Покровском храме. Священник Владимир Борисович считался лучшим священником благочинного округа,⁶ поэтому пропуск в летописных записях нельзя объяснить небрежным отношением священника к своим обязанностям. Судя по всему, поведение паствы в 1905 году так поразило настоятеля, что он не смог найти в себе силы, чтобы описать это смутное время.

По неизвестным причинам записи о. Владимира Борисовича обрываются 1909 годом, хотя в Михаловском приходе он прослужил до 1918 года⁷. Его повествование часто только по форме разделено на годовые записи. По сути, они написаны в жанре эссе, в котором изложено мнение автора по общественно значимому вопросу, каковым, по его мнению, являлось нравственное падение народа под влиянием революции 1905-1907 гг. Стиль изложения священника – размышления человека, пытающегося понять, что же происходит с православной паствой. В его рассказе лишь только местами, как бы произвольно, проскальзывает личное отношение автора к происходящему.

Анализ информации летописи не позволяет заподозрить настоятелей Михаловского прихода в предвзятости. Вряд ли священник мог сгущать краски, говоря о падении уровня религиозности в крестьянской среде, ведь это могло быть истолковано благочинным как результат халатного отношения клирика к своей пастве. Поэтому священнику было

более выгодно скрыть перед церковным начальством этот факт, чем, наоборот, особо его выделить. Объективными представляются и заметки летописцев о сельском хозяйстве края. Никто не требовал от священников предоставлять эти сведения, поэтому у них не было какой-либо заинтересованности в превратной передаче этой информации. Думается, что она носит достоверный характер, ведь священники сами работали на приходской земле, поэтому хорошо разбирались в сельскохозяйственных вопросах. То же самое можно сказать и о передаче священниками реакции прихожан на те или иные события, происходившие в регионе или во всей империи в целом.

Первопричиной всех перемен летописцы считали промысел Божий, «Божие поущение». Именно этим можно объяснить дискретный характер их летописных записей, в которых на первый план летописцы выносили хронологию событий, а не их

причинно-следственные связи, которые, по их мнению, были predeterminedены Божественной волей. Поэтому многие события в жизни страны-региона-прихода были для священника важны только постольку, поскольку они были соотносимы с тем, что предначертано Священным Писанием.

Летописные записи михаловских священников не так наивны, как может показаться при первом прочтении. Не следует считать, что авторы просто описывали увиденное и услышанное. Священники-летописцы нигде не писали от первого лица, тем самым подчеркивая коллективный характер своего труда. Они не просто очевидцы описываемых событий, а искусные аккумуляторы, умело складывающие вместе мнения, царившие среди православного населения Латгалии. Именно поэтому летописные записи прекрасно иллюстрируют психологическое состояние латгальского православного населения в конце XIX – начале XX вв.

Текст летописи публикуется в современной орфографии.

Прежняя Церковь и самый приход существуют с 1778 года, освящена сентября месяца 28 дня Себежским Протоиереем Стефаном Лихиною, в память святых мучеников Терентия и Неонилы⁸, при Благочестивейшем Самодержавнейшем Великом Государе Императоре Павле Петровиче и Супруге Его Благочестивейшей Императрице Марии Феодоровне, и при Наследнике его Государе Цесаревиче великом князе Александре Павловиче и Супруге Его Благоверной Государыне Великой Княгине Елизавете Алексеевне. От этой Церкви в ризнице хранится под Престольный крест.

Примечание: Приход образовался из выходцев белорусских и великороссийских губерний. До постройки церкви жители сего прихода православного вероисповедания по всем

требам обращались в Синозерскую Церковь Себежского уезда.

Церковь деревянная вновь построенная, без приделов.

Домохозяев при сей церкви в 1778 году состояло 226 домов, в них жителей мужского пола 1141 душа, женского пола 1161 душа.

Жители все Православного вероисповедания. Раскольников и униатов в сем приходе не было⁹.

Из утвари всех вещей: оловянный потир, дискос, звездница и лжица – тоже оловянные.

Для хранения Святых Даров имеется киот один оловянный. Церковной суммы состояло на лицо 14 рублей 39 коп. серебром. Земли состояло в ведении причта всего 85 десятин и 1 832 сажений¹⁰. Крестьяне состояли

в ведении Люцинского¹¹ Староста, Казенного ведомства, части Михаловской.

Расстоянием сия Церковь состояла от Епархиального города Могилева¹² в 408 верстах, а от места Себежского Духовного заказа, Люцинского повета в 70 верстах.

В сем году состоял местным священником Самуил Илларионов Лузгин, дьячком Григорий Ильин Ольшевский.

2 февраля 1832 года на место священника Самуила Лузгина поступил священник Никифор Константинов Кушин. При нем состояли дьячек Роман Жемчужный и пономарь Арсений Тошкович(?). Благодичным состоял и. о. Люцинского благочинного Режицкий священник Иосиф Гумилев. Приход состоял: мужского пола 851 душа, женского 802 души, дворов по домохозяйствам 142.

12 февраля 1852 года на место священника Кушина поступил священник Феодор Заволоцкий. При нем состоял пономарь Роман Никифоров Жемчужный. Прихожан мужского пола 663 души, женского 682 души.

В 1862 году вместо ветхой деревянной церкви построена новая деревянная, однопрестольная церковь и освящена она Преосвященством Преосвященнейшим Василием, епископом Полоцким и Витебским¹³, в присутствии С.-Петербургского чиновника особых поручений П. Жадовского¹⁴.

В 1869 году марта 11 дня на место свящ. Феодора Заволоцкого поступил священник, Режицкий благочинный Илья Борисович. Дьячком состоял Иоанн Феодорович Нарбут. Пономарь Александр Борисов Темьян. Церковной суммы к сему году 141 руб. 15 коп.

Прихожан состояло мужского пола 899 душ, женского 928 душ, всего 1 829 душ, хозяев по домам 181.

В 1870 году производил ревизию Михаловской Церкви Преосвященнейший Савва, Епископ Полоцкий и Витебский, – народу было много в церкви ко встрече его – православных и католиков,

Преосвященнейший остался доволен аккуратностью причта.

Примечание: В 1870 году Преосв. Савва освящал первую новую каменную приходскую церковь вместо временной деревянной в селе Эйжеполе¹⁵, – в латышском приходе православном.

В 1873 году Преосвященнейший Савва, бывший Епископ Полоцкий и Витебский, перемещен в губернский город Харьков, а на его место на Полоцкую кафедру назначен Преосвященнейший Епископ Викторин.

13 августа 1875 года производил ревизию Михаловской церкви Преосвященнейший Викторин, Еп. Полоцкий и Витебский, при стечении множества народа, который, сказав ему свое архиастырское назидательное поучение и, преподав всем благословение, отправился на ночлег к местному священнику, Режицкому благочинному Ильи Борисовичу, а на другой день, рано утром, отправился в г. Люцин для совершения Богослужения в г. Люцине 15 августа в день Успения Божией Матери.

В 1881 году Михаловскую церковь соизволил посетить Его Имп. Высочество, Великий князь Николай Михайлович¹⁶. Ко встречи его собралось народу много, встреча его была священником у Западных дверей, в епитрахили и фелони с крестом. Великий князь, поцеловав крест, подал руку священнику, потом священник отправился в церковь и, став пред царскими вратами, произнес многолетие Его Имп. Величеству, Ее Имп. Величеству и Его Имп. Высочеству Великому князю Николаю Михайловичу и всему царствующему дому. Осмотрев церковь, Его Высочество соизволил посетить при церкви каменную часовню, – спросил, в память какого события она устроена. Священник объяснил, что она устроена Красногородским мещанином Опочинского уезда Иоанном Ярославцевым в память спасения драгоценной жизни Государя Императора от покушения

на него злодея в Париже в 1867 году мая 25 дня. Великий князь очень доволен остался встречей.

В 1883 году поступил на Епископскую кафедру Полоцкую Преосвященнейший Епископ Маркелл¹⁷.

В 1885 году посетил Михаловскую церковь Его Сиятельство, Господин Витебский Губернатор, Князь Долгоруков¹⁸. Потом зашел в часовню, помолился Богу пред Иконою Св. Благоверного князя Александра Невского, потом зашел к местному священнику в сопровождении Люцинского Предводителя дворянства Виктора Феодоровича Кутузова¹⁹ и Режицкого Предводителя дворянства Александра Николаевича Розен-Шмидт-Паулина.

В сем же месяце Его Преосвященство, Преосвященнейший Маркелл, Епископ Полоцкий и Витебский произвел ревизию церкви и прихода и по окончании таковой заявил, что найдено все в порядке.

1887 года августа 7 дня было полное затмение солнца, затмение началось в 4 часа утра, в это время у меня работали плотники. Когда совершилось полное затмение, плотники оставили работу, потому, что сделалось темно и работать им нельзя было. Начало затмения делалось с восточной стороны.

Апреля 28 дня 1888 года страшная буря с проливным дождем и страшным громом. 29 апреля был большой мороз.

Мая 20 1888 года была страшная буря с проливным дождем, с домов много свернуло крыш.

1888 г. Мая 21 дня. Смотрел Люцинский Благочинный, Протоиерей Димитрий Перлашкевич.

Мая 27 дня Его Преосвященство, Преосвященнейший Маркелл, Епископ Полоцкий и Витебский производил ревизию Михаловской церкви, нашел все в порядке и имел ночлег в Михалове, а 28 числа в 11 часов утра отправился в Гольшово.

20 числа ноября сильным ураганом снесло крест на колокольне Михаловской церкви и много свернуло крыш с жилых крестьянских построек.

Декабрь. 30 и 31 была сильная снежная вьюга, так что нельзя было выйти на улицу, при сильном морозе.

17 октября сего года на Курско-Азовской дороге, в 3-х верстах от станции Борки, произошло крушение царского поезда, в котором находились Государь, Государыня и Его семейство, чиновники, Его сопровождавшие и прислуга. Вагоны все раздробило, но царская семья, Провидением Божиим, вся спасена невредимо.

В сем году по приходу Михаловской церкви родилось мужского пола 80, браком сочеталось 34, умерло 32, присоединилось из латинства мужского пола 2, женского пола 2, из лютеранства мужского пола один.

За 1889 год

Январь.

12 и 13 чисел был сильный ветер и мороз был около 28 градусов.

Март.

14 числа сего месяца Высочайше утвержден доклад Св. Синода о бытии Епископу Ковенскому, первому викарию Литовской епархии, Антонину Епископом Полоцким и Витебским. Указом Его Имп. Величества от 27 февраля за №1140 Св. Синод слушали предложение Обер-прокурора Св. Синода, что Епископ Полоцкий и Витебский Маркелл 25 февраля Высочайше назначен к присутствию в Святейшем Синоде.

20 мая сильный ветер, холод и дождь с мокрым градом.

Июнь 29. По случаю праздника Св. Первоверховных Ап. Петра и Павла²⁰, на который прибыли Люцинский благочинный протоиерей Иоанн Гнедовский с дьяконом для соборного служения, 29-го совершено соборное всенощное бдение и Литургия, а

потом молебн Св. Ап. Петру и Павлу при многочисленном стечении народа. Соответственно празднику произнесено местным священником поучение.

27 августа. Его Преосвященство, Преосвященнейший Еп. Полоцкий и Витебский Антонин из Режицы в 6 часов вечера прибыл в г. Люцин в сопровождении протоиерея Василия Вочакова. Ко встречи Его Преосвященства собралось все духовенство Люцинского благочиния. В половине 7 часа Его Преосвященство изволил начать всенощное бдение в Люцинском соборе в сослужении двух протоиереев и 9 священников. На другой день совершил Литургию и после оной молебн и крестный ход около собора при многочисленном собрании народа, православных и иноверцев.

15 ноября. Выпал первый снег и стало морозить. 20 ноября замерзла Михаловская река Утрея. 25 ноября сильный мороз и иней. 26 ноября ясная погода и сильный мороз.

Всех прихожан мужского пола 1376 душ, женского пола 1269 душ. Родилось мужского пола 71, женского пола 77, браком сочеталось 34, умерло мужского пола 42, женского пола 45. Присоединилось из латинства мужского пола 2, женского пола 4. Из лютеранства мужского пола двое.

За 1890 год

Весна была теплая, на Св. Пасху погода была весьма приятная, теплая, пред Св. Великомуч. Георгием зацвела земляника. 29 июня по случаю праздника Св. Первоверх. Апостолов Петра и Павла, на который прибыл из Люцина Люцинский благочинный протоиерей Иоанн Гнедовский с диаконом Стефаном Бежинским для соборного служения. 29 числа совершено соборное всенощное бдение, Литургия и потом молебн Св. Первов. Ап. Петру и Павлу с крестным ходом при многочисленном стечении народа.

С 17 до 20 августа сырая погода. Осень довольно теплая. В сем году родилось мужского пола 72, женского пола 63, присоединилось из лютеранства мужского пола один, из латинства женского пола одна. Браком сочеталось 15, умерло мужского пола 47, женского – 49.

7 и 8 ноября морозы и река Утрея замерзла.

За 1891 год

Весна довольна теплая. Лето сухое.

29 июня к празднику Св. Перв. Апос. Петра и Павла, накануне, прибыли из города Люцина Люцинский благочинный протоиерей Иоанн Гнедовский с диаконом Стефаном Бежинским для соборного служения. 29-го числа, утром, совершили соборное всенощное бдение и Божественную Литургию и потом молебн Св. Пер. Апостолам Петру и Павлу с крестным ходом вокруг церкви при многочисленном стечении народа. Соответственно торжеству было произнесено и слово.

С 14 по 21 августа шел дождь и много помешал посевам ржи и окончательной уборке сена, а также и хлеба.

Осень довольна сырая и холодная.

Прихожан к сему году состояло мужского пола 1380, женского пола 1257 душ.

Родилось в сем году мужского пола 65, женского пола 80, присоединилось из латинства мужского пола 2, браком сочеталось 29, умерло мужского пола 37, женского пола 43.

26 ноября мороз, речка Утрея замерзла.

За 1892 год

Зима холодная, весна холодная и продолжительная. 29 апреля было видно частное затмение Луны. 10 июня в полдвенадцатого ночи на южной стороне неба виден был на небе шар светло-красного цвета, а в час ночи скрылся, удаляясь на юго-запад.

13 числа июля была сильная буря с проливным дождем.

1892 г. Июня 29. Смотрел благочинный протоиерей Иоанн Гнедовский

Осень весьма холодна, 21 числа ноября месяца стала замерзать река Утрея. Прихожан к сему году состояло мужского пола 1433 души, женского 1304. Родилось в сем году мужского пола 57, женского пола 73, браком сочетались 27 пар, умерло мужского пола 36, женского пола 48.

За 1893 год

Прихожан к сему году состояло мужского пола 1465 душ, женского пола 1356 душ.

Зима весьма холодная, весна холодная и продолжительная. 16 марта река Утрея вскрылась, лед разломан и прошел вниз. 22 марта – в день Св. Пасхи была полна церковь народом, как никогда не бывало, много было и лютеран – женщин пожилых и стариков.

1893 г. апр.28. Смотрел благочинный протоиерей Иоанн Гнедовский

1 мая Его Преосвященство Преосвященнейший Антонин Епископ Полоцкий и Витебский, из погоста Эйжеполе Люцинского уезда, в 4 часа после полудня прибыл в село Михалово в сопровождении Режицкого благочинного протоиерея Василия Борисовича. Здесь встретил Его Преосвященство Люцинский благочинный протоиерей Иоанн Гнедовский. Его Преосвященство подъехал прямо к церкви, где был встречен местным священником Ильей Борисовичем с крестом и местным благочинным протоиереем Иоанном Гнедовским. Приложившись к кресту и преподав Архипастырское благословение на обе стороны, Владыко, пришедши к иконостасу, прикладывался к местным иконам Спасителя и Божией Матери. По окончании молебна было возгласено многолетие Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему дому,

На празднике Св. Апостлов Петра и Павла в Михалове слева направо: о. Борис Раман, о. Кирилл Зайц, о. Александр Вицкоп, о. Феофан Борисович, о. Никанор Трубецкой. Конец 20-х годов XX века. Фотография из личного архива Дм. И. Трубецкого

Св. Синоду и Его Преосвященству, после отпуска осматривал Престол и Св. Дары. Потом, вышедши из алтаря, обратившись к народу. Владыко, преподав Архипастырское наставление быть твердым в вере, преданным и верным Царю и Отечеству, неупустительно посещать храм Божий и твердо исполнять все свои христианские обязанности, как учит Св. Православная Церковь, благословив каждого отдельно своим Архипастырским благословением, отправился в квартиру священника Борисовича. По пути зашел в часовню, находящуюся при церкви, приложившись к Св. Иконе Св. Благоверного Александра Невского, во имя которого она построена, расспрашивал когда и кем она построена и вследствие какого события. При входе в квартиру священника был встречен его семейством с хлебом и солью и, преподавши им свое Архипастырское благословение, изволил кушать чай. В $\frac{3}{4}$ 6 часа начали благовестить ко Всенощной, а в 6 часов прибыл в церковь Владыка и сейчас же началась Всенощная, которую совершил местный священник Илья Борисович с протодиаконом. По окончании Всенощной Владыко отправился в квартиру местного священника на ночлег в сопровождении Люцинского и Режицкого благочинных, исправника Лаврова, местного священника и старшего пристава Кудрявцева. На

пути, при выходе из церкви и на паперти благословлял народ, которого собралось до 500 чел., раздавал крестики (роздано 400 шт.) и брошюры религиозно-нравственного содержания, прибыл в квартиру в 11 часов вечера и отправился на покой. 2-го числа, утром, в 8 часов отправился в погост Гольшово – к Обедне.

29 июня – в день Св. Ап. Петра и Павла (годовой праздник) было совершено соборное служение местным священником Ильей Борисовичем совместно со священником Гольшовской церкви о. Владимиром Дыманом. После Литургии был совершен крестный ход вокруг церкви. Народу было очень много – примерно до 500, все молились благоговейно.

В сем году присоединилось к православно́й Церкви женского пола одна из католичества. Родилось мужского пола 70, женского пола 80 душ, бракосочетаний 27, умерло мужского пола 39, женского 41 душа.

За 1894 год.

К 1 числу января месяца сего года состояло прихожан мужского пола 1489 душ, женского пола 1364 души.

Весна ранняя и довольна теплая, а потом холодная и сырая. В день Святой Пасхи 17 апреля в церкви на всенощной и Литургии народу было весьма много и все молились усердно.

5 июня в день Св. Пятидесятницы народу в церкви было 519 душ, все во время Богослужения стояли благочинно и молились усердно. 18 июня в деревне Стиглово, состоящей из 17 хозяйств, отстоящей от церкви в полторы версты, в 5 часов вечера прошла градовая туча, и в течении каких-нибудь 15 минут времени побило весь озимый хлеб и много повредив раннему яровому хлебу. Крестьяне упали духом, предвидя бедствие.

29 июня – годового праздника. Накануне прибыл Люцинский благочинный о.

протоиерей Иоанн Гнедовский с диаконом Сергием Лузгиным и Бриговский священник Александр Борисович. Утром совершенно всенощное бдение соборное. К Литургии прибыл Гольшовский священник Владимир Дыман. В десять часов началась Литургия в сослужении о. протоиерея Иоанна Гнедовского, местного священника Ильи Борисовича, Бриговского священника Александра Борисовича, Гольшовского священника Владимира Дымана и о. диакона Сергия Лузгина. По завершению молитвы местным священником соответственно торжеству произнесено поучение. По окончании Литургии совершен молебен Св. Ап. Петру и Павлу с крестным ходом вокруг церкви, по окончании молебна возглаголено многолетие Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему дому, Св. Прав. Синоду и Преосвященнейшему Александру, Еп. Полоцкому и Витебскому, Градоначальникам, Военачальникам и всему Христианскому воинству и всем Православным Христианам. Народу присутствовало на молебне до 2 тысяч, молились все благоговейно.

2 июля в пятницу в 4 часа вечера была гроза с градом – градины величиной с грецкий орех, огородные попортило, но рожь осталось целой.

С 10 до 18 числа июля месяца шел сильный дождь, река Утрея вышла из берегов и затопила луга. С 20 числа установилась погода. С 12 по 15 ноября сильный ветер – во многих деревнях сорвало крыши с домов.

В сем году присоединилось из Латинства две души, из Лютеранства возвращена в Православие одна душа, родилось мужского пола 70 душ, женского пола 65. Браком сочеталось 39 (пар), умерло мужского 40, женского 41 душа.

1894 г. 20 октября умер Государь Император Всероссийский Александр 3-й, 20 октября вступил на престол Николай 2-ой Александрович.

Гуляние во время праздника Св. Ап. Петра и Павла в Михалове.
1939 г. Фотография из личного архива Дм. И. Трубецкого.

За 1895 год.

К 1 числу января месяца сего года состояло мужского пола 1558 душ, женского пола 1410 душ. Обоего пола 2968 душ.

6 января погода была ясная, тихая, на Иордане свечи горели без фонарей, народу присутствовало много, молились усердно.

В день Св. Пасхи – 2 апреля на Всенощной и Обедне народу было в церкви до 600 человек, много было православных латышей²¹, молились усердно, служение было соборное – служил местный священник Илья Борисович и миссионер латышский священник Петр Лепинь. Поучение произнесено о радости и торжестве от Воскресения Христова местным священником. Служба окончилась в половине 6 часа утра. Погода была тихая и теплая.

3 мая Его Преосвященство, Преосвященнейший Еп. Полоцкий и Витебский Александр²² в 4 часа пополудни прибыл из Мариенгаузена²³ в Михалово – прямо в церковь и был встречен местным священником

Ильей Борисовичем с крестом, местным благочинным протоиереем Иоанном Гнедовским и Гольшовским священником Владимиром Дыманом. Приложившись к кресту и осенив крестным знаменем духовенство и народ, Владыко отправился в церковь при пении певчими тропаря Храма Покрова Пр. Богородицы. Приложившись к местным иконам – Спасителя и Божией Матери, Владыко отправился в алтарь, осмотрел Св. Дары и Св. Антиминс и утварные вещи, потом вышел из алтаря. После отпуста и многолетия Государю Императору, Государыне Императрице Александре Федоровне, матери Его Государыне Императрице Марии Федоровне и всему Царствующему Дому, Св. Пр. Синоду и Господину Преосвященнейшему Александру, Еп. Полоцкому и Витебскому, местному причту и прихожанам, Владыко, осенив крестным знаменем народ, преподал пастырское наставление – быть твердым в своей Святой вере, усердными к Храму Божию и аккуратными исполнителями христианских своих

обязанностей. После сего начали прикладываться ко кресту, и Владыко раздавал народу крестики, которых роздано до 700 шт. и брошюрки религиозно-нравственного содержания, что продолжалось до 7 часов вечера. Потом Владыко отправился на квартиру местного священника Ильи Борисовича, кушал чай и в 12 часов, после ужина, отправился на покой в спальню, приготовленную для него. Утром, после чая, в половине 9 часа, отправился в город Люцин. Перед выездом его встретил господин Люцинский Исправник.

29 июня – годовой праздник Петра и Павла. С вечера отслужена святая вечерня. Утром совершено Всенощное бдение, к Литургии прибыл местный благочинный о. протоиерей, настоятель Люцинского собора Иоанн Гнедовский и Гольшовский священник Владимир Дыман и Люцинский диакон о. Стефан Бежанский. Литургию совершили соборно. Вместо Причастия местным священником произнесено слово (о любви к ближнему). По окончании Литургии совершен молебен Св. Ап. Петру и Павлу с крестным ходом вокруг церкви и после молебна провозглашено многолетие Государю Императору и всему Царствующему дому, Св. Пр. Синоду, Преосвящ. Александру, Еп. Полоцкому и Витебскому, причту и прихожанам. Народу было очень много, погода была хорошая. Народ молился усердно.

В сем году родилось мужского пола 66 душ, женского – 71, браком сочеталось 19 пар, умерло мужского пола 37, женского пола 38, присоединилась из Латинства одна.

За 1896 год

К 1 января 1896 года состояло прихожан мужского пола 1561 душа, женского пола 1421 душа.

В день Св. Пасхи 24 марта, ко Всенощной собралось народу очень много. Литургия

началась в четверть третьего часа и окончилась в 6 часов утра. Молились усердно. Погода была приятная.

19 июня в 2 часа после полудни пришла туча с сильным ветром, дождем и градом, много сорвало крыш с домов и побило градом рожь в деревнях, но скоро прошла эта гроза.

29 июня в день Св. Ап. Петра и Павла, с вечера начал собираться народ по случаю годового праздника. К Всенощной, утром, полная церковь собралась народу. К Литургии прибыл из Гольшова священник о. Владимир Дыман с диаконом Павлом Соколовым, о. благочинный не прибыл по случаю болезни. В 10 часов началась Литургия, служили соборно. Местным священником Ильей Борисовичем произнесено слово. По окончании Литургии совершен крестный ход вокруг церкви с молебном Св. Ап. Петру и Павлу, по окончании молебна провозглашено многолетие Государю Императору, Государыне Императрице, Матери Государя Императора, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему дому и Преосвященнейшему Еп. Александру и всем православным христианам. Молились все усердно и благоговейно.

Мая 14 дня, в день священного коронования и миропомазания на царство Их Императорского Величества, Государя Императора Николая Александровича и Государыне Императрицы Александры Феодоровны совершены всенощное бдение и Литургия, после молитвы произнесено слово (о высоте и благотворности власти Царской) местным священником Ильей Борисовичем, по окончании Литургии благодарный молебен с коленопреклонением и возношением многолетия Государю Императрице, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему дому, Св. Пр. Всер. Синоду и Преосвящ. Еп. Александру Полоцкому и Витебскому, Градоначальникам, Военочальникам,

христианскому воинству и всем православным христианам. В 4 ½ часа вечера по распоряжению дирекции народных училищ отслужен молебен в Михаловском народном училище в присутствии мальчиков и девочек, обучающихся в упомянутом училище, и учеников трех школ грамоты: Михаловской, Стигловской и Дегловской, и крестьян-хозяев Михаловской волости, старшины и сельских старост. После молебна разъяснено им о значении торжества сего и после возглашено многолетие Госуд. Импер, Государыне Импер., Матери Госуд. Импер., Наслед. Цесарев. и всему Цар. Дому, Св. Синоду и Пр. Александру Еп. Полоцкому и Витебскому, учащимся и их родителям, воспитателям и Православным Христианам. В вечеру устроена от общества иллюминация, раздавались брошюры религиозно-нравственного содержания, награждались ученики, часть – конфетами и булками, а, распив по рюмке водки и по кружке пива, торжество закончилось в 12 часов ночи.

Его Превосходительство Г. Витебский Губернатор мимо проездом посетил Михаловскую церковь. Остался доволен благоустроенностью и подобающей чистотой в церкви и, помолившись Богу, отправился в местечко Карсавка в сопровождении Исправника, Непременного Члена и Пристава 2 ст. Люц. уезда.

В сем 1896 году родилось мужского пола 59, женского 62 души, бракосочетание совершено 24 парам, умерло мужского 32, женского 41 душа. Присоединилось в православие из раскола 1 мужского пола, из Латинства 1 женского и из Лютеранства 1 женского.

За 1897 год

К 1 января сего года состояло прихожан при Михаловской Св. Покровской церкви, Люцинского уезда, мужского пола 1592, женского пола 1436 душ.

Умер Люцинский благочинный, протоиерей Иоанн Гнедовский.

Марта 22 дня прибыл вновь назначенный благочинный о. Феодор Никонович²⁴.

13 апреля в день Св. Пасхи. Еще с вечера начал собираться народ, чтение деяний Апостольских началось в девять часов вечера, Всенощная началась в 12 часов ночи и окончилась в половине третьего и сейчас же началась Литургия. Народу собралось к Литургии полная церковь – до 600 человек, Литургию совершал местный священник Илья Борисович. Литургия окончилась в четверть седьмого утра.

14 мая, в день священного коронования и миропомазания на царство Их Импер. Величеств Госуд. Императора Николая Александровича и Госуд. Императр. Александры Феодоровны, Михаловское волостное правление в память этого события приобрело Икону Св. и Чудотворца Николая в киоте и серебряно-позолоченной ризе и постановило мирским приговором поставить Икону эту в зале Присутствия и ежегодно служить молебен Св. Николаю при сборе хозяев всей волости о здравии и долгоденствии Госуд. Импер. и Госуд. Импер. и всего Царств. дома. Икона и портреты Госуд. Импер. и Госуд. Императрицы приобретены в С.-Петербурге и доставлены в волость и поставлены на места г. Непременным Членом по крестьянским делам Петром Яковлевичем Лавровым. К 4 часам приглашен местной Михаловской Св. Покровской церкви причт для освящения Иконы и служения благодарного молебна. К молебну прибыли из г. Люцина господин Уездный предводитель дворянства князь Мещерский, г. Исправник и Сельский Пристав и Секретарь Присутствия по крестьянским делам. В пять часов по освящению Иконы начался молебен в присутствии гг. чиновников края, всей волости – Православных и Католиков, молились усердно и благоговейно, после

Проповедь во время праздника Св. Ап. Петра и Павла произносит о. Никанор Трубецкой. 1939 г. Фотография из личного архива Дм.И. Трубецкого.

молебна возглашено многолетие Госуд. Импер., Госуд. Импер., Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему дому, Св. Пр. Синоду и Преосв. Еп. Полоцкому и Витебскому Александру, Градоначальникам и Православным Христианам. После сего священником и г. Членом Лавровым произнесены к крестьянам краткие речи о важности значения установленного торжества. После сего гг. чиновникам предложен был чай, а крестьянам угощение.

29 июня в день Св. Первоверховных Ап. Петра и Павла – в годовой праздник с 4 часов после полудня начал собираться народ, к вечерне собралось народу много. В самый праздник совершено Всенощное бдение местным священником Ильей Борисовичем, а к Литургии прибыл из Люцина местный благочинный о. протоиерей Феодор Никонович с диаконом Сергием

Лузгиным, а из Гольшово священник Владимир Дыман. Литургия началась в десять часов. Служение было соборное. Вместо Причастия местным священником Ильей Борисовичем произнесено слово (Как мы должны переносить постигаемые после беды напасти и скорби). По окончании Литургии совершен Крестный ход вокруг церкви с молебном Св. Первоверх. Ап. Петру и Павлу, по окончанию молебна возглашено многолетие Госуд. Имп., Госуд., Импер., Матери Госуд. Импер., Насл. Цесар. Георгию Александровичу и всему Царствующему дому, Св. Прав. Синоду и Г. Преосв. Александру Еп. Полоцкому и Витебскому, Градоначальникам и всем Православным Христианам. Народу было весьма много, молились все усердно и благоговейно. Богослужение закончилось в 2 часа пополудни. Погода была хорошая, по

окончанию Богослужения, немного спустя, народ скоро стал расходиться по домам.

Его Превосходительство Господин Витебский Губернатор Левашов²⁵ мимо проездом посетил церковь, где был встречен местным священником Ильей Борисовичем и очень остался доволен благовидностью и чистотою Храма Божия.

24 числа июля месяца по распоряжению Епархиального Начальства была сделана встреча в церкви Его Преосвященству, Преосвященнейшему Антонину Епископу Псковскому и Порховскому²⁶. На границе Полоцкой епархии, Люцинского уезда, в погосте Гольшово его встретил Люцинский благочинный, протоиерей Феодор Никонович и в половине 4 часа после полудня прибыл в Михалово в сопровождении благочинного Люцинского о. протоиерея Феодора Никоновича, Гольшовского священника о. Владимира Дымана, законоучителя Полоцкой Учительской семинарии о. Михаила Дубровского, Непременного Члена Присутствия по крестьянским делам г. Якова Петровича Лаврова, гг. Пристава 2 стана, Люцинского уезда, и из Люцина прибыл к встрече 2-ой священник Люцинского собора о. Феофан Борисович и помощник Исправника г. Богдановский. По дороге к церкви были устроены три Триумфальные арки, украшенные зеленью и цветами. Церковь вся была убрана зеленью и цветами, ковер от дверей ограды и в самую церковь был сделан искусственный из зелени и цветов. У дверей церковной ограды встретил Его Преосвященство благочинный о. Феодор Никонович и сопровождал Его, в преднесении крестьянами двух подсвечников с зажженными свечами, по пути до церкви, дети 8-ми и 9-ти лет бросали Ему под ноги цветы и зелень. У дверей церкви Его Преосвященство встретил местный священник Илья Борисович в епитрахили и фелони с крестом на блюде. Приложившись к кресту Владыко, преподав Архипастырское

благословение на обе стороны, последовал к иконостасу при пении певчими из детей школы грамоты тропаря храмового праздника Покрова Пресв. Богородицы. Приложившись к местным Иконам, Владыко предложил местному священнику отслужить молебен храмовому празднику Покрову Пр. Богородицы. После молебна вознесено многолетие Госуд. Импер., Госуд. Импер., Матери Его Госуд. Импер., Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему дому, Св. Прав. Синоду и Г. Преосв. Александру, Еп. Полоцкому и Витебскому, и Преосвященнейшему Антонину, Епископу Псковскому и Порховскому. После сего Владыко, преподав благословение народу и в кратких словах выразив благодарность за радушную встречу Его, начал давать крест целовать и при этом спросил у местного священника крестиков, которые раздавались поцеловавшим крест. Когда все приложились к кресту, Владыко в сопровождении провожавших Его из Гольшово и встретивших в Михалово отправился пешком в квартиру священника. По пути впереди дети бросали под ноги цветы и зелень. На крыльце у квартиры священника Его Преосвященство встретили священник с женой, с хлебом и солью. Владыко благословил хлеб-соль и, преподав благословение, вошел в зал. Помолившись Богу и преподав еще благословение хозяевам дома, благоволил выкушать стакан чая и сей же час отправился на Вокзал на станцию Карсавку – к поезду, к 8 часам вечера, в сопровождении благочинного, законоучителя Полоцкой учительской семинарии, Гольшовского священника, Непременного Члена г. Лаврова и Станового Пристава 2 ст. Люцинского уезда.

Августа 4-ого дня появился в первый раз мороз, земля была утром вся белая.

2 декабря прибыл из погоста Гольшово Люцинский Наблюдатель церковноприходских школ и школ грамоты, Люцинский

благочинный, протоиерей Феодор Никонович. Осматривал школы грамоты, состоящие в районе Михаловского прихода: Михаловскую, Стигловскую и Дегловскую, и из деревни Деглово в 7 часов вечера отправился в г. Люцин.

В сем году родилось мужского пола 65 душ, женского 65 и одна присоединилась из раскола толка Феодосеевского, браки совершили 28 душ и умерло мужского пола 48 душ, женского пола 43 души.

За 1898 год

К 1 января сего 1898 года состояло приходов мужского пола 1618 душ, женского пола 1452 души.

6 января в день Крещения Господня народу собралось в церкви до 500 человек, выход на Иордань был благоприятный, погода была теплой, много было на Иордане католиков и черпали воду.

5 апреля в день Св. Пасхи. Служба начата рано, народу собралось к Богослужению до 600. Погода была благоприятная, служба окончилась в 6 часов утра.

18 мая праздновался день юбилея 50-ти летней службы в священном сане местного священника Ильи Борисовича, с разрешения Его Преосвященства, Преосвященнейшего Александра, Епископа Полоцкого и Витебского. Накануне прибыли священники: Себежского уезда, погоста Синозерья, Люцинского благочиния о. Димитрий Честовский, Лепельского уезда священник Владимир Борисович, из Люцина прибыли местный благочинный, протоиерей Феодор Никонович с соборным Люцинским диаконом Лузгиным, Непременный Член Петр Яковлевич Лавров. Церковь была украшена зеленью и цветами, а также при входе в церковную ограду и в притвор устроены были арки с инициалами юбиляра. К 6 часам вечера – ко Всенощной собралось народу много. Всенощная началась в 7 часов

вечера, которую совершил Люцинский благочинный, протоиерей Феодор Никонович с участием юбиляра и других священников, прибывших накануне торжеств. Богослужение совершалось Св. Пророку Илии с величанием. На Богослужении присутствовало много народа. Среди молящихся были иногородние и иноверные, родные и знакомые юбиляра, приехавшие к празднику. 18 числа мая месяца, утром, пред Литургией, освящены были предназначенные к поднесению юбиляру ценные весьма изящной работы: серебряный вызолоченный образ Св. Пророка Илии в киоте, сделанный по заказу в Москве; золотой крест, приобретенный в лучшем из петербургских магазинов. В 11-ом часу начался благовест к Литургии. К этому времени прибыли Режицкий протоиерей Василий Борисович, епархиальный латышский миссионер Петр Лепинь, Вертоловский священник Гавриил Орлов, Старослободский священник Владимир Никифоровский, Ляудерский священник Симеон Бернадский, Люцинского собора священник Феофан Борисович, Гольшовской церкви священник Владимир Дыман, Люцинский Исправник М. Н. Туленинов с семейством, помощник Исправника, Становой Пристав 2 стана, казначей. И из других мест уезда разные должностные лица и другие лица из отдаленных деревень прихода собралось помолиться за юбиляра и уважаемого своего Пастыря, выразить ему свое приветствие сердечное и поднести освященный крест. За несколько минут до выхода из дома юбиляра все прихожане приготовились к торжественной его встрече. Когда юбиляр – о. Илия, окруженный духовенством, властями, знакомыми и родственниками, вошел вовнутрь церковной ограды, его встретили Непременный Член по крестьянским делам Присутствия Петр Яковлевич Лавров и особая депутация от крестьян-прихожан, из коей четыре человека держали на блюде подносимый от

прихожан крест. С приближением юбилея к крыльцу храма Петр Яковлевич Лавров приветствовал его следующими краткими словами: «Два года назад в южной половине уезда праздновалось пятидесятилетие служения в священническом сане присутствующего здесь уважаемого отца Симеона. По милости Божией и на нашу долю выпала радость ныне чествовать Вас, глубокоуважаемый отец Илия, с таким же долголетним служением престолу Господа. Празднуя день полувекового пастырского служения Вашего, прежде всего мы радуемся милосердию Божию, давшему Вам силу твердо пройти это трудное поприще и сохранившего Вас от всякого злого обстоятельства. Не буду расточать похвал, которые не соответствовали бы всегда отличавшей Вас скромности, а также и Пастырскому смирению. Но нельзя в этот день не отметить некоторых личных качеств Ваших. Твердо помня, что христианская жизнь есть самое лучшее поучение, Вы были действительно христианином и служили во всем и всегда для пасомых Ваших истинно благим примером. Редко приходится видеть человека, у которого так глубоко было бы сознание возвышенности и величия служения Богу. С полным самоотвержением и всецело отдавались Вы пастырскому своему долгу. Много потрудились Вы в храме Божиим и вне его для духовного просвещения простого люда и для исправления его недостатков. В частной жизни Вы были человеком в самом высшем и лучшем значении этого слова. Высокие качества Вашей души и сердца вселили к Вам всеобщую любовь и уважение. Красноречивым доказательством этому служат настоящее торжество и участие в нем не только всех прихожан, но и лиц, нарочито прибывших из разных мест, а также и делаемые Вам подношения. Принося сердечные поздравления с знаменательным днем, искренне пожелаем Вам пожить и послужить в славу Божию и на пользу людям еще многие

годы». После этих слов один из державших блюдо с крестом поднес Непременному Члену отдельное от крестьян приветствие, изящно написанное на брестольской бумаге. Взяв его, Петр Яковлевич Лавров продолжал: «Примите, достоуважаемый о. Илия, безыскусственные, но исполненные чистосердечия, искренности и правды, приветствие близких мне крестьян и Ваших прихожан в этот радостный для Вас и для них день», и прочел с особенной выразительностью это приветствие. В момент, когда были прочитаны слова «прими от нас сей дар священный», депутатами поднесен был юбилею крест, который, с участием благочинного о. протоиерея Ф. Никоновича, он и надел на себя.

Выслушав приветствия, о. Илия обратился к прихожанам с глубокопрочувственным словом, в котором, с присущей ему всегдашней скромностью, отрицал все свои заслуги, сердечно благодарил за оказанное ему, как бы вовсе незаслуженное, внимание настоящим чествованием (торжеством) и подношением. За сим юбилею, все духовенство, власти и народ вошли в церковь и началась Литургия, которая совершалась особенно торжественно Люцинским благочинным, протоиереем Феодором Никоновичем с участием шести священников. Пели два хора, на левом клиросе – местный, а на правом – певчие Гольшовской церкви. Во время Причастия Гольшовским священником о. Владимиром Дыманом произнесено слово. После Литургии на середину церкви вынесена и положена была на аналой поднесенная юбилею от благочинного округа Икона Св. Пророка Илии. Пред самым началом молебна, когда духовенство во главе с вышедшим на молебствие Режицким благочинным, протоиереем Василием Борисовичем занимало свои места около образа, Люцинским благочинным, протоиереем Феодором Никоновичем произнесена, произведшая на юбилея и слушателей

глубокое впечатление, речь. Тотчас после речи началось молебствие Св. Пророку Илии, окончившееся провозглашением диаконом Люцинского собора Сергием Лузгиным многолетия Государю Императору Николаю Александровичу, супруге Его Госуд. Императ. Александре Феодоровне, матери Его Госуд. Импер. Марии Феодоровне, Наследнику Его Госуд. Цесаревичу Георгию Александровичу и всему Царствующему Дому, Св. Правительствующему Синоду и Господину Преосвященнейшему Александру, Епископу Полоцкому и Витебскому, юбиляру и всем христианам. Пред выходом из храма миссионером Епархиальным латышским о. Петром Лепиным поднесена юбиляру трость (посох) из красного дерева, изящно отделанная серебром с резьбой и позолотой, сделанную по заказу в Москве. При поднесении посоха о. Петр Лепинь произнес речь на текст «Не имеем здесь пребывающие града, но грядущего зыскуем» (Евр. 13:14), в которой говорил о высшем небесном предназначении человека и о суетности всего земного. В заключении просил юбиляра принять подношенную ему от Карсавских почитателей иерейскую трость и молиться за них.

Вслед за сим юбиляру, все духовенство, власти и народ, при пении тропаря Св. Пророку Илии, направились к дому юбиляра. Режицкий протоиерей о. Василий Борисович нес впереди поднесенный от духовенства юбиляру Образ. Под аркой, при самом доме, встретила юбиляра многочисленная семья: сыновья, дочери и внуки, масса родных и близких, знакомых. Поистине были трогательные минуты, когда маститый виновник торжества благословлял и целовал подходивших к нему, залившихся слезами радости, своих детей и внуков разных возрастов, из коих многие достигли уже совершеннолетия. Вскоре по приходе простого люда во двор, от хозяев ему предложено было угощение. В доме обед начался в 6-ом

часу. Первый бокал поднят был самим хозяином-юбиляром за драгоценное здоровье Возлюбленнейшего Государя Императора Николая Александровича, супругу Его Госуд. Импер. Александру Феодоровну, Матерь Его Госуд. Импер. Марию Феодоровну, Наследника Его Госуд. Цесаревича Велик. Князя Георгия Александровича и весь Царствующий дом. Во время этого тоста, покрытого оглушительным «ура», хором пропеты многолетие и народный гимн. Второй тост произнесен был протоиереем Ф. Никоновичем за Св. Правительствующий Синод и Г. Преосвященнейшего Александра, Епископа Полоцкого и Витебского. Третий тост поднят уездным Исправником М. Н. Тулениновым за здоровье Г. Начальника губернии. Четвертый тост – П. Я. Лавровым – за здоровье юбиляра, его жены и семьи. Все эти тосты сопровождались пением многолетия и дружным «ура» всех участников обеда. Кроме того, произносили тосты за здоровье Предводителя дворянства князя Н. Н. Мещерского и других должностных лиц духовных и гражданских. Во время тоста в честь юбиляра прочтено было много присланных к нему из разных мест поздравительных телеграмм и писем почитателей, родственников, друзей и знакомых. Из писем, по своему содержанию и искренности выраженных чувств уважения и симпатии к юбиляру, выделялось приветствие Предводителя дворянства князя Николая Ник. Мещерского, не имевшего возможности, по болезни, прибыть лично на празднество. Священником отцом Петром Лепиным сказано было юбиляру приветственное стихотворение.

После обеда хором под управлением г. Русокова весьма стройно исполнили гимн «Коль славен» и, по единодушному желанию всех участников торжества, несколько раз повторен был народный гимн. Юбилейное празднество в общем проведено весьма приятно и гостям тяжело было расставаться

с радушным хозяином-юбиларом, заметно воодушевленным к нему чувствами общей симпатии. Устроенное по случаю полувекового служения о. Илии духовное торжество, свидетельствуя о добрых отношениях к маститому юбиляру всех прихожан, еще более упрочило любовь и уважение к нему и этим облегчило ему трудность пастырского служения...

Съезд к празднеству из разных мест многочисленного духовенства и гражданских властей, отношение их к юбиляру; торжественные встреча и проводы его и еще большая торжественность Богослужения; сделанные подношения и произнесенные при этом приветствия; везде предупредительная подготовленность и образцовый порядок, – словом, все виденное и слышанное простым народом, произвело на него глубокое впечатление, и день 18 мая у большинства останется навсегда в памяти... Умилительно настоящее празднество и в том отношении, что оно является залогом тесного сближения и единения простого народа с духовенством, которые особенно важны и желательны в нашей местности при преобладающем инославном населении.

29 июня в день Св. Первовер. Апост. Петра и Павла – годовой праздник. Еще с вечера, накануне праздника, народ во множестве начал съезжаться, а к Богослужению 29-го собралось более 1 000 людей, разного звания, пола и возраста. Богослужение совершалось соборно: местным священником Ильей Борисовичем совместно с Гольшовским священником о. Владимиром Дыманом, прибывшим к Литургии. После Литургии совершен Крестный ход вокруг церкви и по окончании провозглашено многолетие Государю Императору, Государыням Импер. Марии Александровне (*так в рукописи – А. Г.*) и Марии Феодоровне и всему Царствующему дому, Св. Синоду, Градоначальникам, Военочальникам, христианскому воинству и всем правосл.

Христианам. Народу присутствовало весьма много. Много было иноверцев – католиков и лютеран. Торг и гуляние народа прошли мирно и спокойно, пьянства и буйства не было заметно.

11 декабря из погоста Гольшово прибыл Люцинского уезда наблюдатель церковноприходских школ и школ грамоты Люцинский благочинный, протоиерей Ф. Никонович. Испытывал учеников в школах: в Михаловском народном училище, в Стигловской школе грамоты и в Михаловской школе грамоты по Закону Божию, славянскому и русскому чтению, а также свидетельствовал все письменные церковные документы и всем остался доволен.

С 4 декабря по 6 декабря включительно установился хороший санный путь, а 13 и 14 сошел весь снег и образовалась опять грязь, дождь идет и днем и ночью, небо мрачное.

8 янв. читал Люцинский благочинный протоиерей Никонович.

За 1899 год

К 1 января сего 1899 года состояло прихожан мужского пола 1622 души, женского пола 1475 душ.

6 января, после сильных ветров в этот день была погода тихая, теплая и солнечная, на Иордане к освящению воды, на реку, собралось народу весьма много, все молились усердно и вкушали и мочились освященной водой с благовением.

18 апреля в день Св. Пасхи служба началась ровно в 12 часов ночи, народу собралось до 700 человек, все молились усердно и благоговейно, во время крестного хода вокруг церкви погода была не совсем тихой, служба закончилась в 6 часов утра.

Михаловская река Утрея в январе и феврале месяцах вскрывалась ото льда и заливала даже некоторые дома крестьян, переезд через мост на несколько дней прекращался, чего даже старики не помнят.

26 мая сего 1899 года, по случаю столетия Пушкина – знаменитого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, отслужена заупокойная Литургия о упокоении души его в царствии небесном, а 27-го числа в 4 часа вечера отслужена великая Панихида в Михаловском народном училище в присутствии учеников и их родителей и многих других лиц, нарочно пришедших помолиться Богу за душу в Небесном Царствии знаменитейшего первого русского поэта, а после Панихиды прочтена биография А. С. Пушкина, потом показывались картины посредством волшебного фонаря: Петра Великого, Пушкина и сцены из Полтавы и из его сказки о золотой рыбке и др. Ученики произносили стихи и, наконец, торжество закончилось многолетием Государю Импер. Николаю Александровичу и Супруге Его Александре Феодоровне, Матери Его Государыне Импер. Марии Феодоровне, Наследнику Его Государю Цесаревичу Вел. князю Георгию Александровичу и всему Царствующему дому. Потом ученикам розданы брошюрки в память этого торжества, предложено угощение чаем и раздавали конфеты.

16 июня 1899 г. читал Люцинский благочинный протоиерей Ф. Никонович

В 14 день июня месяца Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна благополучно разрешилась от бремени рождением дочери Марии Николаевны.

28 июня 1899 года в Абос-Тумане скончался Его Императорское Высочество, Наследник Цесаревич и Великий князь Георгий Александрович.

В 7-ой день июля месяца 1899 года Его Импер. Величество Государь Император Николай Александрович в Петергофе, в силу основных государственных законов, соизволил утвердить Наследником Престола Государя и Великого Князя Михаила Александровича, доколе Господь Бог не благословит Его рождением сына.

27 июля месяца 1899 года в половине восьмого часа скончался Его Преосвященство, Преосвященнейший Епископ Полоцкий и Витебский Александр.

20 августа 1899 года Высочайше утверждено о бытии Епископом Полоцким и Витебским Тихону, второму викарию Московской епархии, на место умершего Александра, Епископа Полоцкого и Витебского²⁷.

С 3 по 4 октября ночью был такой большой дождь, что река Утрея вышла из берегов, затопила все огороды деревни и подошла в некоторые дома.

30 октября по случаю совершившегося 100-летия со дня рождения бывшего Высокопреосвященнейшего митрополита Исидора, Петербургского и Ладожского, после Литургии отслужена великая панихида об упокоении души Его в Царствии Небесном.

За 1900 год

6 января погода была ясная и тихая. После Литургии был крестный ход на Иордань, народу собралось весьма много, молились на Иордане весьма усердно и, по случаю тихой погоды, многие держали в руках горящие свечи.

Весна холодная, большей частью сухая, с сильным постоянным западным ветром и по временам – с холодным дождем.

В день Пасхи – 9 апреля. Народу на Всенощную собралось много, Всенощная началась в 12 часов ночи. Во время крестного хода вокруг церкви погода стояла тихая и довольна теплая, а во время Литургии поднялся сильный ветер с дождем. Река Утрея вышла из берегов и затопила все огороды села Пудиново, в нескольких домах чуть не по колено ходили в воде, мост чрез реку чуть удержался, переезд чрез мост был прекращен. Старожилы не помнят такого большого разлива реки.

Визит в Михалово викарного епископа Ерсикского Александра (Витолса).
1939 г. Фотография из личного архива Дм. И. Трубецкого. 1939 г.

В день Св. Перв. Ап. Петра и Павла, 29 июня – годовой праздник, на который с 4 часов по полудни начал собираться народ. На вечерни было много уже народа в церкви. В самый праздник Всенощное бдение совершил местный священник Илья Борисович с псаломщиком Алексием Мазуровым, а к Литургии прибыли из г. Люцина местный благочинный, протоиерей Феодор Никонович с диаконом Сергием Лузгиным и из села Гольшово о. Владимир Дыман. Литургия началась в 10 часов. Служение совершалось соборно. Вместо Причастия местным священником Илией Борисовичем произнесено поучение (о любви к ближнему). После Литургии совершен крестный ход вокруг церкви с молебном Св. Ап. Петру и Павлу. По окончании молебна возглашено многолетие Госуд. Импер. Николаю Александровичу, супруге Его Госуд. Импер. Александре Феодоровне, Матери Его Госуд. Импер. Марии Феодоровне, Наследнику Его Великому князю Михаилу Александровичу и всему Царствующему дому, Св. Прав. Синоду и Г. Преосвященнейшему Тихону,

Еп. Полоцкому и Витебскому, Градоначальникам, военачальникам, христоролюбивому воинству и всем прочим христианам и прихожанам Св. храма сего. Народу было весьма много, молились все усердно и благоговейно. Богослужение закончилось в 2 часа по полудни. Погода была ясная, теплая и тихая. Народное гуляние закончилось в 9 часов вечера. Пьянства и буйства не были замечены.

4 июля 1900 года читал Люцинский благочинный, протоиерей Ф. Никонович

Церковная летопись за 1904 год²⁸

Указом Полоцкой Духовной консистории от 10 октября 1903 года за №10074 к сей Михаловской церкви назначен священником священник Ушанской церкви Лепельского уезда Владимир Борисович. Прежде бывший священник, о. Илия Борисович, по случаю совершенной потери зрения вышел в заштат.

27 января сего года – война русских с японцами, японцы прежде официального

объявления войны напали на русские суда. На нужды войны крестьяне местного прихода отозвались сочувственно: в пользу «Красного Креста» поступали частные жертвы – вещами и деньгами. Причт от себя в пользу «Красного Креста» ежемесячно отчисляет по одному рублю из своего содержания, а из церковных сумм по 2 рубля.

Февраль

Крестьяне местной церкви в высшей степени религиозны: неопустительно посещают храм Божий; заботятся о благолепии его; долг Исповеди отбывают аккуратно; вместе с собой носят и малых детей в церковь – даже в самое ненастное время можно видеть в церкви крестьян со своими ручными детьми. К священнику крестьяне относятся доверчиво: в критических тяжелых случаях жизни обыкновенно являются к священнику за советом, как поступить в известных обстоятельствах, что делать дальше.

Март

В приходе много иноверцев-латышей. В отношении к православному духовенству и прихожанам фанатизма не замечается. В приходе шесть министерских школ, одна церковноприходская одноклассная и две школы грамоты. Детей в школы отдают охотно. Все школы смешанные. Женский процент в школах незначителен, что происходит вследствие отсутствия специальной женской школы. Вопрос об открытии женской церковноприходской школы возбуждался, но за неимением денег приостановился.

В примечании: 29 июня 1904 г. При составлении церковной летописи прошу руководствоваться программой, напечатанной в Епархиальных ведомостях за 1897 г. Благочинный, протоиерей Ф. Никонович.

Апрель месяц. Указом Полоцкой Духовной консистории от 9 апреля разрешено на свободные церковные суммы 600 руб. провести ремонт приходского храма.

Крестьяне очень интересуются войной. Соберется два-три крестьянина и сейчас начинаются разговоры о войне. Газеты покупаются и читаются с большим вниманием.

Начался ремонт храма; Божественная Литургия вследствие внутреннего ремонта не совершается. По воскресным и праздничным дням служитя причастие на всеобщее бдение и акафисты неопустительно.

Сентябрь. 16 сентября окончен ремонт храма. На церковные суммы 600 руб. сделано: 1) Внутри в средней части храма исправлен деревянный пол со вставками четырнадцати новых досок, а в притворе устроен новый цементный пол, новая винтовая лестница на колокольню, устроено два неподвижных шкафа для ризницы и архива; потолки, стены и полы во всем храме окрашены за три раза масляной краской, с предварительной шпаклевкой и шлифовкой стены, причем потолки окрашены белой краской, стена в алтаре разрисована мастерски под мрамор с нарисованными на них четырьмя колоннами, стены в средней части храма разрисованы по трафарету, полы во всем храме окрашены желтой краской, иконостас с лицевой стороны покрашен белой краской, а с задней – под цвет стен храма, окна и двери храма заново перекрашены масляной белой краской и 2) Снаружи на стенах храма произведена поправка покраски в тех местах, где она облупилась и исправлена шпаклевкой железная крыша храма, где она давала течь.

11 октября. Мобилизация прошла довольно шумно. Запасными разламывались винно-куренные лавки, водка разливалась.

Декабрь. В приходе 7 народных училищ, из них одно – женское и две школы грамоты. Детей родители отдают с охотой. Прихожане к храму усердны. Христианский долг исповеди исполняется аккуратно, обучения и беседы слушаются со вниманием, по усопшим служат обет нечасто. Случаев соращения в раскол не было.

В сем 1904 году родилось мужского пола 50, женского 66, обоего пола 116, умерло мужского пола 43, женского – 40, обоих полов 83. Всех прихожан мужского пола 1719, женского 1637.

Михаловской церкви священник Владимир Борисович,

Псаломщик Алексей Мазуров,

11 янв.1905 г. читал Благочинный протоирей Ф. Никонович.

За 1906 год

Январь. Характерной особенностью в отношениях прихожан к пастырю, прежде доверчивых, явилась подозрительность, выросшая на почве новых учений, которые агитаторы, проникающие в деревни, стали распространять. Пастырь в глазах многих является одним из тех недобросовестных чиновников, которые, пользуясь темнотой народа, эксплуатировали этот последний. Рассуждения о ненужном вознаграждении за требы, обряды и таинства, так как, по слову Спасителя ученикам, – «ту не получили, ту и не отдавайте», все должно быть дармовое, стали часто доноситься до слуха причта.

Февраль. Суровость карательных отрядов, присланных в деревни для подавления волнений, выражается в частых казнях и вообще в физических наказаниях виновных, многим из прихожан задала вопрос: может ли власть, поставленная от Бога, отнимать жизнь, благословенную Богом? Религиозные сомнения стали колебать детскую простоту веры крестьян.

Март. Забота о материальном благосостоянии начинает брать перевес над заботой о душе: в храме большую часть присутствующих составляют женщины, разговор религиозный стал уступать место разговору на темы злобы дня.

Апрель 23 числа. Организация церковной общины. Местные крестьяне отнеслись сочувственно.

Местные крестьяне, уходившие на заводы, но возвратившиеся оттуда вследствие бывших забастовок, проявляют нежелательную склонность к подражанию городским жителям в одежде, часто в ущерб удовлетворения насущнейших нужд семьи. Между молодежью замечаются и взрослые.

Май. Долгое направление внимания крестьян в область экономическую разрешается равнодушием к этой области, равнодушием, благотворно повлиявшим на церковность прихожан – охотнее посещается храм Божий, охотнее ставится свеча.

Август. Редкое усердие наблюдается в отношении крестьян к Исповеди в Успенском посту, нельзя не поставить это явление с желанием крестьян заглавить свою вину перед помещиками, перед казной. То же самое наблюдалось и в Рождественском посту.

Михаловской церкви священник Владимир Борисович

За 1907 год

Январь. Крестьяне начинают усиленно поговаривать об ожидаемом расселении²⁹. Предполагают приступить к нему в этом году весной. Не желающих дела сего почти нет. Задержкой в этом добром деле, по мнению крестьян, является боязнь мало-земельных за выгоны, пастбище для скота, каковое в деревне, при совместной жизни, было общим. Местная интеллигенция советует это горе обойти введением межей и держанием пастьбой коров на привези.

Февраль. Заметно было особенная склонность крестьян к изготовлению домашнего пива. На почве усиленного употребления его неожиданно разыгрываются шумные скандалы – само по себе безвредное, сдобренное в сильной степени хмелем домашнее пиво мало чем разнится от водки. Приняты все меры к удержанию крестьян от злоупотребления разрешенным, безвредным напитком.

Карсава. Фотография 1920-х гг.

Март. Исповедовались прихожане в Великом посту очень аккуратно. Несмотря на холод, исповедники неоднократно брали с собой грудных детей.

Апрель. Очень распространено в приходе чествование Св. Великомученика Георгия Победоносца. В этот день утром стадами сгоняется к церкви скот, который, после молебна, тут же кропится Св. водой, приглашают также причт деревни и отдельные хозяева молебствовать и окропить Св. водой скот на полях.

Мая 14 числа причт был приглашен в местное волостное Правление отслужить молебен Св. Николаю Чудотворцу с акафистом по случаю коронования Их Императорских Величеств. На молебне были почти исключительно католики, выслушавшие внимательно молебен и к целованию креста не подошедшие.

1 июня. На усиленно чествуемом приходском празднике Петра и Павла стечение народа из своего и соседних приходов было необычайное. Служба отправлялась соборно во главе с местным благочинным о. Феодором Никоновичем и четырьмя соседними священниками с диаконом. После службы было совершено молебствие с крестным ходом вокруг храма. Усердие прихожан сказалось в большом количестве заказанных молебнов и денежных церковных поступлениях – в это день поступило в церковь пятьдесят рублей.

Прискорбный случай произошел после службы. Не в меру подгулявшие парни

завели между собой драку, в результате которой один из задравшихся едва не был убит. Скверная привычка употреблять при драке железные гири, имевшая в этот день место, фабричного происхождения – один из задравшихся оказался только что пришедшим из города Петербурга. Присутствовавшее на празднике духовенство обратилось к народу с увещанием по поводу произошедшего.

Октябрь. В храмовый праздник Покрова Пресвятой Богородицы прихожане берут икону праздника, несут к себе домой и закладывают молебен. В этот день крестьянские дома пышно украшены зеленью и столы обильно уставлены яствами. Не могу не упомянуть о здешнем употреблении спиртных напитков в этот день и пива. На убеждение возможно меньше употреблять их в большинстве случаев получаешь ответы: «так жилали наши деды и прадеды и нам не к лицу изменять их привычкам».

Михаловской церкви священник Владимир Борисович

1908 год

Январь. Замечается страшная смертность детей от коклюша, скарлатины, кори и других болезней. Крестьяне видят в этом наказание Божие за их грехи 1905 года.

Февраль. Во время поездки по школам не мог не остановить своего внимания на почтительности отношения местного латышского населения к православному священнику – охотно уступает дорога, католики-латыши почти всегда при встрече обнажают головы.

Было два случая перехода православных в католичество при смешанных браках, третий случай был предупрежден – после усиленных увещаний удалось склонить девушку порвать сношение с ее женихом-католиком.

Крестьяне терпят крайнюю нужду в хлебе, и местами слышится ропот.

Март. Вопрос о хуторском расселении решен в положительном смысле. При поддержке от правительства крестьяне стали переносить постройки на новые места, хотя еще не замеренные землемерами. Нельзя не приветствовать доброго начинания. Улучшенное материального положения должно сказаться и на церковности прихода – лишний час будет посвящен размышлениям о высшем назначении человека.

Апрель. Газетные сообщения о частых самоубийствах среди интеллигенции, о случаях из ряда вон выходящей безнравственности, доходя до простого народа, встречают сильное осуждение: «Все это, по мнению крестьян, от забвения Бога».

Май. 3 числа. Был приглашен напутствовать крестьянина, 75 лет, в деревню Стиглово. Поражаешься своеобразностью крестьянских взглядов на смерть. После Исповеди один из соседей подошел к больному и прямо в глаза ему высказал скорость наступления для него смерти: «А ведь ты, Семен, должен завтра умереть. – Правильно говоришь, родименький!»

22 мая. В Спас-Ефр. монастыре епископом Полоцким и Витебским Преосвященным Серафимом³⁰ произнесена речь, в которой Владыко дал оценку католического мира, в целях совращения православных особенно пышно обставившего чествование мнимых Мощей Андрея Боболи. Научно отметив число преступлений, связанных с католической религией в западных государствах, как руководительницей, Владыко для ограждений православных от увлечений католицизмом предписал, на основании слова Божия, священникам на всех, посещающих костелы, произносить анафему, то есть предавать во власть сатаны.

29 июня – приходской праздник Св. Петра и Павла. По примеру прошлых лет Богослужение с крестным ходом вокруг церкви совершенно соборно при многочисленном стечении народа.

Август. Выезжал губернатор для оценки хуторов. Местный священник вместе с депутатом Государственной Думы о. Феодором Никоновичем встречали губернатора на крыльце приходского храма. Его Превосходительство изъявил (желание) зайти в церковь и беседовать с причтом. В разговоре было отмечено, что Его Превосходительством приняты все меры к приведению церковных построек в надлежащий вид.

Сентябрь. Из ряда вон выдающийся случай рождения наблюдался в имении Малново – ноги у ребенка были загнуты за голову, руки приросли к спине, голова чрезвычайно неправильной формы. Родители здоровы и все остальные дети вполне здоровы. Горе родителей беспредельно, недоумевают, за что Господь послал такое наказание. Приглашенный крестить ребенка местный священник утешал родителей, указывая на то, что «пути Божии неисповедимы». Смерть последовала на следующий после крещения день.

Декабрь. До слуха народа дошло несчастье, постигшее Испанию. Местные крестьяне видят в этом наказании католикам. Уверены, что Господь не допустит землетрясения в России.

1909 ГОД

Январь месяц. В день нового года многими прихожанами были заказаны молебны Спасителю и Божией Матери об устройении семейной, общественной и государственной жизни.

Февраль. 1 февраля вышел в отставку псаломщик Михаловской церкви Феодор Брасс, 4 февраля назначен псаломщиком Михаил Журавский.

Март. Исповедь прихожане отбывают аккуратно. Первый день Святой Пасхи 29 числа был холодный, народу, сравнительно с прошлым годом, было мало.

Примечания

- 1 Употреблялось три названия деревни, в которой находится Покровский храм: Михалово (местное название), Михайлово, Пудиново.
- 2 Священник Илья Борисович не отметил дату начала летописи, но известно, что он был назначен на приход в 1869 году.
- 3 *Сахаров С. П.* Православные церкви в Латгалии (Историко-статистические описания). Autoģa izdevums. Rīga.1939. 176 стр.
- 4 Илья Феодосиевич Борисович родился в 1825 году в погосте Мошенино Невельского уезда Витебской губернии в семье дьячка. В 1847 году закончил по первому разряду Полоцкую Духовную семинарию и был рукоположен во священника Холомерской церкви Городокского уезда. Был женат на Дории Семионовне Шниповской (скончалась 4 июня 1898 г.). В их семье было четыре сына, которые стали священниками, и дочь Елена, которая вышла замуж за священника Иосифа Августовича Вишневого. В 1849 году о. Илия был переведен в Шкельтовскую Св. Николаевскую церковь. В 1869 году переведен в Режицу (Резекне) на протоиерейскую должность с назначением благочинным Режицкого округа. В 1869 году переведен в Михаловскую Покровскую церковь (до 1881 года был Режицким благочинным). В 1903 году ослеп и ушел в заштат. Почил 10 октября 1907 года (*Лепиць Петр, свящ.* Заштатной священник Михаловской церкви о. Илия Федосиевич Борисович// Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1907 г. – С.953-955).
- 5 Четыре сына о. Ильи Борисовича – Александр, Михаил, Николай и Владимир стали священниками и служили в Полоцко-Витебской епархии. В целом, во второй половине XIX – начале XX вв. в приходах Полоцко-Витебской епархии служили 12 священников – представителей рода Борисовичей.
- 6 Архив Лудзенской Свято-Успенской церкви, (далее – АЛСУЦ), 1906 г., «Отчет благочинного Люцинского округа прот. Феодора Никоновича епископу Полоцкому и Витебскому Серафиму за первое полугодие 1906 г.».
- 7 Публикатор летописи не располагает точными сведениями о месте и дате кончины о. Владимира Борисовича. Известно, что в 1918 году он переехал на территорию Белоруссии.
- 8 Святые мученики Терентий и Неонила. Дни празднования: 10 ноября (28 октября по старому стилю). По житию блаженный Терентий, благочестивый христианин, сочетался законным браком с единоверною Неонилою, и от сего брака родились у них семь детей: Савиа, Фот, Феодул, Иеракс, Нит, Вил и Евника, коих они воспитали в благочестии. Когда дети вместе с родителями были схвачены нечестивыми и представлены на незаконное судилище, то исповедовали Христа и хулили идолов. За то они были повешены и мучимы строганием, причем раны их поливали крепким уксусом и прижигали огнем. Святые же с усердием молились и утешали друг друга. Бог не презрел их моления и послал святых своих ангелов, которые освободили их от оков и подали исцеление их язвам. Видя святых внезапно освобожденными от оков и исцелившимися от ран, нечестивые ужасались. После сего святые были брошены на съедение зверям, но не испытали никакого зла, ибо звери, по Божию повелению, были кротки как овцы. Тогда они были брошены в котел с кипящею смолою, но тотчас огонь угас и котел охладился, а смола стала похожа на холодную воду. Видя, что муки вовсе не наносят вреда святым, злочестивые мучители мечом отсекали им головы. Святые приняли мученическую кончину в царствование Декия (249-251 гг.).
- 9 В это время в Михалово было 20 крестьянских дворов староверов-поповцев, которые с постройкой православной церкви вошли в ее паству.
- 10 Михаловское имение было государственным, поэтому и не составляло никакого труда выделить причту православной церкви землю.
- 11 Люцин – совр. город Лудза.
- 12 Не совсем понятно, о каком времени пишет священник. Во время постройки Михаловской церкви латгальские приходы входили в состав Псковской епархии (с 1772 по 1795 гг.). В этот период архиерейская кафедра располагалась не в Могилеве, а в Пскове. Лишь в 1795 г. эти приходы перешли в Могилевскую епархию (в 1795-1797 гг.). В 1797-1803 гг. они входили в Белорусскую епархию, в 1803-1833 гг. – в Могилевскую и Витебскую епархию, наконец, с 1833 года вновь оказались в Псковской епархии.
- 13 Епископ Василий (Лужин-Лужинский) служил на Полоцко-Витебской кафедре в 1840-1866 гг.; в 1866-1874 гг. кафедру занимал епископ Савва (Тихомиров); в 1874-1882 гг. – епископ Викторин (Любимов); в 1882-1889 гг. – епископ Маркелл

- (Попель); в 1889-1893 гг. – епископ Антонин (Державин); в 1893-1899 гг. – епископ Александр (Закис); в 1899-1902 гг. – епископ Тихон (Никаноров); в 1902-1911 гг. – епископ Серафим (Мещеряков).
- 14 В 1857 году священник Феодор Заволоцкий доложил Режицко-Люцинскому благочинному священнику Никифору Кушину, что несмотря на все обещания Министерства государственных имуществ Михаловская церковь не была отремонтирована и находится в аварийном состоянии. Когда же, наконец, министерство выделило средств на ремонт храма, оказалось, что постройка в таком техническом состоянии, что не подлежит восстановлению. Поэтому и было принято решение построить в Михалово новый храм (*Гаврилин А. В.* Люцинское (Лудзенское) благочиние Полоцко-Витебской епархии во второй половине XIX- начале XX века. Рига:Филокалия.2004. – С.95-96).
- 15 В тексте летописи опечатка. Речь идет о Покровской церкви в Эржеполе, построенной в 1868-1871 гг. на высоком городище в фольварке Эржеполе. В настоящий момент – город Виляка.
- 16 Великий князь Николай Михайлович (1859-1919) – старший сын Великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровной, внук Николая I; генерал-лейтенант; автор исторических трудов, посвященных эпохе Александра I и наполеоновских войн. Был председателем Русского Исторического общества, доктором русской истории (*honoris causa*) Московского университета, возглавлял Русское Географическое общество, Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины. Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости Петербурга.
- 17 Епископ Маркелл (Маркелл Попель, 1825-1903) родился в дворянской грекокатолической семье. Окончил философский факультет в Черновицах, получил богословское образование во Львове и Вене. С 1868 г. – старший протоиерей Холмского кафедрального собора, с 1871 г. – администратор Холмской грекокатолической епархии. Распорядился восстановить православный обряд, в 1875 г. выступил за присоединение епархии к Православной Церкви, сам присоединился к православию. С 1875 г. – епископ Люблинский, с 1878 г. – епископ Подольский и Брацлавский, с 1882 г. – епископ Полоцкий и Витебский. Открыл в епархии 172 церковноприходских школы, в 1887 г. основал в Витебске Свято-Владимирское братство для религиозно-нравственного воспитания народа. С 1889 г. – присутствующий в Св. Синоде.
- 18 Князь Василий Михайлович Долгоруков был Витебским губернатором в 1884 –1894 гг.
- 19 Речь идет о Голенищеве-Кутузове Викторе Федоровиче (1840-1897).
- 20 День Св. Апостолов Петра и Павла (29 июня) наиболее почитался в Михаловском приходе. В этот день в Покровском храме совершалось праздничное богослужение, на которое собиралось население всех окрестных деревень, а в Михалово проходила многолюдная ярмарка.
- 21 Известно, что в Михалово не было латышских (латгальских) дворов. Ближайшее населенное место (11км от Михалово), в котором в конце XIX века проживали православные латыши, была Карсавка (Корсовка, Карсава). Самостоятельный Карсавский приход был образован в 1911 году, в этом же году в Карсавке был открыт временный православный храм. До этого православные жители Карсавки входили в Михаловский приход. Видимо, о них и пишет о. Илья (*Гаврилин А. В.* Люцинское (Лудзенское) благочиние Полоцко-Витебской епархии во второй половине XIX- начале XX века. Рига:Филокалия. 2004. – С.129-130).
- 22 Епископ Александр (Закис Андрей Георгиевич; 1834, мыза Пуйкель, дер. Криевинь Волмарского у. Лифляндской губ.- 18.07.1899, Витебск), епископ Полоцкий и Витебский. Родился в латышской крестьянской семье. 11 сентября 1851 г. был принят на казенный счет в Рижское Духовное училище. В 1859 г. окончил Рижскую Духовную семинарию и 26 августа 1859 г. архиепископом Рижским и Митавским Платоном (Городецким) рукоположен во иерея. Начинал служить в Успенской церкви прихода Умурга (Волмарского благочиния), в 1860 г. переведен в Никольскую церковь в Лиелварде (Рижского благочиния). Овдовел, в сентябре 1860 г. назначен преподавателем латышского языка в Рижскую Духовную семинарию. В 1861 г. поступил в Киевскую Духовную Академию, которую закончил в 1865 г. 27 июля 1865 г. пострижен в монашество. С 1865 г. преподавал в Рижской Духовной семинарии латышский язык, русскую грамматику, нравственное и апологитическое богословие, гомиетику, каноническое право и русскую историю. Принимал активное участие в издании латышского православного журнала «Училище благочестия». В 1867 г. утвержден в степени кандидата, затем – магистр богословия, в 1870 г. назначен инспектором Рижской Духовной семинарии. 23 ноября 1871 г. возведен в сан

- архимандрита и назначен ректором Могилевской Духовной семинарии, настоятелем могилевского Братского в честь Богоявления Господня монастыря. В период его ректорства здания Могилевской Духовной семинарии были капитально отремонтированы.
- 25 окт. 1883 г. указом Святейшего Синода Александр (Закис) был назначен, а 21 ноября 1883 г. в Св.Троицком соборе Св.Александро-Невской лавры хиротонисан во епископа Острожского, викария Вольнской епархии. Епископ Александр (Закис) – первый православный архиерей латышского происхождения. 3 июня 1890 г. был переведен на Архангельскую и Холмогорскую кафедру. Из-за неблагоприятного северного климата Александр часто болел и, согласно собственному прошению, 16 апреля 1893 г. был уволен от управления епархией, назначен управляющим ставропигиальным Симоновым Новым московским монастырем.
- 3 сентября 1893 г. епископ Александр (Закис) был переведен на Полоцкую и Витебскую кафедру. Предметом особых забот Александра была латышская паства, среди которой он начал активную миссионерскую деятельность. 24 октября 1893 г. в Воскресенской церкви Витебска епископ Александр впервые совершил литургию архиерейским чином на латышском языке. В 1894 г. он учредил особую должность латышского миссионера, старался подбирать на латгальские приходы священников, свободно владевших латышским или латгальским языками. По инициативе епископа Александра ежегодно выделялись средства на издание на латышском языке религиозно-нравственной литературы, в Витебской Духовной семинарии были учреждены стипендии для латышей. В 1895 г. в архиерейском доме было открыто церковно-археологическое древлехранение. Несмотря на тяжелую болезнь, вплоть до своей кончины епископ Александр совершал богослужения в кафедральном соборе, в котором и был похоронен.
- 23 Мариенгаузен (Marienhausen) – немецкое название совр. города Виляка (Viļaka).
- 24 Протоиерей Феодор Никонович (1833-1911) – талантливый проповедник, общественный деятель, депутат III Государственной Думы.
- 25 Владимир Александрович Левашов служил губернатором Витебской губернии в 1894-1895 гг.
- 26 Епископ Антонин (Державин, 1831-1902) был назначен Псковским и Порховским архиереем 3 апреля 1893 года. Скончался 2 марта 1902 г., погребен в кафедральном Св. Троицком соборе Пскова.
- 27 Тихон (Василий Никаноров, 1855-1920, причислен к лику святых РПЦ в 2000 году как священномученик), архиепископ. В 1877 г. окончил Новгородскую Духовную семинарию, в 1881 г. – Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В 1884 г. принял монашество, с 10 июля 1884 г. – иеромонах, с 1888 г. – игумен, с 1890 г. – архимандрит, ректор Новгородской Духовной семинарии. 2 февраля 1892 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 20 августа 1899 г. – епископ Полоцкий и Витебский, с 4 июня 1902 г. – епископ Пензенский и Саранский. 25 июля 1907 года уволен на покой. С 1912 г. – епископ Калужский и Боровский, с 1913 г. – архиепископ Воронежский и Задонский. 9 января 1920 г. во время совершения богослужения был повешен большевиками на Царских вратах Благовещенского собора Воронежа.
- 28 С этого заголовка почерк летописца меняется.
- 29 Речь идет о столыпинской аграрной реформе.
- 30 Серафим (Яков Мещеряков, 1860-1933), митрополит. В 1885 г. закончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, с 1899 г. – магистр богословия. В 1884 г. пострижен в монашество. С 1890 г. – ректор Самарской Духовной семинарии, с 1893 г. – ректор Тифлисской Духовной семинарии. В 1898 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Вольнской епархии, с 1902 г. – епископ Полоцкий и Витебский, с 1911 г. – архиепископ Иркутский и Верхотенский. В 1915 г. уволен на покой. С 1918 г. – архиепископ Костромской и Галичский. В 1922 г. присоединился к обновленческому движению. С 1922 г. – обновленческий митрополит Могилевский, с 1924 г. – митрополит Нижегородский. 11 сентября 1924 г. принес публичное покаяние, был принят в Патриаршую Церковь. С 1927 г. – архиепископ Тамбовский, с 1928 г. – архиепископ Ставропольский, с 1932 г. – митрополит Ставропольский и Кавказский. 17 января 1933 года арестован ОГПУ, расстрелян 7 мая 1933 года.

Abstract

From 1993 until 2011 scientific journal “The Orthodoxy in Latvia” has been published systematically and already has become bibliographical rarity; as well it has been a single academic periodical addressing the issues of history of the Orthodox Church in the Baltic region. Starting from 2012, this journal is getting published in the new version and with the new title “The Orthodoxy in the Baltics.”

10th issue of journal “The Orthodoxy in the Baltics” contains three sections: 1.section “Scientific publications;” 2.section “Memoirs” and 3.section: “Publication of documents.”

The first section of journal contains five original scientific publications. Estonian archive expert *Tatjana Shor* in her article “The documents on Latvian Orthodox Church in the funds of the Synod of Estonian Apostolic Orthodox Church in the Estonian National Archive” offers analysis of historical sources of 20s and 30s of 20th century related to the Latvian Orthodox Church (LOC). As the most valuable historical source in these archives, author mentions the correspondence between the metropolitan of Riga and the all Latvia Augustīns (Pētersons) and metropolitan of Talfinn and the all Estonia Aleksander (Paulus).

Sergey Coja’s article “The Latvian Orthodox Church and the Holy Sergey’s Orthodox

Theological Institute in 20s and 30s of 20th century” is dedicated to the relations between the LOC and the Holy Sergey’s Orthodox Theological Institute in Paris/France. This article also illustrates the life of Latvian students at the Holy Sergey’s Orthodox Theological Institute in 20s and 30s of 20th century. Author states that at the beginning of 20s the hierarchy of the LOC has supported actively the mission of this institute, but after the changes in hierarchy in the middle of 30s, the attitude towards the institute and its graduates has changed.

Latvian historian *Tatjana Feigmane* offers her article on the life and ministry of Sergey Ivanovich Trofimov (1894-1941) who was deputy of 4th Parliament of Latvia, born in the family of Orthodox peasant in the region of Latgale. He was murdered by the NKVD in the village of Baltezers on June 22, 1941.

The article of *Aleksandr Gavrilin* “The unknown Latvian priests: Nikolaj Perehvalskij” tells about the priest of church of Saint Alexander the Nevsky in Riga. He was authors of several Orthodox religious text books for Russian schools in Latvia, the editor of journal “The Faith and Life,” a member of Synod of the LOC. In 1944, he left Latvia as refugee, spent couple of years in the DP (displaced

persons) camp in Germany, but later moved to the USA.

The article of *Svetlana Kovačuk* “Nikolaj Makedonski and Vladimir Volodin – the priests of Spaso – Preobrazhenskij church in Riga” illustrates the life of those two priests who were ministering in Riga 1920s – 1950s. Nikolaj Makedonski was a member the Synod of LOC, but Vladimir Volodin was arrested by the Soviet institutions because of his active ministry.

Memories of one of the leading Latvian architects – Vladimir Shervinski, are published in the second section of journal. This publication has been prepared by his grandson,

Latvian architect Eižens Upmanis. The publication is unique: written in the prison in Siberia in 1952-1955. Vladimir Shervinski shares his memories about the interwar period in Latvia, while he was working as architect of the Synod of LOC.

The third section of journal introduces the fragments of chronicles of church of Mihalovo (Pudinovo) in 1876 – 1913. The chronicles were written by the priests Ilija and Vladimir Borisovich. This historical source illustrates the dominating moods of the Orthodox population at the end of 19th century and beginnings of 20th century, during the age of great changes and challenges in local rural area.

Православие в Балтии
№ 10 (1)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 10 (1)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 10 (1)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU aģentūra „LU Filozofijas un socioloģijas institūts”

Akadēmijas laukums 1, Rīga, LV-1940

tālr. – 67229208 e-pasts – fsi@lza.lv

fakss – 67210806 www.fsi.lv

Izdevējdarbības reģistrācijas apliecība: Nr. 2-0521

Iespiests SIA „Drukātava”, Rīgā, Bauskas ielā 145

С 1993 по 2011 г. было издано девять номеров сборника статей (журнала) «Православие в Латвии. Исторические очерки», которые уже стали библиографической редкостью. Учитывая то, что данное издание является единственным в своей области академическим изданием в балтийском регионе, публикующим новейшие научные исследования по истории Православной Церкви, с десятого номера журнал будет выходить под другим названием – «Православие в Балтии».

№ 10 (1)

Православие в Балтии

Научно-аналитический журнал

Научные статьи

Татьяна Шор
Документы о ЛПЦ в фонде
Синода ЭАПЦ Национального
архива Эстонии

Сергей Цоя
Латвийская Православная
Церковь и Свято-Сергиевский
Православный Богословский
институт в 20-30-х гг. XX века

Татьяна Фейгмане
Сергей Иванович Трофимов

Александр Гаврилин
«Неизвестные» латвийские
священники: протопресвитер
Николай Перехвальский

Светлана Ковальчук
Протоиерей Николай
Македонский и иерей Владимир
Володин – настоятели рижского
Спасо-Преображенского храма

Мемуары

Воспоминания архитектора
В. М. Шервинского

Публикация документов

Церковная Летопись по
Михаловской Церкви во имя
Покрова Пресвятыя
Богородицы.
(Латгалия конца XIX – начала XX
вв. в описании священников
Ильи и Владимира Борисовичей

ISSN 2255-9035

